

Научно-информационный журнал

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ

№1 (ЯНВАРЬ — МАРТ) 2022

Издаётся с 2013 г. Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

- Цветкова Г. А.** Фольклорная традиция в контексте советской культуры 3
Крижевский М.В. Спор о «древних» и «новых» в церковном искусстве 13

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ И КУЛЬТУРА

- Севастьянова С. К.** Архимандрит Леонид (Кавелин)
о почитании преподобного Елеазара Анзерского в Козельске..... 17
Данилова Е. А., Цветкова Г.А. Трансформация семантики богородичных
имен-образов в контексте культурной языковой традиции: постановка проблемы..... 25
Мадикова Л. В. Образ корабля в русской иконографии XV – XVII вв..... 33

ИСКУССТВО, ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА

- Углева Н. В.** «Трон» и «тронное кресло». К вопросу терминологии 41
Щербакова Т. Л. «Восток» как миф в темах и мотивах
орнамента ивановских тканей 49
Карабанов А. А. Государственный гимн в контексте истории..... 56

ИМЕНА И СОБЫТИЯ ПРОШЛОГО

- Соловей Т. Д.** Всероссийской этнографической выставке
1867 года в Москве – 155 лет 62
Лаптев Е. С. Патриотизм в операх советских композиторов 69

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ И ОХРАНА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

- Кохан А. А.** Охрана памятников Великой Отечественной войны
в Крыму в 1945-1957 гг. в документах научно-методического совета
по охране памятников Академии наук СССР..... 76
Краснова Т. Н. Понятие подлинности
в контексте сохранения культурного наследия..... 85

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

- Ермакова М. А.** Трансформация официального и массмедийного дискурса
в продвижении семейных ценностей: актуальные тенденции 94
Орлов С. Н. Формирование единого культурного пространства региона:
институты и практики..... 101

ПРАКТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Иванова Л. Ф.** Культурологический аспект эзотерического туризма
(на примере туров в республику Крым) 107

ОСНОВАТЕЛИ ЖУРНАЛА

В. М. Захаров — доктор культурологии, профессор, Народный артист России, художественный руководитель театра танца «Гжель»;

И. Л. Кучмаева — д. филос. н., профессор, академик, Почётный работник высшего профессионального образования России;

Протоиерей **Олег Колмаков** — благочинный Плесцевского благочиния Ярославской епархии Русской Православной Церкви.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор — **Е. Д. Дерябина**, канд. культурологии, доцент, руководитель отдела Института Наследия;

Заместитель главного редактора — **Л. Н. Михеева**, д-р филол. наук, профессор, Заслуженный работник культуры России, профессор кафедры гуманитарных наук РГСАИ;

Заместитель главного редактора — **Г. А. Цветкова**, канд. культурологии, доцент;

Художественный редактор — **Ю. А. Бревнова**, канд. культурологии, член Союза профессиональных художников России;

Редактор по общественным связям — **А. С. Калашиников**, член Союза театральных деятелей России;

Дизайнер-верстальщик — **О. В. Богданова**, член Союза профессиональных художников России;

Б. Б. Акимов — Народный артист СССР, художественный руководитель Московского хореографического училища при театре танца «Гжель»;

Т. Г. Богатырёва — д-р культурологии, профессор, эксперт Института «Высшая школа государственного управления» РАНХиГС, профессор ИБДА РАНХиГС;

А. Л. Доброхотов — д-р филос. наук, профессор, профессор факультета философии НИУ ВШЭ;

Л. Н. Дорогова — д-р филос. наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы России;

А. Б. Ефимов — д-р физ.-мат. наук, профессор, Почётный работник высшего профессионального образования России, зав. кафедрой истории миссий НОУ ВПО «Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный Университет» (ПСТГУ);

В. Н. Катасонов — д-р филос. наук, д-р богословия, профессор, профессор Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия;

Е. А. Киричок — д-р социол. наук; V1, SAM Schneider Electric;

О. В. Кучмаева — д-р экон. наук, профессор, Почётный работник высшего профессионального образования России, профессор РЭУ им. Г. В. Плеханова;

Ю. А. Лукин — д-р филос. наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы России;

Г. У. Лукина — д-р искусствоведения, зам. директора по научной работе ГИИ;

Е. А. Минаев — д-р искусствоведения, ведущий научный сотрудник МГИК;

А. В. Окороков — д-р ист. наук, зам. директора по научной работе Института Наследия;

М. Ю. Парамонова — д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник ИВИ РАН;

Ю. С. Путрик — д-р исторический наук, кандидат географический наук, руководитель центра социокультурных и туристских программ Института Наследия;

В. В. Патоков — канд. экономических наук, председатель МОО «Русский культурный центр»;

В. Н. Расторгуев — д-р филос. наук, профессор, Почётный работник высшего профессионального образования России, профессор кафедры философии политики и права МГУ им. М. В. Ломоносова;

Т. Д. Соловей — д-р исторических наук, профессор, профессор кафедры этнологии МГУ;

В. И. Уральская — канд. филос. наук, Заслуженный деятель искусств России, гл. редактор журнала «Балет»;

Н. П. Ходакова — д-р пед. наук, зав. кафедрой математики и информатики дошкольного и начального образования Института педагогики и психологии образования МГПУ;

Е. П. Чельшев — Академик Российской академии наук, доктор филологических наук, главный научный сотрудник центра фундаментальных исследований в сфере культуры Института Наследия, Заслуженный деятель науки РФ;

Ю. М. Чурко — д-р искусствоведения, профессор кафедры хореографии БГУКИ (Республика Беларусь).

А. В. Рачинский — д-р истории, Институт Восточных языков и цивилизаций, Сорбонна, Париж.

Учредители: Федеральное государственное бюджетное научно-исследовательское учреждение «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева» (Институт Наследия); Межрегиональная общественная организация (МОО) «Русский культурный центр».

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидатов и докторов наук.

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

RAR
УДК 008
ББК 71
DOI 10.34685/NI.2022.36.1.001

ФОЛЬКЛОРНАЯ ТРАДИЦИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ*

Цветкова Галина Александровна,
кандидат культурологии, доцент,
ведущий научный сотрудник, Институт Наследия,
ул. Космонавтов, 2. Москва, Россия,
galinatsvet@rambler.ru

Аннотация

Рассматривается политика советского государства в сфере культуры, место и роль фольклорной традиции в культурной революции. Выделяются этапы дифференциации, адаптации и интеграции традиции в советскую культуру и партийные категории социально-классового, идейно-политического, этно-национального сопряжения традиции и коммунизма в культуре СССР.

Ключевые слова

Фольклорная традиция, советская культура, культурная революция, советский народ.

Тема государственного культурного строительства всегда привлекала отечественных исследователей и в отдельных аспектах изучена достаточно полно¹. Но, как и вся отечественная

историография, была в плену политической конъюнктуры и, если в советской ученые были сосредоточены на позитивных показателях культурной революции, то в перестроечное время исследовательские интересы склонялись к вопросам выявления негативных последствий идеологического вторжения в сферу культуры².

1 Боров Ю.Б. Великая Октябрьская социалистическая революция и становление советской культуры. М., 1985; Социализм и культура. М., 1982; Лукин Ю. А. Идеология и художественная культура. М., 1982; Советская культура в реконструктивный период. 1928-1941. Отв.ред. М.П. Ким. М., 1988 и др.

2 Бабиченко Д. Л. Несостоявшаяся оттепель. Литература 1940-х годов под контролем идеологической цензуры. М., 1996.

* Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева» по теме «Формирование и функционирование певческих групп в сельской местности в контексте угасания локальных аутентичных традиций (1990-е гг. – настоящее время) на примере юго-западной русской и казачьей песенных традиций» Рег. № НИОКТР: 121021700010-7.

Осмысление судьбы фольклорной традиции как элемента культурной политики стало частным предметом в русле переоценки всего советского прошлого в постсоветской исследовательской практике³ и актуализировалась с введением в научный оборот ранее недоступных источников⁴. Но независимо от субъективных интерпретаций и, исходя из логики нацеленности советского государства на коммунистическое устройство общества, безусловным является тезис о подчинении всей фольклорной традиции целенаправленной активности власти в сфере культуры — культурной революции, что можно принять исходным методологическим постулатом исследования судьбы фольклорной традиции в контексте советской культуры.

С начала установления Советской власти деятельность её определяла стратегия новизны, отказ от старого, создание принципиально нового социально-экономического строя, новой культуры, нового человека. Эта стратегия изначально ставила традицию в оппозицию к Советской власти, как пережиток, тормозивший движение к новому. Проблема состояла в доминировании традиционного мышления в среде населения, что было неприемлемым, принципиально несовместимым с планами новой власти, поскольку вопрос стоял о сторонниках революции, опоры новой власти, её жизни и смерти.

Актеры пролетарской революции — большевики — не имели иллюзий по поводу культурного уровня населения России. Они знали, что этот уровень недостаточен для её осуществления и строительства социализма в России, а между тем, культура рассматривалась как один из главных факторов успеха установления власти большевиков. Но лидеры партии выдвинули теоретическое положение об инверсии факторов готовности: после взятия власти и при поддержке мировой революции, культурные преобразования должны были опереться на созданные социально-экономические, политические и идеологические предпосылки. Но реальные условия становления нового государства заставили осу-

ществление замысла подчинить задачам сохранения и выживания советской власти.

Потребовалось форсированное развитие страны, что обусловило усиление прикладного характера культурных преобразований, всего культурного строительства и сильное партийно-государственное внимание к этой сфере. Разрабатывались идеология социалистической культуры и программные установки культурного строительства, что получило в советской историографии общее название «культурная революция»⁵.

С установлением единовластия ВКП(б) стала основной направляющей силой культурного строительства. В довоенный период её незыблемыми принципами были партийность, классовая оценка явлений культуры, обязательность «четкой классовой линии в работе коммунистов на культурном фронте»⁶.

В 1920-х гг. тактика в отношении традиции в комплексе культуры определялась стратегиями, источником которых был марксизм — специфически адаптированная общественно-экономическая теория Маркса. Этот, приспособленный Лениным к обстоятельствам России теоретический комплекс был «по-гегелевски систематичен, исполнен высокого интеллектуализма, апелляции к исторической необходимости и техническому развитию промышленности»⁷. Но для понимания судьбы традиции важно, что в этой теории «человеческое существо» рассматривалось скорее, как «марионетка, подвластная все-

3 Ахиезер А.С., Давыдов А.П., и др. Социокультурные основания и смысл большевизма. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2002. 610 с.

4 Например, Рассел Бертран. Практика и теория большевизма. Пер. с англ. издания 1920 г. М. : Наука, 1991. 128 с.

5 Само понятие «культурная революция» изначально связано с задачами строительства нового общества. В резолюции ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» от 18 июня 1925 года, где впервые в партийных документах появилось понятие «культурная революция», устанавливалась связь культуры с задачами государства. (Отметим, что партийные решения связывали понятие «культурной революции» с художественной литературой). В этой резолюции ЦК устанавливает рубеж активного, направленного культурного развития, констатируя, что Советская страна вступила «в полосу культурной революции, которая составляет предпосылку дальнейшего движения к коммунистическому обществу»/ КПСС о культуре, просвещении и науке: Сб. док. М., 1963. С.151.

6 КПСС о культуре, просвещении и науке. С.174.

7 Рассел Бертран. Практика и теория большевизма. Пер. с англ. издания 1920 г. М. : Наука, 1991. С. 5-6.

могущим материальным силам», а власть, увлеченная этой «нетерпеливой философией», полна «стремления создать новый мир без достаточной подготовки его во взглядах и чувствах простых людей»⁸.

В сфере культуры налицо была парадоксальная ситуация. Установилась власть приверженцев, носителей традиции — рабочих и крестьян, но главной целью этой власти было разрушение традиционной жизни, фундаментальной основы их жизни. Инверсия задач (захватим власть и будем изменять мировоззрение людей) означала перепахивание поля форсированными темпами и беспощадными средствами. Уже в 1920 г. Бертран Рассел, расположенный к большевикам и революции, с предчувствием обнаружил: «Российская революция сильнее изменяет повседневную жизнь и структуру обществ: она вносит также большие перемены в представления и убеждения людей».

В процессе формирования советской культуры⁹ на уровне технологии произошло раздвоение традиции: как образ жизни и как сфера художественной деятельности.

Всё, что относилось к образу жизни — от духовно-нравственных её оснований до бытовых санитарно-гигиенических привычек — подвергалось переделке, а отделённый от него комплекс фольклора перемещался исключительно в сферу художественно-творческой деятельности, которая могла послужить новой власти как средство воспитания. Последнюю функцию предопределил Ленин, понимая, что теперь судьба советской власти зависела от «состояния ума» и, прочитав «Смоленский этнографический сборник» В.Н. Добровольского и «Северные сказки» Н.Е. Ончукова, он рекомендовал: «Какой интересный материал... Я бегло просмотрел эти книжки и вижу, что не хватает, очевидно, рук и желаний все это обобщить, всё это просмотреть под социально-политическим углом зрения. Ведь на этом материале можно было бы написать прекрасное исследование о чаяниях и ожиданиях народных... Это подлинно народное творчество, такое нуж-

ное и важное для изучения народной психологии в наши дни»¹⁰.

Советской власти нужно было говорить с народом на одном языке, неотложно понадобились адекватные средства, которые, воздействуя на чувства и эмоции силой внятных символов и художественных образов, внедряли бы в народное сознание коммунистические идеи и идеалы, постепенно формируя стереотипы и нормы мировосприятия.

Фольклор, наравне с научным и политическим, стал источником идеологических дискурсивных практик¹¹. Опыт народнической интеллигенции свидетельствовал, что прямое насаждение социалистических идей в массовое сознание не увенчалось значительным успехом — абстрактные категории: «революция», «эксплуатация», «атеизм» не находили отклика у народа, т.к. они были чужими, «барскими»¹². Все абстракции следовало перевести в эмоциональный план. Способом преодоления отторжения массами трудящихся социалистических идей стала лингвистическая процедура соединения абстрактных социалистических категорий с фольклорными лексемами. Была осознана необходимость перевода их на язык народных представлений. Переведенные идеи обретали образно-эмоциональное, фольклорное толкование, тем более, что идеи большевистской доктрины органичны народной языковой почве в силу «определенной генетической связи большевизма с архаикой»¹³. Слова «социализм», «капитализм», «пролетариат», «буржуазия» интерпретировались не как социальные категории, а как имена традиционалистских архетипов зла и добра, своих и чужих¹⁴. В свою очередь большевистская лексика наполнялась архаическими лексемами. Появились смешанные фразеологизмы: «единая семья братских народов», «вождь мирового пролетариата», «социалистическая Русь».

8 Там же.

9 Понятие «советская культура» употребляется в смысле простой хронологической связи культурного развития с историческим периодом, или как особый культурный тип, сформированный советской системой.

10 Бонч-Бруевич В.Д. В.И. Ленин об устном народном творчестве//Советская этнография, 1954. № 4. С. 118//цит. По Русский фольклор. М. : Художественная литература. 1985. С.363.

11 Ахиезер А.С. Указ. соч. С. 464-465.

12 Там же.

13 Там же.

14 Там же. С.466.

Распространенным средством стало наложение социалистических идеалов на традиционные родоплеменные архетипы. Так, например, использование архетипа власти в пропаганде новых взглядов на власть (имелась в виду, конечно, советская власть) являла поэзия казахских и киргизских народных сказителей. В традиционном акынском панегирическом жанре «мактоо» (восхваление старейшины, вождя) написана песня Токтогула «Что за мать родила такого сына, как Ленин!»¹⁵.

Использование фольклорных культурно-языковых норм, древних родоплеменных, общинных представлений усиливало эффективность воздействия на умы. В среде борцов за классово выверенную культуру возникло понимание необходимости песни и сказки как первоочередной народной потребности¹⁶.

В 1920-х гг. был создан огромный песенный массив на основе песенной традиции. В советской поэзии шла «напряженная работа по созданию массовой лирической песни, которая бы, с одной стороны, опиралась на социокультурные традиции бытования лирической песни в народной жизни; с другой, пыталась ввести современную жизнь всего народа в идеальное лирическое пространство»¹⁷. Понимание функциональной значимости песни в деле формирования «умов» сказалось в открытии в Госиздате «Новой серии лубочной литературы», выходе в 1920-е серии «Библиотека для рабочих и крестьян» («Имба-

читальня»)¹⁸. Так продвигался классово ориентированный подход к массовой литературе, прежде всего для деревни, как наиболее связанной с традицией: «нужна своя советская лубочная литература — песенник, сказка... на что чувствуется большой спрос на книжном рынке, особенно в глубокой провинции». В этом направлении просчитывалась осторожность в комплексе прямого и опосредованного действия на эмоциональную сферу и нравы традиционной жизни. Так, «песенник с одними революционными песнями не удовлетворяет: нужен общий песенник, как и в старину, с бросающейся в глаза лубочной картинкой, простонародной песней... Такие песенники можно было бы наполовину или на треть заполнить революционными песнями и, благодаря этому, они привились бы лучше, даже в самой глуши»¹⁹ и замещали бы привычки грубых традиций деревенской жизни: «Где до одури льют самогонку, хлещутся кольями, сходятся на кулачные бои целыми деревнями и поют отвратительные бесстыдные самодельные частушки». Но пока связь с традицией была крепка и чрезмерность вторжения в традиционный быт была опасна сопротивлением: «из старого наследия может быть принято все, пусть не революционное, но такое, что не противоречит новому быту и не идет ему вразрез, т.е. стоит исключить царя, веру, и отечество, — остальное не принесет вреда, а только пользу»²⁰.

Стремление власти понятно излагать новую идеологию находило воплощение в наиболее удобных и доступных жанрах фольклорной традиции. Так, поговорки и пословицы были включены в идеологическую функциональную систему, распознанные современными исследователями «как важные составляющие общей семиотической организации эпохи»²¹. Идеологическая инструментальность этого жанра связана

15 «Нам на счастье Ленин рожден, // Нам на счастье он стал вождём, // Шлёт он соколов далеко // Отчим взмахом своей руки. // Можем мы держать высоко // Наши белые колпаки! / Цит. По: Ахизер. С. 466.

16 В 1923 г. крестьянско-пролетарский поэт М. Артамонов писал заместителю председателя агитационно-пропагандистского отдела Госиздата А.К. Воронскому: «Когда Бухарин говорил, что нужен советский Пинкертон, он был прав только на половину... Свое детство я провел в деревне... среди почти первобытного народа... и первой книгой был ... песенник и сказка. Эту потребность никто не учел до сих пор, а она сильна» / Цит. по: Корниенко Н. «Песенное слово» и массовый читатель / Советское богатство: Статьи о культуре, литературе и кино / Под. Ред. М. Балиной, Е. Добренко, Ю. Мурашова. СПб. : Академический проект, 2002. С. 205.

17 Корниенко Н. «Песенное слово» и массовый читатель / Советское богатство: Статьи о культуре, литературе и кино / Под. Ред. М. Балиной, Е. Добренко, Ю. Мурашова. СПб. : Академический проект, 2002. С. 204.

18 В серии были выпущены новые песенные книги: «Деревенская улица. Песни» (1924) М. Артамонова, «Сарафан. Простые песни» (1924) Г. Деева-Хомяковского, «Провода в соломе» (1927) М. Исаковского и др.

19 Корниенко Н. Указ. Соч. С. 205.

20 Корниенко Н. Указ. Соч. С. 205.

21 Скрадоль Наталья. Сталинские гномы, или эпистемология советского остроумия // НЛО. 3/2013. № 121.

с эффектом «эпических ассоциаций»²², вызываемых самыми краткими литературными жанрами. Созданные советские поговорки и пословицы имели структурное единство с традиционным фольклором и смысл их был понятен в контексте дискурсивной политики²³. Были выпущены многочисленные сборники²⁴ с идейно выверенными пословицами и поговорками, типа: «Не боимся мы напасти, быть всегда Советской власти», «Раньше церковь да вино, теперь клуб да кино», «Что завоевано революцией, то подтверждается Конституцией», «Политически останешь — обывателем станешь», «Кликали жен бабами, а теперь зовем прорабами» и т.д.²⁵

22 Якобсон Р. О русском фольклоре // Якобсон Р. Язык и бессознательное / Пер. с англ., фр. К. Голубович, Д. Епифанова, Д. Кротовой, К. Чухрукидзе, В. Шеворошкина; сост., вступ. слово К. Голубович, К. Чухрукидзе. М., 1996. С. 97—105, 98.

23 «Анализ пословиц показывает, что у механизма после-революционной и сталинской пропаганды много общего с техниками остроумия и комизма — в особенности с теми из них, которые задействованы в пословицах и поговорках... пословицы сталинского (и несколько более позднего) периода рассматриваются как особого рода дискурсивные коды, формулы того, что можно определить как идеологически выверенное остроумие и идеологически правильный языковой комизм» / Там же.

24 Рабочие пословицы и поговорки (Собрал А. Прусаков) // Смена. 1952. № 3. С. 24; Кудрявцев К. Пословицы и поговорки, бытующие в Костромской области. Костромское книжное издательство, 1958; Василенок С., Сидельников В. Устное поэтическое творчество русского народа: Хрестоматия. М., 1954; Соболев А. Народные пословицы и поговорки. М., 1956; Кашцев В. Народная мудрость // Молодой колхозник. 1958. № 8; Французов А. Новые пословицы // Молодой колхозник. 1956. № 3.

25 Советские пословицы и поговорки: «Хозрасчетная бригада — потерям преграда», «Машину поймаешь — далеко пойдешь», «Закон рабочей чести — не стоять на месте, а постоянно двигаться вперед и помогать тому, кто отстаёт», «Губит лень, а спасает трудолюбие», «У кого много трудовой, тому и жить веселей», «Вывод простой: где прогул, там и простой», «В поле орехи — в колхозном амбаре прорехи», «Где растяпа да тетеря — там не прибыль, а потеря», «Кто с агротехникой дружит — об урожае не тужит». «Выдавай плавку скоростную — прославляй страну родную», «Береги колхоз — получишь хлеба воз», «Были у нас бары — пустели амбары, сгинули бары — полны амбары», «Путь к победе ближе и короче, если дружат крестьянин и рабочий», «Были времена — не знали полотно; а теперь годы стали — шелка носить стали», «Не будь тетерей — борись с потерей», «Колхозная

Новую фазу, по существу поворот, в культурном строительстве открыл ХУШ съезд партии (1939)²⁶, на котором был сделан очень важный вывод о новой политической ситуации в стране, а именно, о том, что социализм советском государстве в основном был построен, и страна вступила в новую полосу развития — завершение строительства социалистического общества. Этот вывод о победе социализма был гибельным знаменем для фольклорной традиции.

Фольклорные традиции, взятые как аспект быта (досуговое времяпрепровождение, ритуальное оснащение жизненных коллизий), с принятием новой стратегической линии окончательно перемещалась на периферию быта и обрекалась к забвению. Эта неизбежность продуцировалась новой расстановкой сил: завершение внутренней классовой борьбы, успехами коллективизации и индустриализации, успехами в достижении всеобщей грамотности, создании новой социально-классовой структуры, собственной интеллигенции и интернационального союза многонационального государства СССР. Поэтому на смену поиску взаимопонимания, разговора с народом на языке народа для власти наступило время понуждения к культуре в её советском формате. С ознаменованием победы социализма в его основе борьба за умы интенсифицировалась.

На партийном съезде и было выдвинуто теоретическое положение о расширении культурно-воспитательной функции советского государства, которая с победой социализма становилась одной из главных функций

сила — кулакам могила», «Один — за всех, а за тебя — весь цех», «Машина любит смазку, передовой опыт — огласку», «Кип скоро пришел — сварил плавку хорошо»; «Веди завалку скоро, но толково»; «Вот и построй тут завод, когда бетон совсем не идет»; «Браковые валы не потянут и волю», «Каков запуск, таков и выпуск», «На месте застрял — от жизни отстал»; «Кулаку от колхозных ворот — крутой поворот», «Плут не кидай кое-как — подберет кулак!», «Велик день для лодыря, а для ударника мал», «Лодырь хочет прожить не трудом, а языком», «Кто не любит критики, тот не хочет исправиться», «Партийный — человек активный» / Цит. по Скрадоль Наталье. Указ. соч.

26 XVIII съезд 1939 г. был последним съездом ВКП(б) перед войной. Следующий - XIX - произойдет через 13 лет - в 1952 г., на котором партия будет переименована в КПСС.

государства²⁷. Практическим следствием этого положения должно было быть усиление государственного руководства культурным процессом в стране. Но по существу реализация этого программного положения началась во второй половине 1940-х гг. Вторая мировая и Великая Отечественная войны скорректировали партийные планы.

После войны внутренняя и международная политическая ситуация, интенсифицируемое «холодной войной» противостояние экономических систем и идеологических врагов определяли приоритет укрепления военно-экономической мощи, реконструкции тяжелой промышленности, демонстрации преимуществ социализма как социально-экономической системы и теоретическому обоснованию правильности советского идеологического курса и правомерности государственно-партийного руководства в сфере культуры. Было выдвинуто теоретическое положение о направляющей роли партии в духовной жизни как закономерности социализма, что на практике обеспечивало советское содержание культурной политики и «необходимый размах в культурной работе». Направляя процесс культурной революции на достижение поставленных целей и задач, ВКП(б)²⁸ первостепенное значение придавала методу идейного воздействия на развитие советской культуры.

Особенность нового идеологического дискурса в сфере культуры заключалась в смене нормативной диспозиции, что существенно обесценивало фольклорную традицию как характерную черту народной культуры. Теперь народ выступал не объектом окультуривания, а её субъектом — борцом за новую культуру, творцом советской культуры. Эта диспозиция жила на тезисе о состоявшемся новом качестве народа, новом свойстве его сознания.

Утверждалось, что народ своим добровольным жертвенным подвигом поддержав государство и власть, в ходе войны окончательно сформировался как единый советский, в его «патриотизме гармонически сочетаются национальные традиции народов и общие жизненные

интересы всех трудящихся Советского Союза»²⁹. Этот новый народ в своей структуре ещё имел два пласта, разделялся по степени идейности на «авангард» (сознательная часть) и «тылы» (часть, ещё требующая «подтягивания»). Но советская причастность сама по себе санкционировала первым право считать себя носителями истинных духовно-нравственных и социальных ценностей, а вторым — право реализовать свою потребность приобщения к более высокому социальному статусу авангарда. А обязанность обслуживать и удовлетворять народные интересы и требования возлагалась на сферу культуры. Партия (как лидер авангарда) и государство (как орган власти) теперь оценивали деятельность сферы культуры по критерию соответствия «высоким запросам и художественному вкусу советского народа», не оставляя места для рассуждений, что «народ якобы «не дорос»³⁰. Претензии от имени народа предъявлялись деятелям культуры в императивных категориях: «перестроиться и повернуться лицом к своему народу», «доказать, что вы способны лучше служить своему народу», «связь с народом должна быть как никогда тесной»³¹.

В своих инвективах от лица народа партия требовала изъятия из обихода, как «недостойные и несвойственные советским людям», «развлекательность без идейной нагрузки», трофейные «дрянные изделия заграничной эстрадной порнографии», «песенки и танцы» в ритме импортных «блюзов, фоксов, бостонов», «кабацкая меланхолия»³² песенной лирики отечественных

27 Восемнадцатый съезд ВКП(б), 10-21 марта 1939 г.: Стеногр. отчет. М., 1939. С.24.

28 ВКП(б) была переименована в КПСС в 1952 г. на XIX съезда партии, последнем при жизни Сталина.

29 Из информ. доклада Г.М. Маленкова о деятельности ЦК ВКП(б) / Жданов А.А. Сталин и космополиты/ Андрей Жданов, Георгий Маленков. М.: Алгоритм, 2012. С.162-163.

30 Вступительная речь и выступление А.А.Жданова на совещании деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б) в январе 1948 г. / Жданов А.А. Сталин и космополиты/ Андрей Жданов, Георгий Маленков. М.: Алгоритм, 2012. С.156-157.

31 Там же. С.150-151.

32 «Кабацкой меланхолией» клеймили песни на стихи А. Фатьянова («Три года ты мне снилась», «Давно мы дома не были», «Соловьи, соловьи не тревожьте солдат», «Майскими короткими ночами»).

авторов³³. В этом полемическом дискурсе в защиту народного художественного вкуса произошло невольное возрождение ценности традиционной культуры: «Мы, большевики, не отказываемся от культурного наследия... всех народов, всех эпох, всего богатства народных мелодий, песен, напевов, танцевальных и плясовых напевов, которыми так богато творчество народов СССР»³⁴. Но возрождение было не целью, а носило тот же инструментальный характер: «Воспользоваться богатством... для того, чтобы отобрать из него всё то, что может вдохновлять трудящихся советского общества на великие дела в труде, науке и культуре»³⁵.

Под знаменем воли народа и с опорой якобы на его традиции начал разворачиваться марш за культурный подъем, беспрецедентный по масштабам и охвату населения, особенно в деревне³⁶. Фольклорные жанры были вовлечены в процесс придания народности художественной культуре, что порождало квазифольклорное творчество с яркой идейно-воспитательной подоплёкой³⁷. Используя жан-

ровые возможности фольклора «быть ближе к народу», ангажированные советские авторские произведения редуцировали потенциал формы глубинной народной мудрости до плоской идеологической схемы³⁸.

Начиная со второй половины 1940-х, партия и государство уделяли воспитательной работе первостепенное место во внутренней политике, в процессе чего, фольклорная традиция угасала как аутентичная и трансформировалась в организованное художественное творчество.

В очень тяжелых послевоенных условиях восстановления народного хозяйства, в условиях дефицита сил и средств по решению партии были выделены огромные по тем временам средства для создания условий творческого развития масс.

В февраль 1947 года созданы Дома крестьянина, которые «являются культурно-просветительным учреждениями и имеют своим назначением повышение культурного уровня и политической сознательности колхозников, рабочих и служащих МТС и совхозов, сельской интеллигенции, крестьян-единоличников»³⁹. С конца 1950-х гг. усиливается «культурное обслуживание» сельского населения путём повышения роли клубов и библиотек, непосредственно нацеленных на «массово-политическую работу в деревне» и «улучшения» состава культурпросветработников.

Нетривиальным способом материальной поддержки развития творчества на селе стало назначение Домов крестьянина как бытового учреждения для приезжающих в города и районные

33 Постановление ЦК ВКП(б) «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» / О партийной и советской печати / Сб. док. (1903-1954). М., 1954.

34 Вступительная речь и выступление А.А. Жданова на совещании деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б) в январе 1948 г. / Жданов А.А. Сталин и космополиты/ Андрей Жданов, Георгий Маленков. М.: Алгоритм, 2012. С.151-152.

35 Там же.

36 В форме фольклорного жанра, например, объяснялась престижность культурности: «Человек культурный – высокое звание. Культура – это образование. Без учёна культуры нет, темным становится белый свет... Вот вам мои советы: книжки читайте, читайте газеты!... Культура это значит грамотно жить... Жизнь красна не только работой. Любим мы с особой охотой петь и плясать... песня в деревне царевна. А ежели парень как следует спляшет – жизнь веселей, теплей, и краше! ... С глушью кончай деревня советская, кончай со скукой-тоской. И будет жизнь деревенская не хуже городской» / Кирсанов С. Приветное слово Марии Смысловой. // Культурно-просветительская работа. 1946. № 2(10)-3(11). С.59./Цит. по Цветкова Г.А. Альтернативы самосознания послевоенного советского общества / Очерки истории культурно-исторического и национального самосознания / Под ред. А.И. Зиминой. Тольятти, 2005. С. 237-257

37 Фольклорными образами были наполнены советские фильмы, например, «Богатая невеста», «Свадьба с при-

даным», «Свинарка и пастух», «Трактористы», «Кубанские казаки» и др.

38 Например, «...Гляди вперед// пусть мелочи не тянут вниз// одна забота – был бы сыт...// ты приглядишься – ведь коммунизм// уже в наш прорастает быт// вот он... вот.. на длину руки!// За дверью...за стеной...вот-вот// все переборки и замки сорвет и запросто войдет!...// Войдет? Сам? Нет... ты погоди – в трудах народ к нему веди» /Грибачев Н. Весна в «Победе» // Знамя. 1948. № 12. С.26-27./Цит. по Цветкова Г.А. Альтернативы самосознания послевоенного советского общества / Очерки истории культурно-исторического и национального самосознания / Под ред. А.И. Зиминой. Тольятти, 2005. С. 237-257.

39 Положение о домах крестьянина. Приложение к Постановлению Совета Министров РСФСР от 19 февраля 1947 // С.138-139.

центры⁴⁰, а в конце 1950-х с этой целью укреплялась материальная база клубов, обязывая «федеральные и местные власти разного уровня при распределении капиталовложений предусматривать ассигнования на строительство» учреждений культуры⁴¹ и обеспечивать деятельность по развитию народных художественных промыслов, организации производства изделий в новых районах»⁴².

Государство поставило целью, чтобы «каждый сельский Совет имел, как правило, государственный клуб и библиотеку», предписывало принять меры к развертыванию сети передвижных культурно-просветительных учреждений: избы-читальни, красные чумы, яранги, культбазы, клубы-автомобили, плавучие культбазы, культпалатки и т.п. и активизации Общества по распространению политических и научных знаний, «значительно расширить чтение бесплатных массовых лекций для городского

и сельского населения. ... Организовать чтение лекций в клубах, колхозах, совхозах и МТС»⁴³. С этой целью расширялось издание научно-популярной литературы, использование хроникально-документальных и видовых фильмов. Но и существовало понимание необходимости: «при проведении культурно-массовой работы учитывать национальные особенности народностей, проживающих на территории РСФСР»⁴⁴. При этом партия стремилась направить традиции в русло государственной культурной стратегии следующими мерами: «обеспечить создание новых высокохудожественных произведений народного прикладного и декоративного искусства, привлекать к творческой работе по созданию уникальных изделий и образцов для серийно-массового производства художественных изделий наиболее квалифицированных мастеров и художников, освобождая их от выполнения обычных копийных работ... практиковать систематическое проведение художественных выставок, общественных просмотров и конкурсов ... с целью развития творческой инициативы народных мастеров, одаренных мастеров-художников, установить им индивидуальные производственные задания, упорядочить заработную плату, организовать рекламу изделий артелей художественных промыслов, используя печать, радио, телевидение, организацию специальных стендов, передвижных выставок и др.»⁴⁵

Размывающим фольклорную традицию фактором стала этно-национальная политика, аккумулированная идеологией «советский народ»⁴⁶.

40 Дома крестьянина осуществляли «предоставление им помещения для ночлега и культурного отдыха, ... а также организации общественного питания». Давалось право организации в Домах крестьянина кинотеатров, библиотек, читальни, красные уголки, общежития, столовые, буфеты, чайные, парикмахерские, бани, камеры для просушки одежды и обуви, заезжие дворы, стоянки для лошадей и другого скота, кузнечно-шорные ремонтные мастерские, склады для хранения имущества и продуктов колхозников, а также камеры хранения ручного багажа и пр.// Положение о домах крестьянина. Приложение к Постановлению Совета Министров РСФСР от 19 февраля 1947 // С.138-139.

41 «Оказывать поддержку бесперебойным снабжением топливом и освещением сельских клубов, организовать производство необходимой мебели, инвентаря и оборудования для домов культуры, сельских и колхозных клубов и библиотек, отпускать для нужд колхозов на строительство культпросвет учреждений необходимое количество древесины, организовать производство оконных блоков, дверных коробок и других деталей, обеспечить бесперебойный завоз в сельскую торговую сеть репродукторов, радиоприемников, запасных деталей и питания к ним»/ Постановление Совета Министров РСФСР от 2 марта 1957 г. № 84 //Культура в нормативных актах советской власти 1938-1960. М. : ЗАО «Юридический Дом «Юстицинформ», 2011. С.346 -347.

42 «Разрешить приобретать в гос. и кооперативных розничных магазинах... вышивальные нитки, лаки, краски, химикаты, бумагу, кисти, мелкий инструмент и другие материалы за наличный расчет с единовременными затратами не более 75 рублей» / Постановление Совета министров РСФСР от 30 июля 1957 г. № 894. // С.442-445.

43 «Постановление Совета Министров РСФСР от 2 марта 1957 г. № 84//Культура в нормативных актах советской власти 1938-1960. М. : ЗАО «Юридический Дом «Юстицинформ», 2011. С.346 -347.

44 «Там же. С.348.

45 «Постановление Совета министров РСФСР от 30 июля 1957 г. № 894. // С.442-445.

46 «Термином "советский народ" была в 1971 г. названа "Новая историческая, социальная и интернациональная общность людей, имеющих единую территорию, экономику, единую по социалистическому содержанию и многообразную по национальным особенностям культуру, федеративное государство и общую цель - построение коммунизма" (ФЭС, 1983, 620; см. также Ким, 1972). Постановлением XXIV съезда КПСС советский народ возник как эффект прочного социально-политического и идейного единства всех классов и слоев, наций и на-

Хотя провозглашался отказ от создания «интегральной супернации», а культура провозглашалась как «национальная по форме и советская по содержанию», стратегия тотального союза наций и народов в формате «советский народ» была неизбежно разрушительной для аутентичной традиционной культуры, так как нарушала главные принципы её организации: локализация, отторжение «чужого», закрытость для диалога культур⁴⁷.

Положение фольклорной культуры усложнилась с началом деконструкции СССР и советского социально-экономического строя. Художественная культура, перестав быть идеологическим средством, стала объектом вкусовщины, средством манипуляции искусством в угоду рыночным ставкам.

Таким образом, судьба фольклорной традиции в контексте советской культуры складывалась в зависимости от этапов развития культурной революции, воли коммунистической партии.

родностей, заселяющих территорию СССР. Их общим языком - т.е. языком советского народа - был признан русский язык, что являлось выражением "той роли, которую играет русский народ в братской семье народов СССР" (ФЭС, 1983, 620).

47 «С точки зрения истории теоретического сопряжения фольклорной традиции и «советского народа» интересен факт партийно-государственного вмешательства в самом конце 1970-х – 1980-х гг., в научную дискуссию, поводом для которой стали книга Л.Н. Гумилёва «Этногенез и биосфера Земли» и статья, поддерживавшего его идеи Ю. М. Бородея «Этнические контакты и окружающая среда». Гумилёв определял этнос как «замкнутую систему дискретного типа» и утверждал, что каждый этнос, живя сам по себе, способен к значительным достижениям в области культуры, искусства и философии, поскольку обладает собственным «органичным и оригинальным мироощущением», но, если происходит смешение этнических групп (путём смешанных браков) и наложение друг на друга «несовместимых» мироощущений различных этносов, возникает крайне негативное явление – «химера», являющаяся негармоничным сочетанием двух-трех элементарных этносов – сочетание, порождающее «мироотрицающий настрой» и соответствующую деструктивную практику и идеологию. Сторонники Гумилёва увидели в этих идеях защиту «русских национальных традиций». Но Заключением ЦК КПСС от 28 апреля 1987 г. взгляды Гумилёва были признаны «теоретически несостоятельными», «особенно нелепыми по отношению СССР, где такие контакты играют важную роль в процессе сближения советских народов, где уже имеются многие миллионы этнически смешанных семей».

В течение всего советского периода культурная политика имела телеологический характер, была подчинена одной цели — построение коммунистического общества. Народные традиции изживали, приспособляли и даже возрождали во имя унифицированной советской культуры. Место и роль фольклорной традиции в советской культуре в целом определялись практической пользой в деле формирования социалистического сознания трудящихся. В процессе созидания советского общества, превращения страны из аграрной в индустриальную фольклорная традиция угасала как имманентная быту и переходила в зону досуга как жанровое разнообразие художественной самодетельности.

Источники и литература

1. Ахиезер А.С., Давыдов А.П., и др. Социально-культурные основания и смысл большевизма. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2002. 610 с.
2. Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе: Пер. с англ. М. : Политиздат, 1991. 480 с.
3. Жданов А.А. Сталин и космополиты/Андрей Жданов, Георгий Маленков. М. : Алгоритм, 2012. С.151–152.
4. Заключение комиссии Отделения истории АН СССР о работах Л.Н. Гумилёва в ЦК КПСС/ Бригадина О.В. История культуры России новейшего времени: Комплекс учебно-информационных материалов. Мн. : ООО «Юнипресс», 2003. С. 543–544.
5. Корниенко Н. «Песенное слово» и массовый читатель/ Советское богатство: Статьи о культуре, литературе и кино/Под. Ред. М. Балиной, Е. Добренко, Ю. Мурашова. СПб. : Академический проект, 2002. С. 200–220.
6. Культура в нормативных актах советской власти 1938–1960. М. : ЗАО «Юридический Дом «Юстицинформ», 2011. С.346 -347.
7. Рассел Бертран. Практика и теория большевизма. Пер. с англ. издания 1920 г. М. : Наука, 1991. 128 с.
8. Скрадоль Наталья. Сталинские гномы, или эпистемология советского остроумия//НЛО. 3/2013. № 121.
9. Цветкова Г.А. Альтернативы самосознания послевоенного советского общества /Очерки истории культурно-исторического и национального самосознания / Под ред. А.И. Зимина. Тольятти, 2005. С. 237–257

FOLKLORE TRADITION IN THE CONTEXT OF SOVIET CULTURE

Tsvetkova Galina Aleksandrovna,

PhD, assistant professor

Senior Research Fellow, Heritage Institute, Kosmonavtov Str., 2. Moscow, Russia,

galinatsvet@rambler.ru

Abstract

The policy of the Soviet state in the sphere of culture, the place and role of the folklore tradition in the cultural revolution are considered. The stages of differentiation, adaptation and integration of tradition into Soviet culture and party categories of socio-class, ideological-political, ethno-national conjugation of tradition and communism in the culture of the USSR are highlighted.

Keywords

Folklore tradition, Soviet culture, cultural revolution, Soviet people.

RAR

УДК 7.03

ББК 85.7

DOI 10.34685/NI.2022.36.1.002

СПОР О «ДРЕВНИХ» И «НОВЫХ» В ЦЕРКОВНОМ ИСКУССТВЕ

Крижевский Максим Владимирович,

иерей, кандидат искусствоведения,
доцент кафедры Истории и теории христианского искусства
факультета Церковных художеств ПСТГУ,
Новокузнецкая ул., 23 Б, Москва,
maxim71-03@yandex.ru

Аннотация

Рассматривается проблема последствий эстетических инноваций в церковном искусстве на примере «Спора о древних и новых» XVII в. и в контексте уроков церковной истории.

Ключевые слова

Церковное искусство, Спор «древних и новых».

История знает немало примеров полемики и даже конфликтов из-за различных точек зрения на искусство, тем более, — на инновации в искусстве, а если речь идет об искусстве церковном, то это отдельная большая и сложная тема.

Спор об искусстве, звучащий сегодня в Церкви, явление не новое. Можно вспомнить много исторических примеров того, как инновации, обновления различных сфер религиозной жизни, возбуждали протест современников, своего рода контрреформацию. Так, что в целом это полемика хорошо известная и изученная: от перемен художественных стилей при смене династий и религиозных систем в Древнем Египте¹, до споров об иконопочитании в Византии, и до нашего времени. Но все древние примеры подобных споров имеют общий признак: обновления рассматриваются, как ненормальное, часто маргинальное явление, как бы оно себя не утверждало — в скалывании древних памятников изобразительного искусства с пирамид и нанесении на их месте

новых, или в проведении богословских дискуссий — инновация всегда была на грани скандала.

С эпохой Возрождения подобные споры не прекращаются, но инновация становится нормой культуры. И полемика вокруг нового искусства тоже становится нормативной. Она обретает пафос всеобщности. Это происходит не сразу, это происходит при серьезном сопротивлении многотысячелетней древней культуры. Этот сложный процесс утверждения нового состояния искусства растянулся почти на пятьсот лет. Но было в данном сюжете на наш взгляд одно ключевое событие, которое можно назвать водоразделом в истории искусства, эстетики. Речь идет о знаменитом споре среди французских литераторов в конце XVII века. Его, собственно и называют Спором «древних и новых».

Прецедентным этот спор можно назвать потому, что, начавшись между несколькими известными деятелями литературы и театра своего времени, он распространился на все области искусства и культуры в целом, и со временем стал алгоритмом, в соответствии с которым искусство и по сей день решает многие вопросы модернизации, которые исторически перед ним возникают. В семидесятые годы XVII века во Франции

1 Пунин А.Л. Искусство Древнего Египта. Раннее царство. Древнее царство. СПб., 2008. 464 с.

начался спор о литературе, с одной стороны, писателя, известного нам с детства по «Красной шапочке» и «Коту в сапогах», Шарля Перро, с другой стороны, самого знаменитого французского трагика того времени Жана Батиста Расина. Каждый отстаивал свою правду с позиций классицизма, но в определении понятия нормы, одного из важнейших понятий в классицизме, в отношении к норме в искусстве они расходились.

Перро критиковал античную классику за неспособность вместить и отобразить жизнь в ее полноте, стесненную древними представлениями о гармонии и мере в искусстве. Шарль Перро писал не только сказки, но увлекался модными жанрами романа и оперы, зарождавшимися в то время, а также панегириками Людовику XIV, за что Король-Солнце активно поддерживал предложенный Перро новый канон в искусстве, в соответствии с которым, античной трагедии противопоставлялся роман, как новая и более выразительная форма. Более того, романы писались на французском в противовес латинской классике, что было весьма в духе национально-патриотической политики Людовика, и отвечало концепции Великого века, и способствовало небывалому распространению книжной культуры в народ при нем. Очевидно, как искусство и искусствоведение вовлекалось и подчинялось социально-культурным запросам времени, как сейчас сказали бы — становилось трендом. Расин сперва высокомерно высмеивал и это новое искусство, и своего оппонента, но скоро стало понятно, что спор приобретает серьезные масштабы, кроме короля на стороне новых, — как стали называть последователей нового канона и Шарля Перро в отличие от древних — сторонников Расина, — оказались многие авторы и художники, а главное, большая часть читателей и зрителей.

Масштабы спора росли, скоро он охватил все жанры. И уже пуссенисты спорили с рубенсистами о живописи, спорили архитекторы. Двадцать лет спустя вожди партий примирились. Но аккумулированная в споре идейная позиция стала своеобразной парадигмой, которая не только зафиксировала хронически переживаемое историей искусства противостояние, но и предопределила совершившееся в ближайшее столетие стилевое расслоение на классицизм и барокко, и, в сущности, заложила основу романтизма: очевидно плюралистичного в стилевом отношении направления в искусстве.

До этого времени стили сменялись, последовательно формируя эстетику целых культурно-исторических эпох, теперь настало время одновременного сосуществования различных стилей. Количество стилевых наслоений с тех пор и до нашего времени только умножается, дробится, и это состояние стало нормой в искусстве Нового времени. Таким образом, произошла легализация инновации в истории искусства. Утвердилась двойственная и далее множественная, плюралистичная норма или отсутствие нормы, как таковой, как еще одна, самая близкая к нам по времени эстетическая концепция.

За двадцать лет до начала спора «древних и новых» в России, в Москве возникает Кружок ревнителей благочестия², который занимается в числе прочего вопросами реформирования церковного искусства. Вопросы были потому, что этот процесс также требовал выявления нормы, которую пытались найти между древним русским благочестием и новой просвещенческой эстетикой. Явление похожего на Спор древних и новых порядка, возможно, подтверждающее Концепцию множественного открытия³, или Одновременного изобретения, в соответствии с которой значительные открытия или изобретения делаются независимо и одновременно различными людьми. Идея обновления искусства, художественной культуры действительно в то время «витала в воздухе» и европейском, и русском. Допустима и некоторая степень влияния, рецепции европейских идей на русской почве, но это не наша тема сегодня.

Спор в Московском царстве развивался уже в пределах церковного искусства, и опирался он на другие, в отличие от сугубо эстетических, аргументы. Инициированная ревнителями благочестия полемика опиралась на аксиому вторичности эстетики в церковном искусстве. Искусство в Церкви подчиняется критериям литургическим и догматическим, а вопросы эстетики остаются для него второстепенными. Деятельность Кружка стала питательной средой трагедии Раскола в Русской Церкви. Но это уже

2 Лавров А. С., Морохин А. В. Ревнители благочестия: очерки церковной и литературной деятельности. СПб.: Наука, 2021. 336 с.

3 Мертон / А. П. Огурцов // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / пред. науч.-ред. совета В. С. Стёпин. 2-е изд., испр. и доп. М. : Мысль, 2010. 2816 с.

проблема скорее духовно-аскетического порядка. Для нас важно, что теоретически вопрос решался верно: протопоп Аввакум обличал новых «изуграфов» так: «Мы же, правовернии, тако исповедуем, яко святии научают нас, Иван Дамаскин и прочии: в членах, еже есть в составах, Христос, Бог наш, в зачатии совершен обретесе, а плоть его пресвятая по обычаю девятимесячно исполняшесе; и родися Младенец...»⁴. То есть, Аввакум в собственной интерпретации, но тем не менее, ссылаясь на догмат о Боговоплощении, который в сознании Церкви всегда был основанием богословия образа.

И даже когда личные духовные ошибки привели прот. Аввакума к серьезным искажениям догматов, критика икон нового письма осталась, в сущности, догматически безупречной. Преподобный Иоанн Дамаскин, на которого ссылается Аввакум, первым систематически сформулировал догматический аргумент в защиту иконопочитания. В объяснении понятия канона церковного искусства преподобный Иоанн ссылаясь на догмат о Боговоплощении⁵. Его мысль обобщила многовековой богословский святоотеческий опыт.

Два упомянутых исторических примера являются показательными в смысле определения границ и полюсов нашего дискурса. Первый случай — Споры древних и новых, споры искусствоведческого и шире — гуманитарного, показывает, как легко такое обсуждение становится ангажированным: социально, идеологически, политически, даже экономически. Как быстро искусствоведение способно прилаживаться к этим внешним условиям. Даже если при этом оно открывает для себя совершенно новую реальность в истории искусства — это ненадежное основание для решения важных вопросов бытия Церкви, вопросов, касающихся церковного искусства.

Разговор о современном церковном искусстве все чаще направляют в сугубо искусствоведческую перспективу. Мы должны понимать опасность такой спекуляции. Церковное искусство не ищет открытий и изобретений, потому, что оно является одной из форм Божественного От-

кровения. В Откровении ему уже открыта полнота Содержания и форм, которая всегда будет недостижимым пределом стремления для искусства мирского. Главная его задача церковного искусства — сохранение верности этому Божественному Откровению, для чего оно ориентируется на догматическое сознание Церкви, и на соответствие литургическим критериям. Такие уроки нужно было бы извлечь, вспоминая сегодня Споры древних и новых в связи с проблемами современного искусства Церкви.

Второй сюжет, наш отечественный из того же XVII века напоминает, насколько тяжелыми могут быть последствия богословского дискурса, если он не основан на духовно-аскетическом опыте, на подвиге Христа ради, если он вырастает из личных амбиций и человеческих страстей. Богословский метод относительно свободен от общегуманитарных связей, тем более, свободен, если он имеет догматическое обоснование. Но если богословие образа не вырастает из здорового личного духовного, мистического, аскетического опыта, оно чревато ошибками пострашнее, чем стилистический раскол европейской культуры и искусства. Оно заканчивается разбиванием об пол кафедрального собора икон нового письма⁶, приводит к расколу церковному, к отпадению от Церкви огромного числа верующих — к страшной трагедии. Вот, чему нас должен сегодня научить раскол XVII века.

Мы не пытаемся в рамках сегодняшнего небольшого рассуждения найти причины церковного раскола XVII века. Этому посвящена большая литература. Хочется только отметить важность тех мер, которые стоило бы предпринимать во избежание ошибок в полемике: недопустимо сведение проблем современного искусства Церкви к проблемам только искусствоведческим; в основании рассуждений о церковном искусстве должен быть догматический аргумент — догмат о Боговоплощении, как начало богословия образа; и, наконец, использование богословского метода без полноценной церковной жизни, в молитве, богослужении, Таинствах, таит в себе большую опасность.

Все эти задачи можно пытаться решать в рамках образовательной подготовки церковных

4 Житие протопопы Аввакума ... и другие его сочинения (под ред. Н. К. Гудзия). М.; Л.: Academia, 1934. 210с.

5 Полное собрание творений св. Иоанна Дамаскина : Пер. с греч. Т. 1. Санкт-Петербург : Имп. С.-Петербург. духов. акад., 1913. / Т. 1. 1913. XXIV, 442 с. / Три защитительных слова против порицающих святые иконы. 347-441 с.

6 Макарий, митр. Московский и Коломенский. История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 7.

художников и искусствоведов. Она должно сочетать в себе полноценное творческое, богословское и гуманитарное образование с искренней христианской жизнью студентов. Ничего нового здесь не придумать, остается начать делать то необходимое, о чем мы уже давно все прекрасно знаем. Видимо, в этом вопросе не стоит бояться количественных потерь. Большое количество неверующих иконописцев не просто не нужно Церкви, оно несет в себе реальную опасность для нее.

Список литературы

1. Власов В. Г. Спор о древних и новых // Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства: В 10 тт. Т.9. СПб. : Азбука-Классика, 2008.

2. Пунин А.Л. Искусство Древнего Египта. Раннее царство. Древнее царство. СПб., 2008.

3. Лавров А. С., Морохин А. В. Ревнители благочестия: очерки церковной и литературной деятельности. СПб. : Наука, 2021.

4. Мертон / А. П. Огурцов // Новая философская энциклопедия: в 4 тт. / пред. науч.-ред. совета В. С. Стёпин. 2-е изд., испр. и доп. М. : Мысль, 2010.

5. Житие протопопы Аввакума ... и другие его сочинения. Под ред. Н. К. Гудзия (М.; Л.: Academia, 1934).

6. Полное собрание творений св. Иоанна Дамаскина : Пер. с греч. Т. 1. Санкт-Петербург : Имп. С.-Петербур. духов. акад., 1913. Т. 1. 1913.

DISPUTE ABOUT THE "ANCIENT" AND THE "NEW" IN ECCLESIASTICAL ART

Kryzhevsky Maksim Vladimirovich,

Priest, PhD, Associate professor,

Stories and theories of Christian art, PSTSU, Novokuznetskaya Street, 23 B, Moscow,
maxim71-03@yandex.ru

Abstract

The problem of the consequences of aesthetic innovations in church art is considered on the example of the "Dispute about the ancient and new" of the XVII century and in the context of lessons of church history.

Keywords

Ecclesiastical Art, dispute "about the ancient and the new".

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ И КУЛЬТУРА

RAR

УДК 930.85

ББК 63.3

DOI 10.34685/NI.2022.36.1.003

АРХИМАНДРИТ ЛЕОНИД (КАВЕЛИН) О ПОЧИТАНИИ ПРЕПОДОБНОГО ЕЛЕАЗАРА АНЗЕРСКОГО В КОЗЕЛЬСКЕ^{*}

Севастьянова Светлана Климентьевна,
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры социальной антропологии
и межкультурной коммуникации
Сибирского института управления – филиала РАНХиГС,
ул. Нижегородская, д. 6, г. Новосибирск,
Российская Федерация, 630102
e-mail: sevask@mail.ru

Аннотация

Личность прп. Елеазара Анзерского, уроженца Козельска, привлекла внимание архим. Леонида (Кавелина) в связи с интересом ученого к истории Калужской епархии. Помимо изложения краткой биографии подвижника в одном из изданий книги об Оптиной пустыне, о. Леонид упомянул об иконных изображениях старца. Статья посвящена анализу фактов, позволивших связать почитание прп. Елеазара на родине с осмыслением его аскетического опыта, соединившего древнерусские традиции православной веры и мистическое восточное христианство.

Ключевые слова

Прп. Елеазар Анзерский, архим. Леонид (Кавелин), храм Богоявления Господня в г. Козельске, храм в честь Казанской иконы Божией Матери в Оптиной пустыне, Иоанно-Предтеческий скит, церковь в честь Собора Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, духовная преемственность.

* Сердечно благодарю наместника Введенского ставропигиального мужского монастыря Оптина пустынь епископа Можайского Леонида (Толмачева), викария Святейшего Патриарха Московского и всея Руси за консультацию, ценные советы и источники, которые помогли расставить в статье акценты и уточнить детали известных в литературе фактов.

В круг святых и подвижников благочестия на Руси архим. Леонид (Кавелин) включил прп. Елеазара Анзерского († 1656)¹, который уже в начале XVIII в. имел общерусское почитание² и св. изображения, созданные в традиции севернорусской иконографии³. (Илл. 1)

Илл. 1. Прп. Елеазар Анзерский. Икона. Первая половина XVIII в.

У архим. Леонида нет специальных работ о св. Елеазаре, основателе скита на одном из островов Соловецкого архипелага, молитвеннике о рождении царевича Алексея Михайловича и духовном учителе будущего Патриарха Никона. Обращение ученого архимандрита к личности Елеазара связано с его интересом к истории Оптиной пустыни, где о. Леонид принял постриг в монашество (1857) и начал свой аскетический путь. Его заметки о почитании святого на родине, в Козельске, открывают перспективы для осмысления духовной генеа-

логии анзерского старца⁴. Актуальность и новизна данной темы обусловлены отсутствием в исследованиях о Елеазаре упоминаний о богослужебной практике и иконографической традиции на его родине. Надеемся, что наши скромные наблюдения станут стимулом для изучения служебных текстов и иконных сюжетов, созданных в честь прп. Елеазара Анзерского в Козельской земле.

Источник архим. Леонида о прп. Елеазаре Анзерском. (Илл. 2)

Илл. 2. Свято-Троицкий Анзерский скит. Современный вид

В очерк о Введенской Оптиной пустыне архим. Леонид поместил биографическую справку о св. Елеазаре. В ее основе — издание архим. Досифея (Немчинова) о Соловецком монастыре⁵. Текст источника воспроизведен достаточно точно: мы отметили случаи нового порядка слов, уточнений и парафраза. Есть и издательские ошибки. Уточнение с противоречащей действительности датой: «При семь случаѣ пожалована ему (Елеазару. — С.С.) грамота съ прибавленіемъ ружнаго и денежнаго жалованья для Анзерскихъ скитянь (начально опредѣленнаго еще въ 1620 году, по благоволенію патріарха Никона) и на получение изъ казны всякихъ церков-

1 Леонид (Кавелин), архим. Святая Русь. СПб., 1891. С. 110–111 (№ 457). Служба прп. Елеазару составлена после 1838 г. /Голубинский Е. История канонизации святых в Русской Церкви. М., 1903. С. 159, 557.

2 Чумичева О. В., Севастьянова С. К., Кольцова Т. М. Елеазар // ПЭ. М., 2008. Т. 18. С. 262.

3 Кольцова Т. М. Иконография преподобного Елеазара Анзерского // Наследие Соловецкого монастыря: Сб. докладов всеросс. конфер. Архангельск, 2007. С. 168–179; Белоброва О. А. Очерки русской художественной культуры XVI–XX веков. Сб. ст. М., 2005. С. 97–102; и др.

4 Чрезвычайно интересной, но самостоятельной теме почитания прп. Елеазара Анзерского в старообрядческой среде в данной работе внимание не уделяется.

5 Досифей, архим. Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. М., 1836. Ч. 1–2. С. 317–326; [И. Л.]. Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни. Изд. 2-е. СПб., 1862. С. 157, сн. 71. Ссылки на это изд. — в тексте статьи, в круглых скобках. Цитаты из дореволюционных изданий даны в орфографии оригинала.

ныхъ потребностей какъ-то: воска, ладана, меда и проч.» (с. 154). Опечатка в годе кончины прп. Елеазара — 1665 (с. 155).

Цитируя базирующийся на подлинных соловецких документах очерк о прп. Елеазаре, архим. Леонид сократил текст источника⁶. Это придало изложению биографии старца стройный вид и помогло четче выразить идею преемственности монашеского подвига опыту «древнихъ скитскихъ отцевъ».

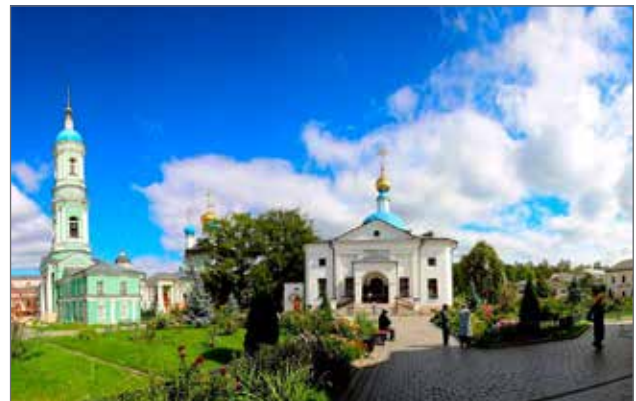
Память прп. Елеазара в г. Козельске. Излагая историю Козельска, архим. Леонид дал краткую справку о церкви в честь Богоявления Господня. Выстроенная в камне после пожара 1777 г., уничтожившего деревянное строение XV в., она известна как первый в городе православный храм. Среди чтимых прихожанами икон архимандрит упомянул изображение прп. Елеазара Анзерского со сщмчч. Власием и Антипой⁷. Приведена и надпись на иконе: «преподобный Елеазаръ Анзерскій, уроженецъ города Козельска, сынъ купца Севрюкова, преставился 1656 году Генваря 13-го дня» (с. 151). Образ пожертвован козельским городским головой М. Д. Иноземцевым. Личность дарителя — особая тема. Остановимся лишь на иконографическом сюжете.

Свв. Власия, еп. Севастийского († ок. 316) и Антипу, еп. Пергамского (I в.) почитают в православии как «действенных заступников и помощников в бедах»⁸. Посетивший опального Патриарха Никона в Воскресенском монастыре

осенью 1663 г. архимандрит афонского монастыря Костамонит Феофан поднес святителю частицу мощей сщмч. Власия⁹. Сщмчч. Власия и Антипу принято писать среди избранных святых, соименных членам семьи заказчика, что, по-видимости, реализовалось и на иконе, вложенной г-ном Иноземцевым в Богоявленскую церковь. В сюжете св. изображения, как и в каноне и молитве прп. Елеазару Анзерскому на Соловках¹⁰, доминировала тема «скорого заступления».

Чаяние козельчан молитвенной помощи святого выражено и в созданном в XX в. акафисте¹¹, читаемом на всенощном бдении в день памяти прп. Елеазара 13/26 января. В воскресные дни служится общий молебен, где поминаются все святые храма, в том числе и прп. Елеазар.

Фреска в храме в честь Казанской иконы Божией Матери в Оптиной пустыни. (Илл. 3)

Илл. 3. Церковь в честь Казанской иконы Божией Матери в Оптиной пустыни. Вид со стороны южных ворот. Современное фото

6 Досифей, архим. Географическое... описание... С. 319–321, 322–323, 324.

7 Возведенный в конце XVIII в. на месте сгоревшей Богоявленской церкви одноименный храм был уничтожен в начале Великой Отечественной войны. Икона прп. Елеазара современного письма с частицей мощей святого находится в козельском Благовещенском храме.

Мощи прп. Елеазара после их обретения летом 1757 г. покоились под спудом в Троицкой церкви на Анзере, а после закрытия Свято-Троицкого скита в 1925 г. были вскрыты и увезены с Анзерского острова в неизвестном направлении. Однако в 2003 г. в разоренном погребении обнаружены частицы мощей святого. Сегодня они хранятся в Соловецком монастыре, в Благовещенском храме г. Козельска и во Владимирской церкви в Твери. — [Б. а.]. Преподобные во святых мощах // URL: http://d177087.u24.alta-hosting.ru/cvyatyeh%20v%20mowax/prerodobnii_3.html#prpEA (дата обращения: 01.12.2021).

8 Бугаевский В. А., Лосева О. В., Никифорова А. Ю., Герасименко Н. В. Антипа // ПЭ. М., 2001. Т. 2. С. 542–543; Бугаевская Л. А., Жаворонков П. И., Турилов А. А., Шевченко Э. В. Власий // ПЭ. М., 2005. Т. 9. С. 104–105.

9 РГАДА. Ф. 52 (Сношения России с Грецией). Оп. 1. Д. 8. 1663 г. Л. 2–7.

10 Осипенко М. В. Соловецкая обитель: история и святые. Книга паломника. СПб., 2014. С. 607.

11 Рукописный экземпляр акафиста с благословением епископа Калужского и Боровского Онисифора († 1966) к исполнению в Козельске в день памяти святого, заверенным епархиальной печатью 28 марта 1956 г., до своей кончины хранил благочинный Козельского округа прот. Валерий Даниличев († 2008). До того, как иерод. Елеазаром (Карловым), насельником Оптиной пустыни, подлинник был увезен на Афон, он был издан. — Акафист и житие преподобного отца нашего Елеазара, Анзерского чудотворца и Козельского молитвенника. Козельск, 2008. По словам епископа Можайского Леонида, оригинал рукописного акафиста утерян.

Казанский храм, возводившийся в первое десятилетие XIX в. во Введенской Оптиной пустыни, отличался от других монастырских церквей богатством иконной и стенной живописи (с. 183, 184). Оригинальные св. изображения внутри собора не сохранились. Не описаны они и архим. Леонидом. Однако образ прп. Елеазара воспроизведен монастырскими иконописцами в 2000-х гг. на северной стене центральной арки на фреске, выполненной по древнему способу «влажной» росписи. (Илл. 4.).

Илл. 4. Центральная арка Казанской церкви. 2012 г. Фото В. И. Печенева

Это единственное изображение прп. Елеазара в храмах Оптиной пустыни. Анзерский старец изображен со свв. отцами Русской Православной Церкви. В центре композиции из семи фронтальных фигур в нижнем ряду — прпп. Сергей Радонежский († 1392) и Андрей Рублев († 1430). Справа от «игумена земли Русской» — прп. Елеазар, с левого края — прп. Александр Свирский († 1533); во верхнем ряду (слева направо) — прпп. Никон Радонежский († 1426), Антоний Сийский († 1556) и Макарий Желтоводский († 1444). (Илл. 5).

В иконографической программе этого собора угодников Божиих, написанных оптинским насельником иноком Алипием (Подковыриным; † 2014) под руководством насельника игумена Илариона (Ермолаева; † 2018), реализованы две темы. Одна — преемственность монашеской традиции. В монашеско-аскетическом опыте старцев соединись древнерусские традиции православной веры и мистического восточного христианства. Прп. Сергей, родоначальник деятельного исихазма и русского старчества, насаждал

общие для желавших уединения подвижников черты пустынножительства и следование византийским первообразам в организации монашеской жизни. Он основал несколько крупных монастырей, возобновил монашеское общежитие, укоренное в традицию Киево-Печерских основателей Феодосия и Антония, воспитал иноков, которые положили начало новым монастырям, обозначившим гетерогенные точки обширной сакральной территории, названной А.Н. Муравьевым Русской Фиваидой на Севере.

Илл.5. Фреска с изображением русских святых в Казанской церкви. Ок. 2000 г. Современное фото

Илл. 6. Прп. Елеазар Анзерский. Фрагмент фрески

Вторая тема — Животворящей Троицы. Восприемники идущего от прп. Сергия понимания догмата и образа Св. Троицы как символа живого единства, свв. отцы удостоились обладания редким даром видения св. Троицы, в память о чем они строили Троицкие церкви, полагавшие начало будущим монастырям и скитам. На хартии прп. Сергия читаются слова о почитании и поклонении Отцу и Сыну и Св. Духу — редкое изречение, не зафиксированное в альбомах по русской иконографии¹². Образ Св. Троицы как знак единства Русской Церкви через освоение

12 Фартусов В. Д. Руководство к писанию икон святых угодников Божиих в порядке дней года. Опыт пособия для иконописцев. М., 2002. С. 25–26.

опыта Вселенского Православия и развития национальных начал воплотился в иконе «Святая Троица» прп. Андрея Рублева, которую на фреске держит подвижник. В руках прп. Елеазара — модель Троицкой церкви. (Илл. 6).

На Соловках сюжет «Св. Троица» приобрел особую значимость, как считает Т. М. Кольцова, в начале 1620-х гг. после строительства на Анзере первой деревянной церкви во имя Св. Троицы. На период самостоятельности скита от Соловецкого монастыря образ Троицы стал его символом¹³.

Изображение прп. Елеазара в алтаре Казанского храма в XIX в. В монастырской описи 1892 г. сохранилось упоминание об иконе прп. Елеазара в алтаре Казанской церкви. Приведем фрагмент из этого документа¹⁴, любезно предоставленный нам заместителем Оптиной пустыни еп. Леонидом: «12. Преп. Димитрія Прилуцкаго иконописный на кипар[исной] дскѣ вышины 11¾ верш[ков], ширин[ой] 9¾ вершков¹⁵ а, вверху написанъ Деисусъ, а на поляхъ предстоящіе; справа: Св. Николай Чудотв[орец], Пафнутіи Боровскій, Александръ Невскій; а слѣва: Святитель Митрофанъ Воронежск[ий], Преп. Елеазаръ Анзерскій, Св. Княгиня Ольга. Окладъ сребропозлащенный чеканный бсъ накладкамиб, вѣнецъ на Преп. Димитріи. Сіяніе изъ стразовъ обдѣлано въ серебрѣ; вокругъ лика — мелкою бирюзой. Отдѣляющая Преподобнаго рама — изъ бѣлыхъ стразъ; вѣсу съ финифтью и стразами 3 фун[та] 15 золот[ых]. По умершемъ Козельск[ом] Купцѣ Димитріи Александров[иче] Брюзгинѣ». На иконе прп. Елеазар запечатлен среди предстательствующих Христу святых. Центральная фигура на иконе — прп. Димитрий Плуцкий († 1406), соименный Дмитрию Александровичу — потомственному почетному гражданину, представителю известной в России династии фабрикантов

Брюзгиных, держателей полотняного производства в Козельске и Козельском уезде.

Изображения прп. Елеазара в Иоанно-Предтеченском ските в XIX в.¹⁶ Тема духовной преемственности доминировала в двух образах прп. Елеазара и в ските. Первый, как свидетельствовал иером. Леонид (Кавелин), находился в арке Св. врат. Анзерский подвижник был изображен среди 11 фронтальных фигур почитаемых отцов Российской Церкви. Это: прп. Савва Звенигородский († 1407); юрод. Лаврентий Калужский († 1515); прпп. Тихон Калужский (Медынский, † 1492); Никон Радонежский; Варлаам Хутынский († 1192); Елеазар Анзерский; Макарий Калязинский († 1483), у которого на хартии «эпиграфъ: *отъ всякаго пути лукаваго возбранихъ ногамъ моимъ, яко да сохранию словеса Твоя*» (Пс. 118: 101); Пафнутий Боровский († 1477), «на хартии написана: *свѣтильникъ ногамъ моимъ законъ Твой и свѣтъ стезямъ моимъ*» (Пс. 118: 105); Сергей Радонежский, «на хартии надпись: *не скорбите братіе и не унывайте: азъ отхожду отъ васъ душею, но духомъ съ вами пребуду; Обитель моя во вѣки не оскудѣетъ*»; Кирилл Белозерский († 1427), «на хартии написано: *во вѣки не забуду оправданій Твоихъ, яко въ нихъ оживилъ мя еси*» (Пс. 118: 93); Нил Сорский († 1508), «на хартии надпись: *и свою немощь подобаетъ исповѣдати; и слово Божіе не скрывать отъ хотящихъ послушати е*».

Для трактовки иконографического сюжета важное значение имеют слова, начертанные на свитках святых. Это стихи 118 псалма, не зафиксированные в альбомах по русской иконографии как тексты на хартиях этих святых; они — о хранении слова Божьего как жизненного ориентира и исполнении его добродетельным делом, о жизни по Богу и закону благодати¹⁷. Изречение на свитке прп. Сергия напоминает прощальные назидания и утешения братии, традиционно сопровождающие иконографию преподобных отцов. Наказание о хранении монастырского порядка и уклада коррелирует

13 Кольцова Т. М. Иконы Соловецкого монастыря // Галерея. 2006. № 3 (12). С. 34–41.

14 НИОР РГБ. Ф. 213 (Оптина пустынь). К. 7. № 6. Л. 6. Текст воспроизводится в орфографии источника: сохранены буквы: і и ъ, регистр заглавных и строчных букв соответствует оригиналу; сокращения раскрываются в квадратных скобках.

15 На поле напротив основным почерком помета тутъ же находится. б-б Слова над строкой.

16 Леонид (Кавелин), иером. Историческое описание скита во имя св. Иоанна Предтечи Господня, находящегося при Козельской Введенской Оптиной пустыни. СПб., 1862. С. 30–31, 38–42.

17 Новый библейский комментарий: В 3 ч. Ч. 2. Ветхий Завет. Псалтирь — Книга Пророка Малахии: Пер. с англ. СПб., 2000. С. 136–137.

с заветом прп. Нила Сорского на хартии, заимствованным из «Предания» старца ученикам¹⁸. Слова на свитках, традиционные для агиографии и иконографии русских святых, становятся выражением общности православной духовной традиции и символом преемственности аскетического опыта подвижников от мистико-созерцательных практик восточного монашества.

Второй образ прп. Елеазара находился в церкви в честь Собора Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, на западной стене над входной дверью. В окружении свв. отцов православной Восточной Церкви и почитаемых во Вселенской Церкви египетских, синайских, сирийских и палестинских отцов-пустынников, раннехристианских отшельников и анахоретов были написаны образы: прпп. Сергия Радонежского, Елеазара Анзерского, Пафнутия Боровского и Нила Сорского. Этот собор православных святых обозначил границы духовного единения и типологического сходства святой генеалогии восточного монашества и русской православной святости.

Автором иконографических программ Св. врат и Иоанно-Предтеченской церкви в ските был иеросхим. Макарий (Иванов; 1788–1860). Как свидетельствовал архим. Леонид, в 1860 г. при старце и под его наблюдением обновлены и вновь написаны святые образы в иконостасе, а также украшающие плоский потолок и стены святые изображения¹⁹. «План Святых скитских врат, — писал мон. Лазарь (Афанасьев), — был тщательно продуман старцем Макарием: они устроены и украшены были так, что как некая духовная книга заключали в себе весьма содержательное православное учение»²⁰. В самом деле, судя по подбору святых персоналий в изображениях Иоанно-Предтеченского скита, прп. Елеазар и его духовный подвиг омыслились в традиции многовекового опыта русского монашества, воспринявшего и по-своему реализовавшего первообразы разных типов восточно-христианского монашества и правила бого-

служебной жизни по Студийскому и Иерусалимскому уставам.

Следуя духовными путями прп. Сергия Радонежского и его учеников, старец Елеазар Анзерский стал преемником афонской монашеско-аскетической школы, введя в Анзерском ските устав прп. Нила Сорского²¹. Козельск, где прп. Елеазар появился на свет, сделал его частью духовной семьи рожденных в Калужской земле старцев и духовно приобщил к тем из них, кто практиковал такие редкие и сложные формы подвижничества как столпничество (прп. Тихон Калужский) и юродство Христа ради (св. Лаврентий Калужский). Через личное почитание отцов-пустынников и древних аскетов, рассказы о подвигах которых Елеазар собственноручно переписывал в «Цветниках», патериках и сборнике под названием «Старчество», он стал восприемником их опыта управления желаниями через тяжелый физический труд, пост, молитву. Из жития святого известно, что он занимался рукоделием — делал деревянные чашки, овладел искусством резьбы по дереву и писал по откровению иконы, которые прославились чудотворениями. Подобно прп. Варлааму Хутынского, преодолевал искушения плоти, наблюдая за разложением рыбы, предназначенной в пищу. Подобно раннехристианским и первым русским монахам, молитвой побеждавших врагов, прп. Елеазар, поучал разбойников, наказывал грабителей «несмысленным» кружением около келии, обращал в бегство.

Несмотря на агиографические топосы, на которых строится жизнеописание прп. Елеазара, эти и другие примеры строгой подвижнической жизни ставят его в один ряд со старцами, в аскетических подвигах которых ярко проявляется духовная преемственность Афона, восточного монашества в его разных формах и русский тип святости. Духовно-культурное взаимодействие монашеского подвижничества и монастырской традиции, христианского просвещения и пастырского служения, восточно-христианских ценностей и аскетических методик способствовали возникновению особой коммуникативной практики духовного наставничества. В персоне прп. Елеазара и его подвижнической жизни как в миниатюрной модели реализовался синтез восточного христианства

18 Нила Сорского Предание и Устав / Со вступ. ст. М. С. Боровковой-Майковой. СПб., 1912. С. 4.

19 Летопись скита во имя святого Иоанна Предтечи и Крестителя Господня, находящегося при Козельской Введенской Оптиной пустыни. М., 2008. Т. 1. С. 458.

20 Вертоград старчества. Оптинский патерик на фоне истории обители / Сост. монах Лазарь (Афанасьев). М., 2016. С. 139, 140–142.

21 Севастьянова С. К. Известные сочинения Елеазара Анзерского // Русское общество и литература позднего феодализма. Новосибирск, 1996. С. 172–184.

с древнерусской православной традицией. Этот сложный духовный опыт старец Елеазар освоил сам, передал ученикам, из которых лишь Святейший Патриарх Никон в своих деяниях смог воплотить его в наиболее полном и органичном виде.

Монастырь Оптиная пустынь и Иоанно-Предтеченский скит хранят и совершают молитвенную память о прп. Елеазаре. Как пояснил наместник Оптиной пустыни еп. Леонид, почитание старца Елеазара в Оптиной пустыни до революции было совершением полиелейной службы в день памяти святого, а с конца XX в. — совершением славословной службы. С лета 2018 г. имя прп. Елеазара включено в списки святых, поминаемых на литии всенощного бдения и в молитве «Спаси Боже» на полиелейной утрене. Знак службы прп. Елеазару в монастыре и в скиту остается славословным.

Наши предварительные и во многом поверхностные наблюдения открывают интересную и пока не привлекавшую исследователей тему почитания прп. Елеазара на его родине, выражавшуюся в XIX в. в особых иконографических программах Оптиной пустыни и Иоанно-Предтеченского скита. Ее дальнейшее раскрытие требует не только свежего взгляда на уже известные в науке факты и их комплексное осмысление, но и работы с архивными материалами, современным иконографическим изображениям, для установления типологических связей и восстановления духовной генеалогии св. Елеазара. Междисциплинарная оценка личности и деяний анзерского старца существенно расширит наши представления о границах почитания подвижника не только как заступника Козельска и козельчан, но и как представителя огромной духовной православной монашеско-аскетической традиции.

Список источников и литературы

1. Акафист и житие преподобного отца нашего Елеазара, Анзерского чудотворца и Козельского молитвенника. Козельск, 2008.
2. [Б. а.]. Преподобные во святых мощах // URL: http://d177087.u24.alta-hosting.ru/cvyaty%20v%20mowax/prepodobnii_3.html#prpEA (дата обращения: 01.12.2021).
3. Белоброва О. А. Очерки русской художественной культуры XVI–XX веков. Сб. ст. М., 2005. С. 97–102.
4. Бугаевская Л. А., Жаворонков П. И., Турилов А. А., Шевченко Э. В. Власий // ПЭ. М., 2005. Т. 9. С. 104–105.

5. Бугаевский В. А., Лосева О. В., Никифорова А. Ю., Герасименко Н. В. Антипа // ПЭ. М., 2001. Т. 2. С. 542–543.
6. Вертоград старчества. Оптинский патерик на фоне истории обители / Сост. монах Лазарь (Афанасьев). М., 2016. С. 139, 140–142.
7. Голубинский Е. История канонизации святых в Русской Церкви. М., 1903. С. 159, 557.
8. Досифей, архим. Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. М., 1836. Ч. 1–2. С. 317–326.
9. [И. Л.]. Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни. Изд. 2-е. СПб., 1862. С. 157, сн. 71.
10. Кольцова Т. М. Иконография преподобного Елеазара Анзерского // Наследие Соловецкого монастыря: Сб. докладов всеросс. конфер. Архангельск, 2007. С. 168–179.
11. Кольцова Т. М. Иконы Соловецкого монастыря // Галерея. 2006. № 3 (12). С. 34–41.
12. Леонид (Кавелин), архим. Святая Русь. СПб., 1891. С. 110–111 (№ 457).
13. Леонид, архим. Историческое описание скита во имя св. Иоанна Предтечи Господня, находящегося при Козельской Введенской Оптиной пустыни. СПб., 1862. С. 30–31, 38–42.
14. Летопись скита во имя святого Иоанна Предтечи и Крестителя Господня, находящегося при Козельской Введенской Оптиной пустыни. М., 2008. Т. 1. С. 458.
15. Нила Сорского Предание и Устав / Со вступ. ст. М. С. Боровковой-Майковой. СПб., 1912. С. 4.
16. НИОР РГБ. Ф. 213 (Оптиная пустынь). К. 7. № 6. Л. 6.
17. Новый библейский комментарий: В 3 ч. Ч. 2. Ветхий Завет. Псалтирь — Книга Пророка Малахии: Пер. с англ. СПб., 2000. С. 136–137.
18. Осипенко М. В. Соловецкая обитель: история и святыни. Книга паломника. СПб., 2014. С. 607.
19. РГАДА. Ф. 52 (Сношения России с Грецией). Оп. 1. Д. 8. 1663 г. Л. 2–7.
20. Севастьянова С. К. Неизвестные сочинения Елеазара Анзерского // Русское общество и литература позднего феодализма. Новосибирск, 1996. С. 172–184.
21. Фартусов В. Д. Руководство к писанию икон святых угодников Божиих в порядке дней года. Опыт пособия для иконописцев. М., 2002. С. 25–26.

22. Чумичева О.В., Севастьянова С.К., Кольцова Т. М. Елеазар // ПЭ. М., 2008. Т. 18. С. 262.

Список сокращений

МГОМЗ — Московский государственный объединенный музей-заповедник (г. Москва).

НИОР РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (г. Москва).

ПЭ — «Православная энциклопедия».

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (г. Москва).

ARCHIMANDRITE LEONID (KAVELIN) ON THE VENERATION OF THE MONK ELEAZAR OF ANZERSK IN KOZELSK

Sevastyanova Svetlana Klimentievna,

DSc in Philology, Associate Professor,
Professor at the Department of Social Anthropology
and intercultural communication
Siberian Institute of Management – branch of RANEPА

Abstract

The personality of St. Eleazar of Anzersky, a native of the city of Kozelsk, attracted the attention of Archimandrite Leonid (Kavelin) due to the scientist's interest in the history of the Kaluga diocese. In addition to a brief biography of Eleazar, set out in one of the editions of the book about Optina Hermitage, Father Leonid mentioned the icons of the elder. The article is devoted to the analysis of these facts, which made it possible to link the veneration of St. Eleazar in his homeland with an understanding of his monastic and ascetic experience, which combined the ancient Russian traditions of the Orthodox faith and mystical Eastern Christianity.

Keywords

Venerable Eleazar of Anzersky, Archimandrite Leonid (Kavelin), the Epiphany Church in Kozelsk, the temple in honor of the Kazan Icon of the Mother of God in Optina Hermitage, the John the Baptist skete, the arch of the holy gates, the church in honor of the Cathedral of the Forerunner and Baptist of the Lord John, spiritual continuity.

RAR
УДК 008
ББК 63.3
DOI 10.34685/NI.2022.36.1.004

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМАНТИКИ БОГОРОДИЧНЫХ ИМЕН-ОБРАЗОВ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ.

Данилова Екатерина Александровна,
аспирант,

Федеральное государственное бюджетное научно-исследовательское учреждение
Российский научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия имени Д.С. Лихачева
ул. Космонавтов, 2, Москва, 129366,
e-mail: vivifiant@rambler.ru

Цветкова Галина Александровна,
кандидат культурологии, доцент,
ведущий научный сотрудник,

Федеральное государственное бюджетное научно-исследовательское учреждение
Российский научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия имени Д.С. Лихачева
ул. Космонавтов, 2, Москва, 129366,
e-mail: galinatsvet@rambler.ru

Аннотация

Рассматривается архетипическая связь образа Богородицы с русской народной культурой. Ставится проблема раскрытия образа Богородицы как культурного феномена. Предлагается осмысление трансформации семантики образа Богородицы на основе сопоставительного анализа уникальных богородичных текстов - перевода свт. Димитрием Ростовским на язык русской православной культуры Псалтири Божией Матери еп. Бонавентуры.

Ключевые слова

Культурное наследие, трансформация культуры, псалтирь Божией Матери, еп. Бонавентура, свт. Димитрий Ростовский.

Современный социокультурный процесс в российском обществе сопряжен с пониманием того, что всякое культурное развитие обусловлено культурным наследием прошлого. На этой волне растет интерес к традиционной духовной жизни, открытию её культурно-исторического субстрата, перерабатываемого поколениями.

На передний план исследовательской практики выдвигается феноменология духовной культуры народа в преемственной исторической связи. Осмысление этой связи в настоящем должно учитывать исторический контекст интеллектуального развития последних двух веков — смену сакральной и сакрализованной духовной

культуры культурой секулярной и секуляризующейся культурой.

Для современного, наукоориентированного общественного сознания одной из точек скелета является признание христианского происхождения элементов многосложного культурного развития, хотя, априори, противостояние сакральных и секулярных культур не исключает их сосуществование и взаимовлияние. И более того, как бы ни казалось парадоксальным, но очевидно — христианские символы и образы константны в нынешней обыденности.

Независимо от степени воцерковленности, веры или неверия, присутствие их ощущается как бы самих по себе, как таковых, без прямой связи с религией и богословием, но в непосредственной, прямой связи с духовной жизнью. Этот феномен с достаточной полнотой открывается эмпирически как житейский опыт, а теоретически утверждается как ключевая особенность российского бытия, более того, признак национальной, цивилизационной идентичности: «драма нашей идентичности связана с тем, что она с самого начала носила не натуралистический характер, не довольствовалась наличностями этнического, географического и административно-державного толка, а являлась по преимуществу ценностно-нормативной, духовной»¹. Драма этой идеократической идентичности — привязанности к священному идеалу — с особой остротой ощущается как проблема самосохранения, поскольку «всякая человеческая жизнь представляет собой культурную драму, в которой на каждый вызов внешней действительности человек отвечает не «непосредственно», а с позиции определенной культурной идентичности»², которая, безусловно, не складывается исключительно на конфессиональной основе, а включает трудовой, бытовой и другие типы народного опыта. Поэтому исследование духовной жизни всегда затруднено проблемой соотношения, осознанного и латентного в её явлениях.

В комплексе вошедших в нынешнюю обыденную картину мира религиозных символов одно из главных мест занимает образ Богородицы. Истоки этой традиции как раз и восходят к субстратным корням русской народной культуры.

1 Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. М. : Алгоритм, 2002. С. 7.

2 Там же.

И обусловлено это тем, что с первых столетий христианства Богородица обрела статус практического, социального служения в качестве «заступницы перед Богом, которая знает нужды и горести человека, ... покровительницы рождения детей, семьи, продолжения рода»³, исходным пунктом которого является её священная роль Матери.

При этом культ Богородицы, почитание её исторически приобрело особенный вкус у разных народов, выражено особенным семантическим кругом, который не был результатом случайного стихийного предпочтения, а связан с субъективным выбором конкретного народа как отражение его ментальности.

Эта обусловленность образа Богородицы культурной идентичностью открывается в исторической ретроспективе. Так, «Западная Европа как бы разделяется между двумя основными символами христианства: Распятием и Мадонною. Это разделение соответствует ... народностям, из которых составляется население ... Суровый гений Тевтонский, сильный более мыслию, нежели чувством, расположенный преимущественнее к высоким потрясениям, чем к впечатлениям тихо, сладостно изящным, есть по превосходству чтитель Креста. Напротив, светлое воображение народов происхождения Романского предпочтительнее услаждается ликом Мадонны. Различие, имеющее глубокий смысл и неисчислимые во всех отношениях последствия! ... Там, где царствует Мадонна, всё дышит кротким, мирным очарованием, удивительным изяществом»⁴.

И на Руси становление православного самосознания было тесно связано с образом Богородицы, и также семантика образа Богородицы наполнялась народными представлениями. Образ Богородицы утверждался своеобразным отражением народной духовности, демонстрацией неповторимого культурного своеобразия, выражаемого и образом, и чувством, и словом. Образ Богородицы в русской культуре стал многообразной разработкой инварианта святой по-

3 Немкова О.В. Образ Богоматери в христианском искусстве средневековья/Музыкальная культура христианского мира. Ростов-на-Дону, 2001. С.199-205.

4 Надеждин Н. И. Изображение Божией Матери/ Картины русской живописи, издаваемые Н.Кукольником. СПб., 1847. С. 179-190. Цит. по: Философия русского религиозного искусства XVI-XX вв. М. : Прогресс, 1993. С.65-70.

мощи, связан с «максимализмом православного милосердия»⁵.

В календаре Русской Православной церкви официально поминается около 260 чтимых и чудотворных икон Богородицы, установлены отдельные дни празднования большинства икон, созданы многочисленные молитвы, тропари, кондаки и акафисты в их честь. При этом неформально насчитывается более 860 различных образов Богородицы (и бесчисленный ряд местночтимых чудотворных икон), которые появились в результате народной инициативы, в конкретных историко-культурных ситуациях. Не было на Руси города и веси, где не было бы своего предания о явлении Богородицы и лично-го, в связи с этим, именовании её образа (Годышевская, Абульская, Мижевичская, Велятичская, Заставницкая, Цеговская, Будятичская и др.). Топонимические иконные имена демонстрируют масштаб распространения, а номинация иконографии Богородицы в русском языке являет глубину связи: «в имплицитной форме иконы содержат ассоциативную связь с конкретным типом изображения, т.е. сакрально-догматический концепт именовании, заложенный в изобразительной семантике, ... но эксплицированный локальный признак является непосредственным указанием на наличие в структуре номинации идеоэтнического концепта-события, возникшего на русской почве»⁶.

В народных представлениях с отзывчивостью Богородицы связываются насущные заботы, первичные жизненные потребности. В именном многообразии богородичных икон очерчен практически весь житейский круг: «Помощница в родах», «Млекопитательница», «Прибавление ума», «Скоропослушница», «Взыскание погибших», «Всех скорбящих радость», «Неупиваемая чаша», «Нечаянная радость», «Утоли моя печали», «Умягчение злых сердец», «Споручница грешных», «Сострадание» и др. Особенным эмоциональным содержанием и семантическим богатством выделяется икона «Умиление», не имеющая смысловых аналогов в греческом комплексе. В русских именовании икон запечатлены эмо-

ционально-чувственные отношения, глубокая интимная, доверительная связь с Богородицей, которая является производной от веры в вечную функцию персоны Богородицы — Защитницы и Покровительницы верных. Эта Её роль понята особым образом на Руси. Здесь «эта функция связывается не столько с сакральным событием, сколько с событием конкретной истории и его смыслом, преломленным в ракурсе этнических чудес, исходящих от персоны Богородицы. Сообразно этому, инвариантным значением всех имен-композиций, возникших на русской почве, является идеоэтнический мифологический концепт «Богородица — Защитница и Покровительница Земли Русской»⁷, воплощением чего понята русская история.

Образ Богородицы один из знаковых национального исторического мышления. Важнейшие события в истории России ознаменованы именем Богородицы, которое укоренилась культурным кодом всенародного единения перед лицом угрозы⁸. В критические дни бедствий сплочение и героизация русского народа стимулировались «покровом» Богородицы, верой в её невидимое присутствие. В XVII веке Кузьма Минин патристическую стратегию единения обозначил священным победным символом: «Станем за Дом Пречистой Богородицы!», зная, что именно с этим призывом он будет услышан, впереди народного ополчения несли икону Богородицы «Казанская». В XXI веке аналогичным призывом

5 Панарин А.С. Указ. соч. С. 154-159.

6 Самохвалова Л.Д. Номинация иконографии Богородицы в русском языке: в аспекте когнитивной лексики. Дисс. канд филолог. наук. 2000. С. 235.

7 Самохвалова Л.Д. Указ. соч. С. 236.

8 Бытует бесконечное множество преданий о спасении по молитвам Богородицы, передаваемых изустно и в письменных летописных свидетельствах. В частности, икона Богоматери «Владимирская» сопутствовала Дмитрию Донскому, в 1395 г. избавление от нашествия Тамерлана летопись приписывает явлению Богородицы, в 1408 г. избавление от нашествия хана Едигея на Москву, 1451 г. ногайского царевич Мазовша, 1480 г. знаменитое «стояние» на реке Угре, прозванной «Поясом Богородицы», в 1521 г. избавление от нашествия крымского хана Махмет-Гирей; в 1611 г. спасение Новгорода от шведов по молитве перед иконой Богородицы «Знамение»; Икона Богородицы «Боголюбская» явила чудеса во время нашествия Батые, в 1770 г. спасла от чумы город Тихвин. В 1871 году икона «Взыскание погибших» спасла Серпухов от холеры, в 1830 икона «Семистрельная» спасла Вологду от холеры; народ установил связь явления иконы «Державная» с отречением Николая II и т.д. /Щеголева Е.В. Царица Небесная. Иконы Пресвятой Богородицы, молитвы, предания. М.: Олма-Пресс, 2003.

единения, психологическим стимулом преодоления разобщающих, социально разрушительных следствий пандемии стал в 2020 году объезд вокруг Москвы с иконой Богородицы «Умиление» с молитвой об избавлении от «напасти коронавируса». Это событие в общественном сознании коррелировалось с легендарным фактом «воздушного крестного хода» в 1941 году — облет над Москвой с иконой Богородицы на военном самолёте в самый разгар битвы и тем самым спасение города, было актом вневременной духовной связи.

Эффективность в социальном единении образа Богородицы исходит из диалектики отвержения, нигилизма и веры чудотворности избавления, латентного механизма исторической преемственности и сохранности «языка понятий и интересов», как проявление этоса. Эта данность связана с древнейшими представлениями, первопричинами, обобщенными метафорой: «по какой бы дороге ты ни шёл, ты не найдешь границ души, настолько она глубока», отсылающей к культурным архетипам, среди которых Богородица — женское начало православной культуры, «весь секрет которой в том, что православная культура не доверяет целиком рациональному Логосу, опирающемуся на знание законов и закономерностей, но не на сверхзаконническую интуицию правды-справедливости. Православная культура формирует иные презумпции: прочнее то дело, в котором лежит не столько мужской тип самоутверждения, сколько женское призвание самоотверженной любви»⁹.

Глубинное социокультурное значение образа Богородицы непредвзято раскрывается в духовных стихах и песнопениях.

Их излюбленными сюжетами были легенды, предания о Богородице (такowymi часто бывают моления грешников¹⁰), образ которой зачастую

подавался сквозь призму народных суеверий, был пронизан мистическим ужасом перед таинственными божественными чудесами. Но не только духовные песни и сказания, а в целом, образ Богородицы разлит в пространстве русской культуры, сливая и переплетая разные её уровни и жанры.

Так, литературные произведения русских поэтов становились безымянными песнями в духовной лирике, как это известно о стихотворной легенде Ф. К. Сологуба «У кузнеца»¹¹. Затворницы-инокини не подозревали, что духовный стих «Кузнец», часто ими исполняемый, создан профессиональным поэтом, но их пристрастие к нему, их выбор нельзя отнести к случайности, а можно объяснить только латентной связью русского художественного творчества с народной духовностью. Примеров здесь может быть множество, как-то, у Лермонтова безродный странник сокровенные желания поверяет Богородице: «Я, мать божия, ныне с молитвою...»¹². Или М. Горький, определяя национальное отно-

9 Плюханова М. Б. Сюжеты и символы Московского Царства. СПб. : Акрополь, 1995. С. 229.

10 Например, «Молитва грешницы к Пресвятой Богородице: Мира Заступница//Мать воспетая //Я пред Тобой с мольбой//Бедную грешницу, //Мраком одетую//Ты благодатью прикрой//Если достигнут меня испытания, //Скорби, утраты, враги//В трудный час жизни, //В минуту страданий//Ты мне, молю, помоги...»// Колесова И. С. Культурное наследие Среднего Урала: духовные стихи из Верх-Нейвинского //Культурное наследие России. 2021. № 3. С. 36-43.

11 «В двери кузнецы Мария //Постучалась вечерком: //«Дай, кузнец, приют мне на ночь, //Спит мой сын, далек мой дом» //Отворил кузнец ей двери //Мать Божия сидит //Кормит сына и на пламя //Горна мрачного глядит. //Рядом девочка-малютка //Приютилась и сидит //Грустно бедную головку //На безрукий стан склонив //Говорит кузнец: «Вот дочка //Родилась калекой, что ж... //Мать в могиле, дочь со мною //Хоть и трудно, но живешь... // Вот ковать я начал гвозди //Три из них меня страшат // Эти гвозди к дереву жизни //Чье-то тело пригвоздят... // Я кую и словно вижу // Крест тяжелый в землю врыт // На кресте Твой Сын распятый //Окровавленный висит!» //С криком ужаса младенца //Уронила Божья Мать //Быстро девочка вскочила, //Чтоб малютку приподнять... // Богом данные ей руки! //Рек с улыбкою Христос: //«Ах, кузнец, теперь ты счастлив! //Мне же столько горьких слез!» //Колесова И. С. Культурное наследие Среднего Урала: духовные стихи из Верх-Нейвинского //Культурное наследие России. 2021. № 3. С. 36-43.

12 «Я, мать божия, ныне с молитвою//Пред твоим образом, ярким сиянием, // Не о спасении, не перед битвою, //Не с благодарностью иль покаянием, //Не за свою молю душу пустынную, // За душу странника в мире безродного; //Но я вручить хочу деву невинную //Теплой заступнице мира холодного. //Окружи счастьем душу достойную; //Дай ей спутников, полных внимания, // Молодость светлую, старость покойную, // Сердцу незлобному мир упования. //Срок ли приблизится часу прощальному //В утро ли шумное, в ночь ли безгласную -// Ты воспринять пошла к ложу печальному //Лучшего ангела душу прекрасную». 1837 г.

шение к Богородице, отмечает, что молитва к ней превращается в пение души, становится «акафистом, хвалою искренней и простодушной»¹³. Эта искренность народного чувства воспроизведена М. Горьким в картине непредвзятого детского впечатления о глубине погружения в сакральный мир «общения» с Богородицей, увиденного мальчиком в психосоматическом преображении его бабушки: «...выпрямив сутулую спину, вскинув голову, ласково глядя на круглое лицо Казанской божией матери, [бабушка] широко, истово крестилась и шумно, горячо шептала: Богородица преславная, подай милости твоя на грядущий день, матушка!»¹⁴. И древнерусская литература, в частности, литературные памятники русских княжеств XI–XV веков наполнены сказаниями о почитании Богородицы¹⁵.

Художественная репрезентация фактологических, текстовых, визуальных источников народного почитания Богородицы акцентирует интерес к осмыслению образа Богородицы как объекта, транслирующего богословское содержание интерпретированного культурой. Другими словами, к вопросу: можно ли в догматике о Богородице обнаружить элементы культурного происхождения?

В такой постановке, т.е. раскрытие образа Богородицы как культурного феномена — проблема является одной из сложнейших для исследования. Возникает методологический казус: каким образом можно показать то, что религиозный образ несёт в себе культурный субстрат, отражает народные представления. Религиозные образы и сюжеты по определению закрыты для мирского, светского вторжения постольку, поскольку они строго связаны с каноном, заключены богословским узусом исторического места Богородицы в деле спасения (431 г. Эфесский собор) и запрещены для вольных интерпретаций.

13 Горький М. Детство. Интернет-ресурс: <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/proza/detstvo/detstvo-7.htm> [дата обращения 4.12.2021].

14 Там же.

15 Богатырева Т. А. Отражение культа Богородицы в древнерусской литературе: жанрово-стилевой аспект: дисс. ... канд. филологических наук. М.: МГПУ, 2010; Васильева И.И. Архетип материнства в древнеязыческих и христианской культурах и религиях: нарративный аспект: дисс. ... канд. культурологии. М., 2007. 165 с.

При этом даже поверхностный частотный анализ распространения на уровне профанного сознания частного образа Богородицы показывает опыт внедрение субъективных трактовок в его понимание, обращение к национальным, этнокультурным мирам, и оппонирует безапелляционности запрета для народной творческой импровизации как результату аффекта, духовного порыва в моменты катаклизмов личных и исторических. Этот эмпирический аргумент в пользу осмысления семантики образа Богородицы в контексте этнокультурного миропонимания. В связи с этим можно поставить задачу исследования религиозного образа Богородицы как культурного феномена.

Теоретические подходы имеют место быть, показав, в частности, продуктивность анализа богородичных имен и текстов¹⁶.

Исследование богородичной символики в русской культуре ведется именно на текстах богослужебных книг и акафистов¹⁷. При этом проявление в текстах «богородичного символа»

16 Образу Девы Марии в западноевропейском искусстве и культуре посвящены диссертации О.В. Немковой (2002 и 2014): «Ave Maria: Образ Богоматери в европейском музыкальном искусстве» и «Образ Богоматери в западноевропейской художественной культуре: инвариант и эволюционные модификации» Автор косвенно касается богородичных текстов, останавливая свое внимание преимущественно на образе Богоматери в культуре средневековья и барокко, иконографии, марианской образной сфере. Значительные труды по изучению имен персонажей сакральной сферы, иеронимии, на греческом языке на основе византийской гимнографии, принадлежат митрополиту Софронию (Евстратиадису). Им даны описания именованной Богородицы и Христа./ Sôphronios Eustratiadês (1897–1951). *He Theotokos en tē hymnographia*, Paris: Librairie ancienne Honoré Champion, 1930; *I Theotókos en tī ymnografía: teúchos panigyrikón epí tī ekatontaetīrīdi tīs anexartīsias tīs Elládos*, 1930; *Theotokarion*, Chennevières-sur-Marne, 1931. Именованию Богородицы в православной традиции посвящена монография М.И. Чернышевой. автор представляет систематизацию именованной Богородицы на основе гимнографических произведений XI–XVI в. М.И. Чернышева выявляет символические пары, в которые входят именованная Богородицы и Ее Сына / Чернышева М.И. Именования Богородицы в древнерусской письменности: Около 500 лексических единиц с объяснениями и комментариями. М.: ЛЕНАД, 2017. 328 с..

17 Богословский В.Д. Богородичная символика в русской культуре: богослужебные книги и акафисты: дисс. ... канд. философских наук. Саранск: Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева, 1999

и его функциональных аспектов в сравнении с библейской, богослужебной, келейной традиций показало, что библейская практика трансформируется русским православием, а трансформация семантики богородичного символа сильнее с удалением от богослужебной практики¹⁸. Ещё более категоричные выводы об этнокультурном влиянии сделаны в исследованиях именовании Богородицы¹⁹. Оказывается, «актуальная для наших дней номинация иконографии представляет собой микросистему сакральных поименований Богородицы», которая образует концептуальную иерархию, отражающую религиозно-эстетическую систему мировидения как одну из констант русской культуры, где ядром является «гипероним» Богородица²⁰.

И хотя тема образа Богородицы как культурного феномена освещена слабо и, как правило, затрагивалась опосредованно, было обнаружено, что при поиске культурного компонента адекватным источником можно рассматривать богородичный дискурс — религиозные тексты о Богородице.

В отличие от текстов визуальные образы — иконы, иконография специфической ситуации всегда вписаны в типологический ряд, не свободны от канонических типов изображения. И только в истолковании номинации иконных образов (т.е. текстах) демонстрируется интел-

лектуальная игра: в названии явлены народные представления, а в теологических трактовках — богословие отцов церкви. Именно словесные образы, языковое творчество преобразует аутентичную, связанную с архетипом семантику в контекстуальных условиях истории, поэтому религиозные тексты в их сопоставительном анализе могут служить источником обнаружения этноконфессионального элемента в семантике образа.

Богородица была излюбленным сюжетом не только в русской православной, но и в католической традиции. Имеется значительный корпус религиозных текстов разного жанра, посвященных Богородице в обеих христианских конфессиях. Но для чистоты анализа этноконфессионального присутствия в интерпретации образа Богородицы нужен специфический текст.

Такого рода уникальным источником могут служить тексты латинской и русской православной традиции — Псалтирь Божией Матери свт. Димитрия Ростовского и еп. Дж. Бонавентуры, пока не попадавшие в поле зрения исследователей, но определенно предпосланы культурологическому анализу.

Каждый из этих текстов имеет в себе существенный признак богословского и народного происхождения: признанное авторство и легендарность его происхождения. Культурное происхождение, связанное с понятием «авторства», лежит в русле литературной психологии, неотъемлемый её атрибут, свидетельствующий о том, что слово живет внутри жизненной ситуации общения²¹. Такого рода тексты имманентны религиозной традиции.

Так, имя Давида, присвоенное сборнику культурных песнопений, возникших в различное время дает образ и авторитет Давида. Песнопения созданы «во имя» Давида или «от его имени», а потому суть «Давидовы псалмы». ... Личное имя — это символ, «метка», «указывающая на особое значение сборника, которому это имя присвоено»²².

18 Там же.

19 Значительные труды по изучению имен персонажей сакральной сферы, иеронимии, на греческом языке на основе византийской гимнографии, принадлежат митрополиту Софронию (Евстратиадису). Им даны описания именовании Богородицы и Христа./ Sôphronios Eustratiadês (1897–1951). *Hê Theotokos en tē hymnographia*, Paris: Librairie ancienne Honoré Champion, 1930; *Ī Theotókos en tī ymnografía: teúchos panígyrikón epí tī ekatontaetirídi tīs anexartísias tīs Elládos*, 1930; *Theotokarion*, Chennevières-sur-Marne, 1931. Именованию Богородицы в православной традиции посвящена монография М.И. Чернышевой. автор представляет систематизацию именовании Богородицы на основе гимнографических произведений XI–XVI в. М.И. Чернышева выявляет символические пары, в которые входят именовании Богородицы и Ее Сына / Чернышева М.И. Именовании Богородицы в древнерусской письменности: Около 500 лексических единиц с объяснениями и комментариями. М.: ЛЕНАД, 2017. 328 с.

20 Самохвалова Л.Д. Номинация иконографии Богородицы в русском языке: в аспекте когнитивной лексики. Дисс. канд филолог. наук., 2000.

21 Понятие «авторства» в данном случае следует древней ближневосточной традиции, заключающейся в парадоксе «отсутствия традиции авторства», конкретного автора, а имеет значение личного «авторитета» / Аверинцев С.С. Греческая «литература» и ближневосточная «словесность» / Риторика и истоки европейской литерат. традиции. М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 21.

22 Там же.

Аналогично символическое авторство «Псалтири Богородице» Бонавентуры и св. Димитрия Ростовского. Псалтирь бытует под именами, коих авторство не установлено, но этнолокальное происхождение не требует доказательства.

Поэтому гипотетически можно полагать, что этот письменный источник (Псалтирь Божией Матери) при переводе с латинского на русский язык фиксировал особенности народной трактовки образа Богородицы и, якобы авторские, тексты демонстрируют пленение этими трактовками. Передаваемые из уст в уста образы воплощаются здесь невольно, возникают безмянными, легендарными именно потому, что отвечают народному богородичному образному языку, а приписываемая персона автора лишь олицетворяет традицию. Исходя из этой посылки предметом исследования становится трансформация образа Богородицы в результате рецепции инокультурного источника, перевода этноконфессионально истолкованной ветхозаветной псалмовой традиции на язык русской православной культуры.

Можно полагать, что созданы теоретические и источниковые предпосылки для культурологического анализа семантики образа Богородицы.

Поставленная проблема осмысления образа Богородицы как феномена русской народной культуры основана на утверждении архетипического значения персоны Богородицы в системе народного мировидения, для решения проблемы имеются методологические прецеденты, в частности, в искусствоведении и филологии, а в комплексе богородичных текстов выделены адекватные источники.

Список литературы

1. Аверинцев С.С. Греческая «литература» и ближневосточная «словесность» /Риторика и истоки европейской литерат. традиции. М. : Школа «Языки русской культуры», 1996.
2. Бельтинг Х. Образ и культ. История образа до эпохи искусства. М. : Прогресс –Традиция, 2002. 752 с.
3. Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. М. : Алгоритм, 2002. 496 с.
4. Плюханова М. Б. Сюжеты и символы Московского Царства. СПб. : Акрополь, 1995. 334 с.
5. Самохвалова Л.Д. Номинация иконографии Богородицы в русском языке: в аспекте когнитивной лексики. Дисс. канд филолог. наук., 2000. 285 с.
6. Степанова Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования, 1997.

TRARANSFORMATION OF THE SEMANTICS OF THE MOTHER OF GOD'S NAMES-IMAGES IN THE CONTEXT OF A CULTURAL LINGUISTIC TRADITION: PROBLEM STATEMENT

Danilova Ekaterina Aleksandrovna,

graduate student,

Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage named after D.S. Likhachev

Kosmonavtov St., 2, Moscow, 129366,

e-mail: vivifiant@rambler.ru

Tsvetkova Galina Aleksandrovna,

PhD, Associate Professor, Leading Research Fellow,

Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage named after D.S. Likhachev

Kosmonavtov St., 2, Moscow, 129366,

e-mail: galinatsvet@rambler.ru

Abstract

The archetypal connection of the image of the Virgin with Russian folk culture is considered. The problem of revealing the image of the Virgin as a cultural phenomenon is posed. It is proposed to comprehend the transformation of the semantics of the image of the Virgin Mary on the basis of a comparative analysis of the unique Theotokos texts - the translation of svt. Demetrius Rostovsky on the language of Russian Orthodox culture, the Psalms of the Mother of God ep. Bonaventure.

Keywords

Cultural Heritage, Transformation of Culture, Psalter of the Mother of God, ep. Bonaventure, svt. Dimitri Rostovsky.

RAR
УДК 7.04
ББК 71
DOI 10.34685/НИ.2022.36.1.005

ОБРАЗ КОРАБЛЯ В РУССКОЙ ИКОНОГРАФИИ XV—XVII ВВ.

Мадикова Лидия Владимировна,
аспирант, научный сотрудник,

Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева,
ул. Космонавтов, 2, Москва, Россия, 129366,
madikova.lida@yandex.ru

Аннотация

Исследуются изображения судов в русской иконографии XV–XVII вв. Рассматривается влияние иконописных тенденций XV–XVII вв. на образ корабля на примере отдельных икон, относящихся к разным иконописным школам. Представлены сведения о конструктивных особенностях судов, изображенных на этих иконах.

Ключевые слова

Образ корабля, изображение корабля, лодка, судно, иконы, московская иконописная школа, новгородская иконописная школа, ярославская иконописная школа, судостроение.

С древних времен корабли и лодки, являясь безопасными и удобнейшими средствами для перевозки людей и грузов, занимали важное место в жизни русского народа. Кораблестроение, навигационные практики и обусловленные ими возможности внешних и внутренних контактов явились одними из факторов формирования русской культуры. Корабельные мотивы получили распространение практически во всех видах искусства: в живописи, архитектуре, скульптуре, музыке, литературе. Духовный мир человека обогатили морские мифы и религиозные символы, связанные с образом корабля.

Широкое распространение образ корабля получил в православной культуре. Корабль считается одним из важнейших христианских символов, олицетворяющий собой образ христианской жизни. Христианин, словно корабль, направляется по житейскому морю к Христу и вечной жизни с Богом. Также в христианстве корабль имеет ассоциацию с церковью, т. е. церковь, словно корабль, следует

за Христом. Сопоставление церкви кораблю нашло отражение и в архитектуре храмов.

Как у православных, так и католиков встречаются храмы, по форме напоминающие корабль, где колокольня — носовая мачта, трапезная — корпус судна, а сам храм — возвышенная кормовая надстройка, все они выстроены в одну линию. Об отождествлении христианами церкви с духовным образом корабля спасения говорит и название основного храмового пространства — «неф» или «наос», что в переводе с греческого означает «корабль». Неф имеет вытянутую форму, словно предупреждая, что путь к спасению не может быть коротким.

Свое распространение образ корабля получил и в иконографии. Чаще всего изображения судов различных типов встречаются на житийных иконах. Например, на житийных иконах святых Николая Чудотворца, Петра и Павла, Иоанна Богослова, Иоанна Златоуста, Владимира, Бориса и Глеба, Зосима и Савватия Соловецких,

Марии Египетской, Варлаама Хутынского и др. В XV–XVII вв. количественное преобладание сохранилось за иконами Николая Чудотворца, как одного из наиболее почитаемых русских святых. Распространение житийных икон позволило обогатить иконопись новыми сюжетами, в икону начали вводить предметы и детали, непосредственно взятые из жизни, к таковым, например, относятся разные суда на клеймах. В меньшем количестве образ корабля присутствует на одно — и двухчастных иконах, например, на иконах «Видение пономаря Тарасия», «Троица Ветхозаветная с деяниями», «Воскресение Христова — Сошествие во ад» и др.

Изображения судов на иконах позволяют нам расширить представления о плавсредствах и судостроительной традиции. На них мы можем увидеть различные типы кораблей: и маленькие легкие ладьи, и судна большого водоизмещения, с надстройками на палубе. Некоторые изображения обладают определенной условностью, другие же содержат значительную судостроительную информацию и дают довольно точные представления о конструктивных особенностях. Подтверждение этому мы можем получить при сравнении изображений судов с археологическими и этнографическими материалами.

При исследовании образа кораблей и лодок на иконах необходимо учитывать их авторство или школу, в традициях которой писалась та или иная работа. Так, изображение судна во многом зависело от иконописных тенденций, присущих той или иной школе в определенной период времени, и непосредственно от типов судов, получивших свое распространение в данной местности в это время.

Для нашего исследования интерес представляют иконы XV–XVII вв.

XV в. считается веком расцвета русской иконописи. В это время на передний план выходит Новгородская иконописная школа, работы которой характеризуются упрощенными формами, простыми, лаконичными и статическими композиционными схемами. Сдержанность при работе над сюжетом и композицией является характерной чертой новгородских икон XV века.

Простота и лаконичность наблюдается и в отношении лодок, изображенных на иконах. Так, например, достаточно упрощенно представлены суда на клеймах иконы первой половины XV в. «Святой Николай Чудотворец, с житием

в 18 клеймах» (Илл. 1.) из собрания Русского музея (Инв. ДРЖ-2091)¹.

Илл. 1. Клейма №9 «Спасение корабля от потопы» и №10 «Спасение Димитрия со дна моря» иконы «Святой Николай Чудотворец, с житием в 18 клеймах»

Судно, изображенное на клейме №9 «Спасение корабля от потопы», имеет глубокую седловатость, высокие штевни и прямоугольный парус в центральной части лодки. В руке гребца — весло с длинной Т-образной ручкой и широкой лопастью. На клейме №10 «Спасение Димитрия со дна моря» — перевернутая лодка с углубленной седловатостью, в поле зрения только один мощный и закругленный штевень. Несмотря на довольно простое изображение, мы можем предположить, что иконописец написал реальное судно с Ладожского озера. Об этом говорит, во-первых, место происхождения иконы — Георгиевская церковь Теребушского погоста близ Старой Ладоги, а во-вторых — пригодная для больших озер форма корпуса²: на крупных озерах распространены килевые лодки, имеющие высокие борта с высоким носом и кормой, способные с легкостью подняться на волну.

1 Ростово-суздальская живопись XII–XVI веков = Rostov-Suzdal painting of the 12th–16th centuries. М.: Изобразительное искусство, 1970. С. 49–51.

2 От особенностей акватории и условий, в которых эксплуатируется судно, напрямую зависит форма корпуса, его размеры и другие конструктивные характеристики. За многолетнюю историю судостроения в разных водных бассейнах выработались свои оптимальные формы корпусов судов и их конструкций.

Иконописцы московской иконописной школы в XV в. были также как и новгородские мастера сдержанны при написании судов на иконах, ограничиваясь только необходимыми элементами судовых конструкций. Так, например, на клейме №9 «Путешествие Петра и его соперника Геронтия в Константинополь на поставление в митрополиты и явление Геронтию Богоматери» с иконы «Митрополит Петр с житием» (написана в 1480-е гг. в мастерской Дионисия, находится в Успенском соборе Московского Кремля, Инв. 3228 соб/ж-258)³ представлено довольно схематичное изображение двух одномачтовых судов с треугольным парусом на рее. Суда имеют плоское дно, невысокие борта, невысокие штевни, есть небольшие свесы. В кормовой части присутствует надстройка (Илл. 2). Такой тип корпусов характерен для речных судов, распространенных на Волге, его притоках и других реках центральной части России. Речные суда традиционно изготавливаются с плоским дном во избежание посадки на мель или увязания в песке и иле. Невысокие борта подходят для спокойных речных вод, а невысокие штевни — для стыковки с пологим берегом.

В XVI в. Московская иконописная школа становится ведущей в Русском государстве. Данный век характеризуется политическими, экономическими и культурными изменени-

Илл. 2. Клеймо №9 «Путешествие Петра и его соперника Геронтия в Константинополь на поставление в митрополиты и явление Геронтию Богоматери» иконы «Митрополит Петр с житием»

3 Иконы Успенского собора Московского Кремля. Вторая половина XV – XVI век: Каталог. М., 2016. Кат. № 2. С. 96–107.

ями, вызванными реформами Ивана Грозного. В московской иконографии появляется строгая регламентация, получают распространение иконописные подлинники, следование которым становится обязательным. Эта тенденция отразилась и на том, как мастера XVI в. изображали корабли и лодки.

Так, суда, представленные на клеймах житийных икон начала XVI в. «Иоанн Богослов на острове Патмосе, с житием» (из собрания ГТГ, Инв. 12027)⁴, «Никола Зарайский с житием» (из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева, Инв. КП 827)⁵, «Иоанн Богослов на острове Патмосе, с житием» (из собрания ГТГ, Инв. 20874)⁶, «Святые Владимир, Борис и Глеб, с житием Бориса и Глеба» (из собрания ГТГ, Инв. 14247)⁷ имеют весьма скромную прорисовку деталей (Илл. 3, 4, 5, 6) и схожую форму корпусов, характерную для речных судов (плоское дно, невысокие, наклонные штевни, небольшие свесы), что говорит о следовании тенденциям на усиление каноничности художественного мышления и стандартизации живописных приемов.

Несмотря на схожесть, каждый иконописец все же пытался внести свое видение. Так, судно с иконы «Иоанн Богослов на острове Патмосе, с житием» (из собрания ГТГ, Инв. 12027) имеет мачту с парусом, располагающуюся в центре, кормовую надстройку и кормовой флаг. В центральной части судна, представленного на клейме №6 «Спасение корабля от потопа» иконы «Никола Зарайский с житием», также имеется мачта с парусом. На судне с иконы «Иоанн Богослов на острове Патмосе, с житием» (из собрания ГТГ, Инв. 20874) прорисованы пять поясов обшивки, в центре — мачта со свернутым парусом. Судно

4 Антонова В. И., Мнева Н. Е. Каталог древнерусской живописи XI – начала XVIII вв. Опыт историко-художественной классификации. В 2-х томах. М.: Искусство, 1963. Т. 1. Кат. № 298. С. 353–354.

5 Иконы XIII–XVI веков в собрании Музея имени Андрея Рублева. М.: Северный Паломник, 2007. Кат. № 46. С. 294–299.

6 Лазарев В. Н. Русская иконопись от истоков до начала XVI века. М.: Искусство, 2000. С. 122, 145.

7 Антонова В. И., Мнева Н. Е. Каталог древнерусской живописи XI – начала XVIII вв. Опыт историко-художественной классификации. В 2-х томах. М.: Искусство, 1963. Т. 2. Кат. № 410. С. 60–61.

с иконы «Святые Владимир, Борис и Глеб, с житием Бориса и Глеба» (из собрания ГТГ, Инв. 14247) имеет четыре пояса обшивки и два гребных весла, каждая из которых обладает Т-образной ручкой и широкой лопастью.

Илл. 3. Клеймо №2 «Иоанн и Прохор на корабле во время бури» иконы «Иоанн Богослов на острове Патмосе, с житием»

Илл. 4. Клейма №6 «Спасение корабля от потопы» и №9 «Спасение отрока Димитра со дна моря» иконы «Никола Зарайский с житием»

Во второй половине XVI в. намечается тенденция к сложным композициям с избытком деталей.⁸

На клейме №6 «Путешествие по морю» иконы «Преподобная Ксения, с житием» (написана в 1551 г., находится в Свято-Троицкой Сергиева

Илл. 5. Клеймо №2 «Иоанн с Прохором, «единым от семидесяти», плывут на корабле» иконы «Иоанн Богослов на острове Патмос, с житием»

Илл. 6. Клеймо №9 «Убиение Глеба в лодке, во время переправы через реку Смядынь» иконы «Святые Владимир, Борис и Глеб, с житием Бориса и Глеба»

Лавре, Инв. 2750)⁹ мы можем наглядно увидеть, как стремление к сложным композициям отразилось на изображении судов. На клейме показан трехмачтовый корабль с бушпритом. Корпус имеет высокую седловатость, мощные штевни, кормовую надстройку и украшен декоративными эле-

8 Лазарев В. Н. Московская школа иконописи. М.: Искусство, 1971. С. 56.

9 Комашко Н., Саенкова Е. Русская житийная икона. М.: Книги WAM, 2007. С. 240–243.

Илл. 7. Клеймо №6 «Путешествие по морю» с иконы «Преподобная Ксения, с житием»

ментами. По-видимому, автор писал изображение с иностранного судна (Илл. 7)

Усложнение композиции икон к концу XVI в. наблюдается и для других иконописных школ, что сказывается и на изображении судов.

Например, на клеймах иконы новгородской школы второй пол. XVI в. «Святой Николай Зарайский, с житием» (хранится в Новгородском государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике, Инв. КП 2823, ДРЖ 929)¹⁰ иконописцем запечатлены разные типы судов, среди которых можно различить ладьи и ушкуй (Илл. 8).

На ладьи похожи суда, изображенные на клеймах №20 «Чудо о трех друзьях. Избавление от потопления», №23 «Перенесение мощей св. Николая из Мир Ликийских в Бари», №24 «Встреча мощей св. Николая жителями города Бари» иконы «Святой Николай Зарайский, с житием». Они имеют глубокую седловатость, мощный ахтерштевень и крупный форштевень, оканчивающийся носовой фигурой в виде головы птицы, а также мачту в центре судна с прямоугольным парусом на рее. На клейме №19 «Чудо о киевском детище» иконописцем написано судно по внешним признакам похожее на ушкуй. Лодка имеет высокие штевни с небольшим уклоном, кормовое весло и мачту с прямоугольным парусом по центру.

Илл. 8. Клейма №19 «Чудо о киевском детище», №20 «Чудо о трех друзьях. Избавление от потопления», №23 Перенесение мощей св. Николая из Мир Ликийских в Бари», №24 «Встреча мощей св. Николая жителями города Бари» иконы «Святой Николай Зарайский, с житием»

XVII в. характеризуется «обмирщением» живописи. Происходит ослабление иконописных канонов. Для иконописи данного временного периода характерными чертами становится реализм и стремление к передаче объема, показу глубины пространства. Появляется интерес к пейзажным фонам и архитектуре, к деталям одежды и окружающей обстановке. Кроме того, мастера этого времени активно использовали и перерабатывали различные западноевропейские образцы — прежде всего, гравюры. Данная тенденция присуща всем иконописным школам. Примером здесь может служить Ярославская иконописная школы.

Работы ярославских художников XVII в. поражают изобразительным разнообразием, содержащем бытовые и исторические сюжеты, с достаточно подробной детальной прорисовкой. Данная тенденция касается и написанных на иконах лодок и кораблей.

Например, на клейме №3 «Избавление Дмитрия от потопления» иконы «Святитель Николай Чудотворец, с житием (Николай Великорецкий)» (из собрания Ярославского художественного музея, Инв. И-585;

10 Новгородская икона XII-XVII веков. Л.: Аврора, 1983. № 209–212. С. 328.

КП-53403/519)¹¹ изображено судно с четырьмя рядами обшивки, выполненной из отдельных планок. Корабль имеет дугообразные штевни, загнутые во внешнюю сторону, и широкий планширь по краю борта. На носу и на корме — деревянные судовые надстройки (бак и ют). В центре лодки — весло с широкой лопастью и Т-образной ручкой в верхней части древка весла (Илл. 9).

Илл. 9. Клеймо №3 «Избавление Дмитрия от потопления» иконы «Святитель Николай Чудотворец, с житием (Николай Великорецкий)»

Старательно вырисованы различные типы иностранных и русских морских и речных судов на иконе знаменитого ярославского иконописца XVII в. Семена Спиридонова «Николай Чудотворец с житием» (1685 г., из собрания в Ярославском художественном музее, Инв. И-432; КП-53403/377)¹² (Илл. 10).

Так, например, на клейме «Путешествие св. Николая в Палестину» он изобразил западноевропейский корабль с высокой резной кормой, точеной балюстрадой и сложной системой парусов

на высоких мачтах. Считается, что прототипами судов служили корабли фряжских и русских купцов, которые художник мог наблюдать на родине в Холмогорах и в Ярославле. Он тщательно изучил их непростые конструкции, а затем с большой точностью воссоздавал их на иконных клеймах.¹³

Илл. 10. Клейма №7 «Путешествие св. Николая в Палестину», №12 «Избавление града от голода», №16 «Спасение корабля от потопления», №25 «Чудо о патриархе Афанасии», №27 «Спасение Димитрия от потопления», №28 «Чудо об утопшем детище», №31 «Чудо об утопшем в море», №32 «Чудо о Симеоне» иконы «Николай Чудотворец с житием»

Усложнение композиций, увеличение бытовых реалий и стремление к передаче объема присуще и иконам московской школы XVII в.

Например, суда, представленные на иконе «Святая Мария Египетская, с житием» (из собрания ГТГ, Инв. 29551)¹⁴ обладают выраженным объемом, что было несвойственно для более ранних изображений (Илл. 11).

На клейме № 3 «Св. Мария переправляется через Иордан» изображена небольшая лодка с умеренной седловатостью, низкими бортами и двумя поясами обшивки. На бортовых досках показана «строчка» темных точек — шляпки гвоздей или клепки, при помощи которых крепится обшивка. На клейме № 6 представлено судно с дугообразным корпусом, глубокой седловатостью и тремя поясами обшивки. Бортовые доски скреплены гвоздями или клепками, о чем также свидетельствует «строчка» темных точек.

11 Иконы Ярославля XIII – середины XVII века. Шедевры древнерусской живописи в музеях Ярославля: в 2 т. = Yaroslavl Icons of 13—mid 17th century. The masterpieces of ancient russian painting in the museums of Yaroslavl: in 2 volumes. М.: Северный паломник, 2009. Т. I. Кат. № 102. С. 546–551.

12 Брюсова В. Г. Русская живопись 17 века. М.: Искусство, 1984. Цв. ил. 77.

13 Масленицын С. И. Ярославская иконопись. М.: Искусство, 1973. С. 36–37.

14 Комашко Н., Саенкова Е. Русская житийная икона. М.: Книги WAM, 2007. С. 238–239.

Илл. 11. Клейма №3 «Св. Мария переправляется через Иордан» и №6 «Путешествие на корабле в Иерусалим» иконы «Святая Мария Египетская, с житием»

В центре судна размещена мачта с треугольным парусом на рее.

Стремление к передаче объема и глубины пространства мы можем наблюдать и на иконе «Святые князья Владимир, Борис и Глеб, с житием Бориса и Глеба» (данных о происхождении нет, хранится в собрании Владимиро-Суздальского историко-художественного и архитектурного музея-заповедника, Инв. В-6974)¹⁵ (Илл. 12).

На клеймах №13 «Убиение Глеба в насаде (ладье)», №14 «Видение огненного столпа над телом Глеба, положенным между двумя колодами», №15 «Обретение тела Глеба»

ся такелаж, в движение данные суда приводятся многочисленными веслами с прямоугольной лопастью (у каждого судна порядка 6–7 весел).

Исследование изображений судов на иконах XV–XVII вв. показало, что, во-первых, на них большое влияние оказали тенденции присущие русской иконописи в определенной период его развития: в XV в. — простота и лаконичность, в XVI в. — усиление каноничности и стандартизации живописных приемов, в конце XVI в. — усложнение композиций, в XVII в. — стремление к реализму и передачи объема. Если в произведениях XV в. корабли изображались с известной условностью и традиционно меньшими пропорциями по отношению к изображению людей, то к XVII в. появляются иконы довольно точно воспроизводящие как общий вид, так и оснастку корабля.

Во-вторых, образ корабля на иконах зависел от типов судов, получивших свое распространение на территории, где работал или проживал художник. Так, большинство русских иконописцев при на-

Илл. 12. Клейма №13 «Убиение Глеба в насаде (ладье)», №14 «Видение огненного столпа над телом Глеба, положенным между двумя колодами», №15 «Обретение тела Глеба» иконы «Святые князья Владимир, Борис и Глеб, с житием Бориса и Глеба»

«Обретение тела Глеба» представлены суда одинаковой формы: с глубокой седловатостью, тремя рядами обшивки вгладь и высокими штевнями изогнутыми во внутрь. Суда на клейме №13 имеет мачту с прямоугольным парусом на рее и вымпелом на вершине мачты, хорошо просматривает-

писании кораблей и лодок в качестве образцов использовали реальные суда, бытовавшие на Руси.

Изображения судов на иконах могут рассматриваться как исторические источники для изучения отечественного традиционного судостроения и реконструкции судов.

Список литературы

1. Антонова В. И., Мнева Н. Е. Каталог древнерусской живописи XI – начала XVIII вв. Опыт

15 Иконы Владимира и Суздалья. М.: Северный паломник, 2006. Кат. № 102. С. 448–459.

историко-художественной классификации. В 2-х томах. М.: Искусство, 1963. Т. 2. 394 с.

2. Антонова В. И., Мнева Н. Е. Каталог древнерусской живописи XI — начала XVIII вв. Опыт историко-художественной классификации. В 2-х томах. М.: Искусство, 1963. Т. 1. 570 с.

3. Брюсова В. Г. Русская живопись 17 века. М.: Искусство, 1984. 338 с.

4. Иконы XIII–XVI веков в собрании Музея имени Андрея Рублева. М.: Северный Паломник, 2007. Кат. № 46. С. 294–299.

5. Иконы Владимира и Суздаля. М.: Северный паломник, 2006. 646 с.

6. Иконы Успенского собора Московского Кремля. Вторая половина XV — XVI век: Каталог. М., 2016. Кат. № 2. 327 с.

7. Иконы Ярославля XIII – середины XVII века. Шедевры древнерусской живописи в музеях Ярославля: в 2 т. = Yaroslavl Icons of 13—mid 17th century. The masterpieces of ancient ussian painting in the museums of Yaroslavl: in 2 volumes. М.: Северный паломник, 2009. Т. I. 578 с.

Комашко Н., Саенкова Е. Русская житийная икона. М.: Книги WAM, 2007. 351 с.

8. Лазарев В.Н. Московская школа иконописи. М.: Искусство, 1971. 235 с.

Масленицын С. И. Ярославская иконопись. М.: Искусство, 1973. 45 с.

9. Новгородская икона XII–XVII веков. Л.: Аврора, 1983. № 209–212. 343 с.

Ростово-суздальская живопись XII–XVI веков = Rostov-Suzdal painting of the 12th—16th centuries. М.: Изобразительное искусство, 1970. 182 с.

THE IMAGE OF A SHIP IN THE RUSSIAN ICONOGRAPHY OF THE XV–XVII CENTURIES

Madikova Lidiya Vladimirovna,

post-graduate student, research associate,

Russian Scientific Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after

D.Likhachev

St. Kosmonavtov, 2, Moscow, Russia, 129366,

madikova.lida@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the study of images of ships in Russian iconography of the XV–XVII centuries. The influence of icon-painting trends of the XV–XVII centuries on the image of a ship is considered on the example of individual icons belonging to different icon-painting schools. Information about the design features of the ships depicted on these icons is presented.

Keywords

Image of a ship, boat, vessel, icons, Moscow icon painting school, Novgorod icon painting school, Yaroslavl icon painting school, shipbuilding..

ИСКУССТВО, ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА

RAR

УДК 930

ББК 63.3

DOI 10.34685/ИИ.2022.36.1.006

«ТРОН» И «ТРОННОЕ КРЕСЛО». К ВОПРОСУ ТЕРМИНОЛОГИИ

Углева Наталья Владимировна,

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник отдела дерева и мебели
Государственного исторического музея,
Красная пл., 1/2 г. Москва, Россия, 109012,
uglevan@ya.ru

Аннотация

Среди памятников мебели в отдельную группу можно выделить троны. Термин «троны» прочно вошел в современную терминологию, не отражая при этом существа понятия. Очевидно, что к «тронам» следует отнести не один предмет, а несколько, образующих единую композицию. Термин «тронное кресло» относится к типу парадной мебели, предназначенной для правящей особы, которое устанавливалось на троне или вне его — в правительственных учреждениях и официальных резиденциях.

Ключевые слова

Трон, тронное кресло, мебель, царское имущество, корпус предмета, Московский Кремль, Оружейная палата, художественное решение

Начало составления коллекций мебели в России непосредственно связано с историей одного из значимых музеев России — с Оружейной палатой Московского Кремля. Из письменных свидетельств 1584–1725 гг. Казенного приказа, аккумулировавшего уникальные раритеты кремлевского имущества, которые в свое время лягут в основу собрания музея, становится очевидно, что во всем многообразии собранного и систематизированного по назначению материала имелась и мебель. Так, в документе архива Московской

Оружейной палаты «Записные книги и бумаги старинных дворцовых приказов» отмечается, что в числе царского имущества имеется драгоценная посуда, иконы, оружие и конская упряжь, костюм, мебель¹.

Среди этих предметов находились и, так называемые, «троны». Этот термин прочно вошел в современную терминологию, отразившись в названиях музейных памятников («трон Бори-

1 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 1.

са Годунова», «трон царя Алексея Михайловича» и т.д.), что по сути является ошибочным.

Следует отметить, что это понятие возникло лишь в XIX в. в литературе (Илл. 1), связанной с описанием царского наследия, хотя в письменных источниках фигурируют другие наименования.

Илл. 1. Г.И. Семирадский. Благоверный Великий князь Александр Невский Принимает папских легатов. 1877 г. ГИМ

Так, в перечне высочайшего имущества при упоминании парадного седалища Бориса Годунова (Илл. 2) этот предмет обозначался словом «место»: «...Место персицкое оправлено золотом с камнем с бирюзами и с винисами² с жемчужки подволочено³ бархатом цветными по серебряной земле внутр. и с исподу. И из нево вынята притворе бирюза большая и отдана в серебряной приказ да мелких камешков и жемчужков и во многих местех»⁴.

При этом в документе отсутствует описание формы, фиксируя лишь драгоценные материалы,

2 Виниса – название драгоценного камня. Словарь русского языка XI-XVII вв. М., 1975. Вып. 2. С. 180.

3 Подволочено – обито изнутри. Словарь русского языка XI-XVII вв. М., 1989. Вып. 15. С. 239.

4 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 1. Д. 6. Л. 52.

Илл. 2. Место царское золотое, присланное в дар от персидского Шаха Аббаса Хромолитографии по рисункам Ф.Г. Солнцева из издания «Древности Российского государства...» (Отд. II. М., [1846–1853])

использованные при изготовлении декора и историю его приобретения. Это следует из реестра «Выписка из статейных списков, хранящихся в архиве Министерства Иностранных дел, о вещах, поднесенных иностранными послами русским государям от царя Иоанна Васильевича Грозного до императора Петра Великого» где упоминается, что другой «трон», принадлежавший царю Алексею Михайловичу, был привезен из Ирана: «7168/1660 Великому Государю Царю Алексею Михайловичу челом ударил Кизилбашского Шахова ближнего человека⁵ Ихто Моделетев купчина арменин Захарей Сарадаров в дарех: Кресла оправлены золотом с камнями и с алмазы и с яхонты и с жемчуги. По оценке 22,58 [перечеркнуто косою линией сверху вниз слева направо] 91 20 алтын»⁶. Как мы видим, и в этом документе «трон» называется «креслом», отсутствуют описание формы и упоминание о других материалах, кроме драгоценных, использованных при создании предмета.

5 Ближний человек – приближенный, доверенное лицо. Словарь русского языка XI-XVII веков. Вып. 1. М., 1975. С. 239.

6 РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 2 ч. 3. – Д. 1292. Л. – 15.

Особое внимание к дорогостоящему декору продиктовано назначением документа, призванного, учитывая его материальную составляющую и фиксировать источник поступления как важный факт дипломатического значения.

Издrevле трон являлся смысловым акцентом парадного придворного интерьера. Его оформлению придавалось особое значение, т.к. он обращал на себя внимание внушительными габаритами и ярким убранством, таким образом подчеркивая значимость помазанника божьего, а также решая задачу репрезентативности. Он выделял особое положение венценосца среди присутствующих, наглядно транслировал легитимность его могущества.

Хотя троны нельзя впрямую отнести к государственным регалиям, тем не менее они как нельзя лучше сопрягаются с самим понятием власти, что отражено, в появлении ряда фразеологизмов: «быть на троне» — властвовать, «лишиться трона» — потерять власть, «тронная речь» — торжественное публичное выступление, «борьба за трон» — борьба за власть.

В прямом и переносном значении можно рассматривать и выражение «взойти на трон». С одной стороны, это обретение власти, с другой — описание процесса движения на ступенчатый помост под киворием к месту, где должен воссесть государь.

Слово «трон» происходит от греческого «θρόνος» (tronos) и означает сиденье. Этот лаконичный термин дает представление скорее не о предмете, а об особом положении человека, который среди стоящих может воссесть, чем, в первую очередь, выделяется среди окружающих.

Троны были известны с древнейших времен, что подтверждается многочисленными изображениями и сохранившимися артефактами. Наиболее ранние из них происходят из Древнего Египта, включая известный трон из гробницы Тутанхамона. В этой колыбели цивилизации одной из наиболее почитаемых египетских богинь была Исида, имя которой истолковывается как «та, что у трона», а ее головной убор включает изображение этого предмета.

В ряде стран Европы прототипом и своеобразным руководством по изготовлению тронов послужил трон царя Израильского царства Соломона (1011–928 гг. до н.э.): «И сделал царь большой престол из слоновой кости и обложил его чистым золотом; к престолу было шесть ступеней;

верх сзади у престола был круглый, и были с обеих сторон у места сиденья локотники, и два льва стояли у локотников; и еще двенадцать львов стояли там на шести ступенях по обе стороны. Подобного сему не бывало ни в одном царстве»⁷.

Тот же принцип был использован при создании трона в главной резиденции византийских императоров 330–1081 гг. — в Святом дворце в Константинополе, о чем пишет И.Е. Забелин в книге «Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях»: «...около трона размещены были золотые львы и другие звери, механика которых была так устроена, что львы рыкали, а лежащие у трона звери поднимались на ноги, как скоро кто приближался к престолу во время торжественных приемов. Страху и величия для простых глаз было несказанно много. В то же время золотые птицы, сидевшие на украшениях трона и на особых деревьях, около него поставленных, пели чудесные песни»⁸.

Одно из первых свидетельств об облике московских тронов имеется в описании путешествия Г.Г. Паэрле, побывавшего в начале XVII в. на официальном приеме Лжедмитрия I, который восседал «на высоких креслах из чистого серебра с позолотой, под балдахином; двуглавый орел с распущенными крыльями, вылитый из чистого золота, украшал сей балдахин; под оным внутри было Распятие, так же золотое, с огромным восточным топазом, а над креслами находилась икона Богоматери, осыпанная драгоценными камнями. Все украшения трона были из литого золота; к нему вели три ступени; вокруг его лежали четыре льва серебряные, до половины вызолоченные, а по обеим сторонам, на высоких серебряных ножках, стояли два грифона, из коих один держал государственное яблоко, а другой обнаженный меч»⁹.

7 Книга III Царств. Гл.10. Стб. 18-10. [электронный ресурс] URL: http://bible.ucoz.com/publ/tretja_kniga_carstv/tretja_kniga_carstv_glava_10/14-1-0-319 (дата обращения 05.04.2017). http://bible.ucoz.com/publ/tretja_kniga_carstv/tretja_kniga_carstv_glava_10/14-1-0-319

8 И.Е. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Книга первая. Государев двор. М. 1990. С. 181.

9 Сказания современников о Дмитриии Самозванце. 2-е изд. В 5 ч. Ч. 2. / [под. ред. Н. Устрялова]. СПб.: Тип. Императорской Российской Академии, 1832-1837. С. 38.

Еще одно описание кремлевского трона составлено посетившим Москву в 1634 г. в период правления Михаила Федоровича Адамом Олеарием¹⁰. По его воспоминаниям, первый русский царь «...сидел ... в кафтане, осыпанном всевозможными драгоценными камнями и вышитом крупным жемчугом... Трон великого князя сзади у стены поднимался от земли на три ступени, был окружен четырьмя серебряными и позолоченными колонами или столбиками, толщиной в три дюйма; на них покоился балдахин в виде башенки, поднимающийся на три локтя в высоту. С каждой стороны балдахина стояло по серебряному орлу с распростертыми крыльями¹¹ (Илл. 3).

Илл. 3. Тромонин К.Я., Грачев А. Прием послов голштинских царем Михаилом Федоровичем в Грановитой палате в 1634 году. (с гравюры XVII в.). Изд. К. Тромонин, первая половина XIX в.

Впрочем, в это время готовили как раз трон гораздо более великолепный и роскошный на который было отпущено 800 фунтов сере-

бра и 1100 дукатов для позолоты: его со всеми расходами на него ценили в 25000 талеров. Три года над ним работали немцы и русские, причем самым видным мастером в этом деле был житель Нюрнберга Исаия Цинкгрэфф¹².

Наряду с такими конструктивно сложными, составлявшими иногда масштабные декоративные композиции, существовали и троны, воплотившие в себе другие черты соломоновского. Их создатели особое внимание уделяли не столько окружающему убранству, сколько непосредственно корпусу предмета. К таковым предметам можно причислить тронное кресло, изготовленное в середине VI в. по заказу византийского императора Юстиниана Великого для Архиепископа Максимиана и находящееся ныне в собрании Архиепископского музея в Равенне. В форме и отделке этого предмета нашло материальное воплощение изречение царя Соломона, уже приведенного выше, где указано, что «престол из слоновой кости ... верх сзади у престола был круглый...». Действительно, спинка предмета выгнута, вверху имеет округлое завершение, а корпус отделан костяными пластинами с изображениями Иоанна Крестителя, четырех Евангелистов, сюжетов из Ветхого и Нового Заветов, зооморфных персонажей в обрамлении растительного орнамента.

Именно оформлением корпуса было знаменито тронное кресло, изготовленное для царя Алексея Михайловича в 1673 г. часовым мастером Оружейной палаты Петром Высотцким. Оно находилось в подмосковном дворце в Коломенском и имело возможность к трансформации, что описывает И.Е. Забелин в книге «Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях»: «подле царского места поставлены были львы, которые, яко живые, рыкали, двигали глазами и зияли устами. Туловища их были медные, оклеенные барановыми кожами под львиную статью. Механика, приводившая в движение их пасти и глаза и издававшая львово рыкание,

10 Адам Олеарий (нем. Adam Olearius; Адам Ольшлегель, 1599-1671) – немецкий путешественник и ученый, издавший в 1656 г. «Описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию».

11 Приведенные описания находят реминисценции с Двойным тронном, ныне находящимся в собрании Музеев Московского Кремля, приписываемым работе Мастерских Московского Кремля 1682-1684 гг. и выполненном для коронации царей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича.

12 АдамОлеарий. Описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию. Глава IV (Книга I, глава 7) [электронный ресурс] URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9E/olearij-adam/opisanie-putreshstviya-golshitinskogo-posolstva-v-moskoiyu-i-persiyu>. (дата обращения 01.04.2020).

помещалась в особом чулане, в котором устроен был стан с мехами и с пружинами...¹³.

Такое зрелище подобно театральному действию производило колоссальное впечатление, вызывало удивление, восторг и благоговение. Таким образом достигался результат эффектного представления государя, а также демонстрировало незаурядные достижения отечественных мастеров.

Подводя итог, следует дать определение понятиям «трон» и «тронное кресло».

В энциклопедиях и словарях русского языка слово «трон» трактуют как «государев престол..., царские кресла»¹⁴, не выделяя тронное кресло в отдельное понятие. Таким образом, в современной повседневной речи эти слова являются синонимами и подразумевают конкретный вид мебели царского или императорского обихода, предназначенный для использования во время официальных церемоний. Тем не менее, существует значительная разница между этими двумя терминами. Очевидно, что к «тронам» следует отнести не один предмет, а сооружение, объединяющее возвышение со стоящим на нем креслом, увенчанное иконой (в более позднее время — портрет монарха), над которыми укреплялась сень. На этом же помосте иногда находились один или несколько столов и осветительные приборы.

Термин «тронное кресло» относится к типу парадной мебели, предназначенной для правящей особы. Оно устанавливалось на троне или вне его, находилось в помещениях правительственных учреждений и официальных резиденций.

Внешний облик трона и тронных кресел имел большое значение. Известно, что трон никогда не бывает пуст: либо на нем восседает монарх, либо он, следуя византийской христианской трактовке, является многогранным божественным символом. Трон можно отнести и к государственным символам. Ожидая парадного выхода самодержца, взгляды присутствующих обращались к предназначенному для него месту.

Именно оно первым «встречало» гостей и содействовало экспрессии торжественного приема. С этого предмета начиналось знакомство с государем, поэтому в его художественное решение был включен знаковый ряд образов, являвшийся своеобразным информационным преувеличением, облеченным в художественный образ, воспринимавшийся непосвященными лишь декоративными элементами. Однако их значение было крайне важным не только для формирования яркого запоминающегося облика, но и для сохранения сакральной идеи.

Учитывая особую роль трона, в его художественное решение всегда включался ряд знаковых образов, являвшихся своеобразным информационным кодом, который непосвященными воспринимался как декор. Значение этих образов было крайне важным не только для формирования яркого запоминающегося облика, но и для сохранения сакральной идеи. С течением времени семантическое значение из основополагающего стало менее значимым, уступив первенство ярко выраженной пышной парадности и богатству отделки, которая, однако включала в репертуар декоративного строя общепринятые символы.

Одним из наиболее часто встречающихся персонажей в декоре тронных кресел являлся грифон — зооморфный образ, соединявший тело льва, голову и крылья орла. Согласно древневосточной традиции, грифон обладавший невероятной силой, был хранителем сокровищ. В христианстве грифон отождествлялся с двойственной природой Христа: птица соответствовала его божественному происхождению, а лев соотносился с земным началом. В геральдической трактовке грифон обычно означал бдительность и отвагу. Именно благодаря этим качествам он появился на фамильном гербе рода Романовых.

В оформлении тронов не менее часто встречались изображения львов — маски, рельефы, скульптуры. По утверждению одного из известнейших ученых, исследующих символику, Д. Холла, «Лев — традиционное символическое животное в религиозном и светском искусстве со многими приписываемыми ему значениями. В средние века он был символом Воскресения, поскольку, согласно бестиариям, детеныши, когда рождались, в течении трех дней прибывали мертвыми, пока отец не возвращал их к жизни

13 И.Е. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Книга первая. Государев двор, или дворец. М.: Книга. 1990. С.186.

14 Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Олма-Пресс. 2004.

посредством своего дыхания в их лица... Лев является атрибутом Кибелы (одной из четырех частей свет), а также гордыни, гнева и холерического темперамента (одного из четырех темпераментов)»¹⁵. Этот персонаж традиционно соотносится с монаршей властью, образом Христа, неисповедимым Божьим промыслом и многими другими христианскими догматами¹⁶.

Значительно реже в декоре тронных кресел встречается изображение лебедя, несмотря на то, что оно было известно с древнейших времен. Известно, что именно скульптуры лебедей были использованы в качестве боковых сторон одного из наиболее ранних из известных парадных кресел русских князей — трона XIV в.¹⁷ князя Московского, Новгородского и Великого князя Владимирского Симеона Гордого. В дальнейшем в декоративное оформление, как правило, включалось изображение лишь головы этой грациозной птицы, завершавшей линию подлокотника. В знаковой системе русского фольклора лебедь соотносится и с женским началом, в то время как в античной мифологии — с мужским. Христианская же трактовка связывает лебедя главным образом с Распятием и последними словами Христа, проводя аналогию с предсмертным криком этой птицы.

Также с христианской символикой корреспондируется и образ орла (Илл. 4).

Кроме знака Евангелиста Иоанна он служил знаком Воскресения, справедливости, божественной любви и многих других добродетелей. Орел — одна из древнейших геральдических фигур, которая олицетворяла основные качества, связанные с безграничной властью, победой, величием. В художественном решении тронной мебели часто использовались скульптурные изображения этой царственной птицы — как облика в целом, так и ее цепких лап в качестве опор.

Илл. 4. Тронное кресло императора Николая I из Сената в Санкт-Петербурге. ГИМ.

Илл. 5. Тронное кресло императора Александра I из Сената в Москве. ГИМ.

15 Д. Холл. Словарь сюжетов и символов в искусстве. М.: Крон-прес. 1997. С. 331.

16 Белова О.В. Славянский bestiary. М.: Индрик. 2001. С. 159-162.

17 Попова З.П. Русская мебель XVI-XVII веков. Диссертация на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. М. 1973. С.79

Кроме зооморфных персонажей в оформлении тронных кресел широко использовались растительные элементы. Наиболее распространенные среди них — ветви лавра как атрибут победы и виноградная лоза или виноград как один из важнейших христианских символов, который отождествлен с евхаристическим вином, христианской верой и образом Христа: «Я есмь истинная виноградная лоза...»¹⁸.

На протяжении веков декоративный строй тронных кресел традиционно включал герб страны и ее регалии — корону, скипетр и державу. Знаки монархической власти венчали спинку кресла, подчеркивая его особую значимость в ряду других предметов мебелировки, а также могли декорировать и корпус предмета (Илл. 5).

В настоящее время о русских тронах можно судить по различным свидетельствам и описа-

ниям из архивных документов, воспоминаниям современников, изображениям. Сохранился и ряд объектов материальной культуры. Тронные кресла — одна из интереснейших страниц истории мебельного производства, именно поэтому крайне важно в контексте ее изучения и популяризации использовать правильную терминологию, четко определяющую конкретные понятия культурного наследия.

Список литературы

1. Белова О.В. Славянский бестиарий. М.: Индрика. 2001.
2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Олма-Пресс, 2004.
3. Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Книга первая. Государев двор, или дворец. М.: Книга. 1990.
4. Холл Д. Словарь сюжетов и символов в искусстве. М.: Крон-пресс. 1997.

18 «Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой — виноградарь. Всякую у Меня ветвь, не приносящую плода, Он отсекает; и всякую, приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода...» Евангелие от Иоанна, 15:1-17.

"THRONE "AND" THRONE CHAIR". TO THE QUESTION OF TERMINOLOGY

Ugleva Natalia Vladimirovna,

PhD, senior researcher of the Department of wood and furniture

State historical museum,

Krasnaya PL., ½, Moscow, Russia, 109012,

uglevan@ya.ru

Abstract

Among the artefacts of furniture in a separate group can be identified thrones. The term "thrones" is firmly embedded in modern terminology, without reflecting the essence of the concept. It is obvious that the «thrones» should include not one object, but a group that forms a single composition. The term «throne chair» is a type of ceremonial furniture designed for the ruling person, which was installed on the throne or outside it — in government facilities and official residences.

Keywords

Throne, throne chair, furniture, royal property, the body of the subject, Moscow Kremlin, Kremlin Armoury, decoration.

RAR

УДК 7.04

ББК 71

DOI 10.34685/NI.2022.36.1.007

«ВОСТОК» КАК МИФ В ТЕМАХ И МОТИВАХ ОРНАМЕНТА ИВАНОВСКИХ ТКАНЕЙ

Щербакова Татьяна Леонидовна,

доцент кафедры дизайна костюма и текстиля им. Н. Г. Мизоновой,
Ивановского государственного политехнического университета,
аспирант кафедры культурологии и изобразительного искусства
по направлению «культурология» Шуйского филиала,
Ивановского государственного университета.
Шереметевский просп., д. 21, Иваново, Россия, 153000,
dvaoblaka@yandex.ru

Аннотация

Иваново на протяжении нескольких столетий является одним из главных текстильных центров России. Связь ивановских орнаментальных традиций с восточной орнаментацией имеет глубокие исторические корни. Традиция образов экзотики, выраженных через темы и мотивы Востока, является одной из локальных особенностей орнаментики современных ивановских тканей. «Восток» присутствует в текстильной орнаментации как миф о Востоке и является элементом конструирования собственной культурной идентичности.

Ключевые слова

Текстильный орнамент, ивановские ткани, Восток, локализация, традиция, культурная самоидентификация.

Текстильный дизайн, а именно дизайн ткани, отрасль, которая в современной культуре становится одной из главных сфер существования орнамента, и поэтому представляет наибольший интерес в изучении всех аспектов его структуры. Современный текстильный орнамент выходит далеко за рамки только художественного феномена, как элемент массовой культуры, он приобретает важное общекультурное значение.

В качестве явления, включенного в глобальные культурные процессы, текстильный орнамент подвержен влиянию двух векторов: глобализации и локализации. Взаимодействие этих векторов проявляет себя и в сфере художественного формообразования орнаментальной структуры, и в формировании комплекса орнаментальных сюжетов и мотивов. Этот комплекс подвержен как процессам, связанным с унифика-

цией и размыванием межкультурных границ, так и следованию традициям, которые характеризуют процессы культурной локализации текстильной орнаментики.

Иваново исторически является крупнейшим в России производителем текстиля, поэтому тенденции в орнаментации ивановских тканей характеризовали в прошлом, и характеризуют сегодня российский текстильный орнамент в целом. Современный орнамент ивановских тканей является практически не изученной темой во всех аспектах его структуры. Она заслуживает пристального изучения, поскольку орнамент, и в частности его мотивы и сюжеты, уходят корнями к древнейшим культурным архетипам и являются элементом культурной самоидентификации.

В данной статье рассматривается комплекс сюжетов и мотивов ивановского текстильного

орнамента, с точки зрения процессов локализации. В качестве объекта исследования выступают темы и мотивы орнаментики ассортимента тканей, производимых крупнейшими ивановскими предприятиями: ООО «АРТ Дизайн», ООО «Текс-Дизайн», Тейковский ХБК, ОФ «Традиции текстиля», которые имеют свои дизайнерские бюро, и поэтому могут позиционироваться как разработчики именно дизайнерского продукта. Значительная часть производимых тканей реализуется на российском рынке. Формирование комплекса тем и мотивов текстильной орнаментации чутко реагирует на запросы этого рынка, поэтому доминирующие в ассортименте темы и мотивы транслируют определенные эстетические и общекультурные ценности потребителя в сферу дизайна, а также являются в определенной степени маркерами культурной самоидентификации. Именно эти маркеры во многом формируют локальные особенности в ассортименте тем и мотивов ивановского текстильного дизайна.

Доминирующую часть текстиля, выпускаемого предприятиями ивановского региона, составляют декоративные ткани, в частности, ткани для постельного белья, поэтому в данном исследовании рассматриваются мотивы именно этой ассортиментной группы. Одновременно, этот материал наиболее ярко характеризует процессы, происходящие в российском текстильном дизайне.

В данной статье не ставится задача проанализировать весь ассортимент ивановских декоративных тканей. Из широкого спектра орнаментации ивановского текстиля выбрана тема экзотики, которая является значимой в ассортименте рассматриваемых производителей и наиболее ярко характеризует, по мнению автора, процессы культурной локализации. Изучение ассортимента рассматриваемых предприятий, доказывает, актуальность этой темы. Независимо от моды, т. е. глобальных тенденций, она является устойчивой локальной особенностью в текстильной орнаментации и представлена в ассортименте широким кругом вариантов рисунков для ткани

Значительная часть экзотической темы выражается через широкий спектр восточных образов. Орнаментальные композиции используют мотивы экзотических животных, таких как тигры и леопарды, реже львы, райские птицы, а так же экзотические пейзажи.

При этом тема Востока воплощается в современном орнаменте не как прямое цитирование

элементов определенного орнаментального стиля. «Восток» присутствует в русской повседневной культуре, и в том числе в орнаменте, «как очень размытое, мифологическое понятие, обозначающее широкий и противоречивый набор культур народов, которые не принадлежат ни к «Западу», ни к собственно русской культуре». «Восток» воплощается в большей степени как миф о востоке, где этот миф имеет косвенное отношение к восточным странам, он в большей степени феномен породившей его культуры¹. Этот «Восток» постоянно меняет свой облик, поскольку, как отмечает Э. В. Саид, «каждая эпоха и каждое общество воссоздают своих “Других”»². Подвергаясь ориентализации «Восток» используется «для конструирования собственной идентичности через миф о другом мире — чуждом, экзотическом, опасном и непонятном». В качестве мифа, обладающего большой притягательной силой «Восток» входит в европейскую культуру³. Имея глубокие исторические корни в русской орнаментальной культуре, и в частности в текстильной орнаментации, в аналогичном качестве «Восток» входит и в русскую культуру.

Один из первых исследователей русского текстильного орнамента Н. Н. Соболев, говоря об истоках зарождения мотивов русской набойки, указывает на большое значение в ее формировании элементов «той культуры, которая пришла откуда-то издали, из степей азиатского Востока». При этом «Восток» присутствует в русской орнаментике, как указывалось выше, в качестве достаточно размытого понятия, выраженного в заимствовании, как мотивов «мусульманского мира», так и мотивов Византии, которая, «несмотря на отдаленность эпохи своего существования, нет — нет, да и скажется в деталях позднего рисунка»⁴. Восточная тема русских тканей воплощена в широком круге мотивов, пришедших из шелковых, бархатных,

1 Ильин В. И. (2019) Истернизация русской повседневности: история и современность // Мир России. Т. 28. № 2. С. 27-28.

2 Саид Э. В. (2016) Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский Мир. С. 514.

3 Ильин В. И. (2019) Истернизация русской повседневности: история и современность // Мир России. Т. 28. № 2. С. 28.

4 Соболев С. С. Набойка в России: История и способ работы. М., 1912. С. 24.

парчовых, а также хлопчатобумажных тканей Средней Азии, Персии и Индии, а также восточных мотивов, заимствованных из тканей Венеции, Турина и Брабанта. Но многочисленные влияния чужих орнаментальных культур перерабатываются с необыкновенным вкусом русской орнаментальной культурой, приобретая значительное «своеобразие» и давая в результате «прекрасный образчик национального народного творчества». Примером одного из самых ранних восточных мотивов, является мотив «дороги», или «дорожников», рисунка на основе полосы, пришедшего из Средней Азии⁵. Из восточной традиции заимствуются многочисленные растительные формы, например: мотив розетки, турецкой гвоздики, персидского лотоса и, конечно, мотив «персидского огурца»⁶. Ивановская текстильная традиция уже с XVII века включает в себя заимствованные восточные мотивы средней Азии, например, «персидского огурца», который становится позже знаковым элементом орнамента ивановских ситцев, присутствуют мотивы райских птиц, также заимствованные из восточной традиции⁷.

Тема экзотики прослеживается и в древнейших русских вышивках северного и центрального региона. Она представлена, прежде всего, мотивами экзотических животных. Одним из них является птица пава, изображаемая либо с широким хвостом, окруженным мелкими завитками-перышками, либо хвостом в виде большого горизонтального пера. Пробразом ее послужил мотив павлина, который был популярен в вышивке всех русских областей. Он имеет древние традиции в орнаментике Византии и Античного мира и, скорее всего, заимствован из этих традиций, хотя имеет с ними только сюжетную близость⁸.

Проникают также в русскую орнаментацию восточные образы, представленные такими животными как лев (лёв-звирь) и барс, которые

в интерпретации русской вышивки практически сливаются в один образ и различаются между собой только по наличию или отсутствию гривы (Илл. 1).

Илл. 1. Русская вышивка. Мотив льва (барса) на костромском полотенце (Костромской музей)

Наиболее ранним источником этих мотивов, наряду с феодальной геральдикой, является орнаментика сасанидских, византийских, а позже итальянских тканей. Для русской вышивки характерно, практически полное отсутствие ориентального мотива борьбы животных⁹. Таким образом, изображение экзотических животных павлина, льва и барса, сохранившись в виде образцов вышивки XVIII– начала XX веков уходят корнями в глубочайшие традиции восточной культуры. Имея в этих культурах прототипы реальных животных, в русской орнаментике они теряют связь с первоначальными прообразами и ориентализируются, приобретая мифический характер.

Можно сделать вывод, что восточные заимствования несколько различно проявляют себя в орнаментации тканей и вышивки. В набойке русских тканей они присутствуют в виде растительных и абстрактных декоративных форм, и структуры композиции, а в вышивке получают большее распространение ориентальные зооморфные мотивы. Значительно трансформируясь в русской культуре, орнаментальные элементы Востока имеют косвенное отношение к восточным странам, и в большей степени, становятся феноменом воспринявшей их культуры.

5 Соболев С. С. Набойка в России: История и способ работы. М., 1912. С. 32.

6 Там же. С. 38-41.

7 Ивановские ситцы: Альбом/ Авт.-сост. Е.В.Арсеньева. - Л.: Художник РСФСР, 1983. С. 16-18.

8 Маслова Г. С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М.: Наука, 1978. С. 67.

9 Маслова Г. С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М.: Наука, 1978. С. 86.

В орнаментации современных ивановских тканей значимость экзотической темы сохраняется, и, следуя традиции, воплощается через образы «Востока». Мотив тигра, леопарда, барса и реже льва, также как в предыдущие столетия, становится одним из самых важных в воплощении этой темы, он представлен в ассортименте всех крупнейших ивановских производителей. Так, например, в ассортименте ООО «Текс-Дизайн» присутствуют как ткани с изображениями тигров: «Книга джунглей 2» (арт.206942), «Белый тигр 3» (арт. 208243), так и леопардов: «Бросок 3» (арт.193673), «Эквадор 1» (арт. 205341), «Леопард 1» (арт.198331)¹⁰. Ассортимент Тейковского ХБК также включает ткани с изображением тигра, леопарда, барса: «Снежный ирбис» (арт. 646569), «Барсы» (арт. 531233), «Лео» (арт.700470), «Сафари» (арт.721096), «Эдисон» (арт. 663848), «Снежный барс» (арт. 555039) а также льва: «Король лев» (арт.606175)¹¹. Является актуальной эта тема в ассортименте ООО «АРТ Дизайн», например, в тканях «Шерхан» (рис. в каталоге 11602–1), «Символ удачи» (рис. в каталоге 3755–1), «Амур» (рис. в каталоге 12220–1), «Снежный барс» (рис. в каталоге 11528–1)¹², и в ассортименте ОФ «Традиции текстиля», например, такие рисунки как «Леопарды» (рис. в каталоге 162), «Дикие кошки» (рис. в каталоге 848–1), «Хантор» (рис. в каталоге 846–1)¹³. В отличие от условной трактовки в орнаментации традиционной русской вышивки, в подавляющем большинстве рассматриваемых композиций мотивы животных подчеркнута, реалистичны, их решение использует подробную детализацию и объемную моделировку формы. Определенную мифологичность изображению, придает условность среды, в которую помещены персонажи. Например, в ткани «Эквадор 1» (арт. 205341) фирмы «Текс-Дизайн», леопард, который решен максимально реалистично, помещен в среду фантастического леса

с диковинными листьями и цветами, включающими монстеру, пальмы, орхидею, а также бабочек и попугаев, т. е. мифологизированный образ мира восточной природы. Через избыточность насыщающих его элементов, этот лес воплощает идею экзотического, трансцендентного мира (Илл. 2)¹⁴.

Илл. 2. Фрагмент рисунка для ткани «Эквадор 1» (арт. 205341), производитель - фирма «Текс-Дизайн»

В рисунке ткани фирмы «Текс-Дизайн» «Белый тигр 3» (арт. 208243) образ «Востока» решается через помещение тигров в условное пространство, включающее листья и цветы лотоса. Такое решение также можно рассматривать как мифологизированный локальной культурой образ «Востока» (Илл. 3)¹⁵.

10 ООО «Текс-Дизайн», Иваново: [сайт]. URL: <https://texdesign.ru/> (дата обращения: 15.09.2021).

11 Тейковский ХБК, Иваново: [сайт]. URL: <https://teikovo.com/> (дата обращения: 16.09 2021).

12 ООО «АРТ дизайн», Иваново: [сайт]. URL: <https://art-dtex.ru/> (дата обращения: 18.09.2021).

13 ОФ «Традиции текстиля», Иваново: [сайт]. URL: <http://tradtex.ru/> (дата обращения: 18.09 2021).

14 ООО «Текс-Дизайн», Иваново: [сайт]. URL: <https://texdesign.ru/> (дата обращения: 15.09.2021).

15 Там же.

Илл. 3. Застил постельного белья из ткани с рисунком «Белый тигр 3» (арт. 208243), производитель фирма «Текс-Дизайн»

Присутствуют варианты композиций, где мотивы животных объединены с различным орнаментом, например, с этническим в ткани «Книга джунглей 2», (арт. 206942) фирмы «Текс-Дизайн» (Илл. 4), а также растительно — абстрактным, например, с цветами лилии в ткани «Леопард 1» (арт.198331) той же фирмы¹⁶.

Илл. 4. Застил постельного белья из ткани с рисунком «Книга джунглей 2», (арт. 206942) фирмы «Текс-Дизайн».

Изображение животного может сочетаться также с геометрическим орнаментом, например, в ткани «Барсы-1» (арт. 15836–1) Тейковского ХБК¹⁷. Вариантом создания условного пространства является прием наложения «кадров» с фрагментами среды и изображения животного, например ткань «Бросок 3» (арт. 193673) фирмы «Текс-Дизайн»¹⁸ и «Белый ирбис» (арт. 6680–1) Тейковского ХБК¹⁹.

Продолжает тему экзотики группа мотивов «райских птиц», являющихся также традиционными для ивановских тканей и древней орнаментики русской вышивки. Они воплощаются часто через образ значимого для русского текстильного орнамента элемента — павлина, а также фламинго, попугаев и других экзотических птиц. В качестве примеров можно привести рисунки «Оазис» (арт.203783), «Релакс» (арт. 206422), «Фламинго 2» (арт. 203562) фирмы «Текс-Дизайн»²⁰, а также «Павлины» (арт. 6580–1), «Райская птица» (арт. 6658–1), «Райский сад» (арт. 13057–1), «Золотой век» (арт. 13094–1), «Венето» (арт. 6716–1) производства Тейковского ХБК²¹.

Решение экзотической темы, как мифа о «Востоке», можно проследить на примере дизайна ткани «Павлины» (арт. 6580–1) Тейковского ХБК²². Мифологичность этой темы реализуется за счет воплощения собирательного образа «Востока». Павлин, традиционно обитающий в Индии, Шри-Ланке и Иране, имеющий древнее символическое значение в этих культурах, в данной композиции оказывается на ветках цветущей сакуры, в окружении цветов пиона, характерных для китайской и японской культуры. Эkleктика в решении этой темы является принципиальным приемом, когда образы востока отражают не реальные черты определен-

17 Тейковский ХБК, Иваново: [сайт]. URL: <https://teikovo.com/> (дата обращения: 16. 09 2021).

18 ООО «Текс-Дизайн», Иваново: [сайт]. URL: <https://texdesign.ru/> (дата обращения: 15. 09. 2021).

19 Тейковский ХБК, Иваново: [сайт]. URL: <https://teikovo.com/> (дата обращения: 16. 09 2021).

20 ООО «Текс-Дизайн», Иваново: [сайт]. URL: <https://texdesign.ru/> (дата обращения: 15. 09. 2021).

21 Тейковский ХБК, Иваново: [сайт]. URL: <https://teikovo.com/> (дата обращения: 16. 09 2021).

22 Там же.

16 ООО «Текс-Дизайн», Иваново: [сайт]. URL: <https://texdesign.ru/> (дата обращения: 15.09.2021).

ных культур, в данном случае орнаментальные, а воплощают миф о райском мире, который реализует русскую самоидентичность через образы «Востока» (Илл. 5).

Илл. 5. Фрагмент рисунка для ткани «Павлины» (арт. 6580-1), производитель Тейковский ХБК

Таким образом, тема Востока имеет в русском текстильном орнаменте глубокие корни. Орнамент и набойки, и вышивки включал заимствованные мотивы широкого круга восточных культур. Заимствование и переработка «чужих» мотивов становятся локальной особенностью текстильной орнаментации ивановских тканей XVII-XIX веков, воплотившись в таком феномене как ивановские ситцы.

В современных ивановских тканях одна из локальных особенностей орнаментации, продолжая традиции, выражается через образы «другой», восточной, культуры. Экзотическая

тема, традиционно воплощенная через восточные мотивы, играет важное значение в формировании орнаментальной локализации. Одним из путей реализации темы Востока, кроме использования заимствованных орнаментальных мотивов, как это происходило в ивановских тканях XVII-XIX веков, становится актуализация культурных архетипов образов «Востока» в русской орнаментике, как элементов создания трансцендентного. «Чужие» мотивы переносят общий смысл тем орнаментальных композиций из области обыденного в область нереального, чудесного, этому служит широкий спектр мотивов, которые не имеют отношения к конкретным реалиям той или иной восточной культуры. Для реализации образа «Востока» как мифа, в композициях используется прием эклектики. Возвращаясь к цитируемому выше Э. В. Саиду, можно сделать вывод, что значение «Востока» в орнаментации русского, и в частности ивановского текстиля, заключается в конструировании собственной идентичности через миф о «Другом» мире.

Список литературы

1. Ивановские ситцы: Альбом/ Авт.-сост. Е.В.Арсеньева. Л.: Художник РСФСР, 1983. С. 16–18.
2. Ильин В. И. (2019) Истернизация русской повседневности: история и современность // Мир России. Т. 28. № 2. С. 27–28.
3. Маслова Г. С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М.: Наука, 1978. С 67, 86.
4. Саид Э. В. (2016) Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский Миръ. С. 514.
5. Соболев С. С. Набойка в России: История и способ работы. М., 1912. С. 24, 32, 38–41.
6. ООО «АРТ дизайн», Иваново: [сайт]. URL: <https://art-dtex.ru/> (дата обращения: 18.09.2021).
7. Тейковский ХБК, Иваново: [сайт]. URL: <https://teikovo.com/> (дата обращения: 16.09 2021).
8. ООО «Текс-Дизайн», Иваново: [сайт]. URL: <https://texdesign.ru/> (дата обращения: 15.09. 2021).
9. ОФ «Традиции текстиля», Иваново: [сайт]. URL: <http://tradtex.ru/> (дата обращения: 18.09 2021).

THE «EAST» AS A MYTH IN THE THEMES AND MOTIFS OF THE ORNAMENT OF IVANOVO FABRICS

Shcherbakova Tatyana Leonidovna,

Associate Professor of the Department of Costume Design and Textiles named after N. G. Mizonova, Ivanovo State Polytechnic University,
postgraduate student of the Department of Cultural Studies and Fine Arts
in the direction of "cultural studies" Shuisky branch, Ivanovo State University. 21
Sheremetyevo Ave., Ivanovo, Russia, 153000,
dvaoblaka@yandex.ru

Abstract

For several centuries Ivanovo has been one of the main textile centers in Russia. The connection of Ivanovo ornamental traditions with oriental ornamentation has deep historical roots. The tradition of exotic images, expressed through the themes and motives of the East, is one of the local features of the ornamentation of modern Ivanovo fabrics. "East" is present in textile ornamentation as a myth about the East and is an element in the construction of one's own cultural identity.

Keywords

Textile ornament, Ivanovo fabrics, East, localization, tradition, cultural self-identification.

RAR

УДК 71

ББК 008

DOI 10.34685/NI.2022.36.1.008

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГИМН В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ

Карabanов Алексей Алексеевич,

художественный руководитель и главный дирижер
Тюменского филармонического оркестра,
ул. Республики, 34, Тюмень, 625000,
alexeykarabanov440@gmail.com

Аннотация

Рассматривается проблема авторства музыки государственного гимна. Реконструируется история возникновения европейских гимнов и связанная с гимнами государственная политическая мифология.

Ключевые слова

Гимн, песнопение, государственный символ, молитва о государе, антифон, славословие, суверенитет.

Многие ученые — искусствоведы и историки — прилагают неимоверные усилия, чтобы восстановить из небытия забытые имена ушедших творцов. Как правило, эти усилия связаны лишь с научными изысканиями, и научными спорами. Но другое дело — политика! Если произведение искусства становится достоянием политики, или политического спора — полемика превращается в настоящую борьбу. Именно такую борьбу, или как теперь модно говорить «информационную войну» вдут между собой две могущественных европейских державы, оспаривая друг у друга право на авторский суверенитет над двенадцатью тактами монархического гимна «Боже, храни короля!». Кто был автором этого бессмертного творения? Был ли он французом, или англичанином? От этого зависит не только память об авторе, но и политическая мифология государства.

История возникновения европейских гимнов как торжественных и религиозных песнопений (др.-греч. ὁ ὕμνος) берет свое начало в античных временах. Древняя Греция дала миру не только Олимпийских богов, дарующих избранным бессмертие, не только геометрию, фи-

лософию и математику. В повседневный обиход и словари всех европейских народов вошло непереводимое (абстрактное и трудно объяснимое словами) понятие «музыка» (греч. Μουσική — искусство Муз), а вместе с ним «мелодия» (др.-греч. μελωδία — распев лирической поэзии, от μέλος — напев, и ᾠδή — пение, распев), «гармония» (др.-греч. ἁρμονία — согласование), «гимн» (др.-греч. ὕμνος — торжественная песня-славословие). Древнегреческие гимны были посвящены всем богам огромного олимпийского пантеона, это были более поэтические чем музыкальные сочинения. Во всяком случае, именно поэтический текст бережно передавался от одного гимнопевца к другому; тексты некоторых гимнов были впоследствии письменно зафиксированы, в то время как их мелодии так и остались во тьме веков за исключением трех гимнов Музе, Гелиосу и Немезиде в оригинальной древнегреческой буквенной нотации, обнаруженных и опубликованных Винченцо Галилеем (Vincenzo Galilei 1520–1591) в 1581 году¹. К сожалению,

1 Музыкальный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136.

за более чем четыреста лет после опубликования никто эти гимны так и не смог расшифровать.

В Европе национальные гимны начали возникать в XVI веке, до этого периода государственных гимнов как таковых еще не было. Да и многие государства Европы были еще только в процессе становления, завершения периода феодальной раздробленности и начала эпохи объединения земель вокруг королевских вотчин, возвышения и укрепления королевской самодержавной власти, а также сакрализации персоны монарха. Это был период создания институтов и основных атрибутов государства. Иными словами, момент для воспевания единоличного национального лидера еще не наступил. Это было время католических гимнов — сакральных песнопений во славу Господа Бога-Отца, Иисуса Христа и Богородицы, но не личности народного лидера, или монарха. И все же именно тогда возникают песни, восхваляющие духовных вождей религиозного движения, которые становятся первыми гимнами.

Один из таких гимнов — это песня о принце Оранском — Вильгельме I Нассауском Молчаливом (1533–1584) под названием «Het Wilhelmus» («Хет Вильхэльмус»), которая стала сакральным гимном королевской династии. Она сохранилась до наших дней, став народным гимном Нидерландов. До 1932 года «Het Wilhelmus» не являлся официальным государственным гимном Нидерландов, тем не менее он является одним из старейших (был записан в 1574 году).

В 1765 году девятилетний Вольфганг Моцарт провел в Голландии девять месяцев. В сентябре он играл перед королевским двором в Гааге и в марте 1767 года был снова вызван ко двору для участия в торжествах по случаю «вступления в сан правителя принца Оранского (Installation), достигшего совершеннолетия. Вольфганг написал шесть сонат для клавира и скрипки для принцессы фон Вайльбург (KV26-KV31) и несколько мелких пьес, среди которых вариации для клавира на тему «*Wilhelmus van Nassouwe*» (KV25). Кроме того, у юного Моцарта есть оркестровое сочинение под названием «*Galimathias musicum*», т.е. «Музыкальная галиматья» (KV32), написанное в характере Кводлибет, т.е. основанное на различных мелодиях (подобно современному попури). Оно заканчивается фугой на тему песни о Вильгельме. Л. Моцарт внес это сочинение в составленный им каталог сочине-

ний Вольфганга до 1768 года»². Использование юным Вольфгангом песни о Вильгельме объективно подтверждает ее важный социально-политическое значение в голландском обществе середины XVIII века.

Второй старейший гимн — это песня о короле Наварры Генрихе III, ставшим королем Франции. Воцарение на французском престоле короля Наварры Генриха III де Бурбона под именем Генриха (Анри) IV (Henri le Grand, Henri de Navarre; 1553–1610) было прославлено в старинной французской песне «Vive Henri Quatre!» («Да здравствует Генрих Четвертый!»). Первый куплет песни на слова неизвестного поэта еще при жизни короля (около 1600 года) был приспособлен к старинной мелодии придворным капельмейстером Эташем дю Корруа (*Eustache Du Caurroy* 1549–1609). Этот гимн также сумел подняться до сакральных высот, но в отличие от голландского гимна сакральность свою со временем утратил, став музыкальным подобием исторического анекдота.

Около 1770 года для комедии «*La Partie de chasse de Henri IV*» («Партия охоты Генриха Четвертого») Шарля Коле (*Charles Collé*) были сочинены еще три куплета. Однако постановка была запрещена вплоть до кончины Людовика XV в 1774 году. Тем не менее, песня с четырьмя куплетами имела большой успех. Поскольку она была хорошо известна, ее стали использовать роялисты в 1814 году в качестве гимна монархического движения под названием «Возвращение Принца Французского в Париж» («*Le Retour des Princes français à Paris*»).

Эта песня популярна сегодня не только во Франции. Она упоминается в романе Льва Толстого «Война и мир», а также использовалась П.И. Чайковским при создании балета «Спящая красавица». Тогдашние зрители — современники композитора — хорошо знали эту музыку и видели в персонаже балета самого Генриха IV, благоговящего на брак принца Дезире с принцессой Авророй, проснувшейся после столетнего сна.

Фраза из гимна Генриха IV «*Que Dieu maintienne En paix ses descendants*» («Пусть Бог хранит в мире его потомков») стала знаменитой и положила начало всему европейскому гимническому творчеству.

2 Аберт Г. В.А. Моцарт. М.: Музыка, 1987. Ч.1. Кн. 1. С.103.

В 1686 году создается гимн на слова «Grand Dieu sauve le Roi» («Боже, храни короля!»), написанные герцогиней де Бринон по случаю исторической операции, известной как «королевская», успешно сделанной королем Людовиком XIV. Автором музыки гимна считается французский композитор Жан-Батист Люлли (1632–1687)³. Этот гимн, посвященный королю-Солнцу, стал единственным гимном всех европейских государств XVIII века и исполнялся повсеместно на королевских и царских церемониях всех глав государств того времени. Почти 100 лет этот гимн исполнялся всеми странами на французском языке, и только в конце XVIII века его начали петь на национальных языках. Менялся и текст, он стал прославлять своих государей, но музыка Ж.Б. Люлли по-прежнему звучала по всей Европе. Это время можно считать началом процесса суверенизации гимнических песнопений, приведший в последствии к созданию государственных (национальных) гимнов.

Считается, что в России гимн Ж.-Б. Люлли исполнялся без слов начиная с петровских времен вплоть до 1816 года, когда по просьбе императора Александра Павловича замечательным дуэтом русских стихотворцев В.А. Жуковским и юным А.С. Пушкиным был написан текст «Боже, Царя храни!».

Великая Французская революция провозгласила новый революционный гимн *Marseillaise*, и гимн Люлли завершил свою историю во Франции.

Национальный гимн Великобритании имеет свою запутанную историю. Несмотря на то, что он досконально исследован музыковедами, авторство и датировка до сих пор остаются под вопросом, не найден и сам оригинал гимна.

Известный британский исследователь, музыкант, журналист Перси Шолз (Percy Scholes 1877–1958) опубликовал в авторитетном справочном издании «Оксфордский спутник музыки» различные версии авторства национального гимна «God Save The King/Queen» («Боже, храни короля/королеву!»). Исследователь установил, что первая печатная версия британского гимна относится к 1744, гимн исполнялся в Лондон-

ских театрах в 1745 году. В попытке установить авторство музыки Шолз приводит сходство современного гимна с произведениями трех композиторов: пьесой для клавира Джона Булла 1619 года, сочинениями Генри Персела и Георга Фридриха Генделя. Анализ Шолза содержит сомнительные утверждения, например:

«Французская маркиза де Креки (*Marquise de Créquy*) (1704–1803) пишет в своих «Воспоминаниях» (*Souvenirs*), что мелодия *Великий Боже, спаси короля* (*Grand Dieu Sauve Le Roi*) была написана Жаном-Батистом Люлли в благодарность (Богу) за успешно окончившуюся операцию, проведенную Людовиком XIV по удалению анальной фистулы. Хирургический нож, которым была сделана эта операция, выставлен на обозрение в Музее истории медицины (*Musée d'histoire de la médecine*). Люлли положил на музыку слова герцогини де Бринон, перевел их на латынь, после чего под названием *Domine, Salvum Fac Regem* это сочинение стало Французским гимном (антифоном) вплоть до 1792 года. Креки утверждает, что мелодия была в дальнейшем украдена Генделем. После битвы при Кулодене (*Battle of Culloden*) (1745) ГанOVERская династия предположительно приспособила эту мелодию для себя в качестве Британского гимна»⁴.

«Джеймс Освальд (James Oswald) (1710–1769) — шотландский композитор, аранжировщик, виолончелист и музыкальный издатель, придворный композитор Георга III, записавший и издавший большое число шотландских мелодий: он был возможным издателем *Thesaurus Musicus* и играл какую-то роль в истории песни, но он всё-таки недостаточно сильный кандидат, чтобы считаться автором мелодии»⁵.

«Доктор Генри Кери (*Henry Carey*) (1687–1743) — английский поэт, драматург и автор песен: Шолз опровергает приписывание ему авторства (атрибуцию). Во-первых, сам Кери никогда этого не утверждал. Во-вторых, это утверждал сын Кери только лишь в 1795 году, в сопроводительном письме к запросу о пенсии по этому поводу от Британского правительства. В-третьих, молодой Кери утверждал, что его отец написал

3 Этот факт остается спорным, но во всех русских нотных изданиях автором музыки «Grand Dieu sauve le Roi» значится придворный композитор Ж.Б. Люлли.

4 Scholes, Percy A. *The Oxford Companion to Music*, Tenth Edition. Oxford University Press, 2002. 1450 p.

5 Scholes, Percy A. *The Oxford Companion to Music*, Tenth Edition. Oxford University Press, 2002. 1450 p.

оркестровые партии гимна в 1745 году, в то время как старший Кери скончался в 1743. Так же утверждалось, что первое публичное исполнение было сделано Кери в 1740 году во время ужина у адмирала Эдварда «Грог» Вермона (*Edward "Grog" Vernon*) (1684–1757), в то время как адмирал захватывал Порто-Белло в Колумбии (ныне — Панама)⁶.

Шолз рекомендует артибутировать гимн как «традиционный». «Сборник английских гимнов» (*English Hymnal*) (музыкальный редактор — Ральф Воан Вильямс (*Ralph Vaughan Williams*) (1872–1958), также не определяет авторство гимна, датируя его XVII или XVIII веками.

К анализу Шолза представляется логичным добавить некоторые соображения. Вернемся еще раз к первому европейскому турне семейства Моцартов в 1764–1765 годах. Сохранилось большое количество писем и записей Леопольда Моцарта, в которых он подробно описывает музыкальные впечатления своего сына и скрупулезно ведет учет его сочинений. Известно, что маленький Вольфганг Амадей был очень впечатлительным мальчиком, и его музыкальные знакомства тут же находили в нем творческий отклик и отражались в его сочинениях. Семья Моцартов в числе прочих столиц посетила Париж и Лондон и была принята при обоих дворах. Сам король Людовик XV, королева, дофин и принцессы любезно принимали Моцартов в Версале, слушали выступления Вольфганга и его сестры, лично и тепло с ними общались. Но в этот период музыка Люлли полностью вышла из моды и, вероятно, совсем не исполнялась в Париже. Больших придворных праздников во время визита Моцартов в Париже не было (как это было потом в Нидерландах). Таким образом, у Вольфганга не было okazji услышать королевский гимн, и он не оставил нам никаких свидетельств в пользу Люлли. Но этому мы видим веское обоснование: музыка Люлли, Рамо и других классицистов в Париже в то время не исполнялась; народ и знать уже отделились друг от друга настолько, что это тут же бросилось в глаза наблюдательному монархисту Леопольду Моцарту. Естественно ожидать в нищем народе, плавно сползающем к революции, верноподданнических песнопений — дело бесполезное. Таким образом и «верхи» и «низы» французской столицы не дали

Вольфгангу возможности познакомиться с интересующей нас музыкой.

С другой стороны, в Лондоне король и королева оказали Моцартам самый теплый и (если это позволительно сказать о королях) дружественный прием. Как утверждают апологеты «английского» происхождения гимна «Боже, храни короля», в середине семидесятых годов восемнадцатого столетия эта песня была уже очень популярна в Лондоне и пелась повсеместно. Представляется странным, что юный впечатлительный Вольфганг никак не откликнулся на это, хотя семья провела в Англии значительно больше времени чем в других странах из-за болезни Леопольда. При этом английское влияние на сочинения Вольфганга было очень существенным, включая даже инструментовку. Но «английский» королевский гимн им не зафиксирован. Таким образом самый впечатлительный свидетель спора об авторстве и национальном происхождении гимна не дал нам никаких оснований склониться к «английской версии». Поэтому остаемся на стороне Люлли за неимением опровержения его авторства.

С другой стороны, а английской почве ко времени приезда Моцартов давно взошли и расцвели пышным цветом свои британские образцы гимнической музыки. Уже в конце двадцатых годов XVIII столетия поселившийся в Англии Георг Фридрих Гендель активно работает в жанре англиканского гимна-антема (HWV 246–268). По случаю восшествия на английский престол короля Георга II в 1727 году, Гендель написал коронационный антем «Садок-Священник», ставший и остающийся одним из главных национальных гимнов Великобритании по сей день и, кроме того, ставшего официальным гимном Лиги чемпионов УЕФА. Именно под этот гимн Генделя были коронованы все последующие монархи Великобритании включая ныне правящую королеву Елизавету II. Кроме гениальной музыки примечателен и текст, взятый из Библии (Третья книга Царств, главы 1 и 2).

Итак, мы видим, что уже знакомый нам текст: «Боже, храни короля!» вполне логичный и сильнейший кандидат на национальный гимн.

Через двадцать три года, в 1740 году конкурент Генделя композитор Томас Августин Арн сумел блестяще выразить новую британскую национальную идею, написав гимн на слова известного поэта Джеймса Томсона. *Rule Britannia*,

6 Scholes, Percy A. *The Oxford Companion to Music*, Tenth Edition. Oxford University Press, 2002. 1450 p.

или в русском переводе «Правь, Британия, морями». Этот восхитительный воинственный барочный гимн стал символом британской политической экспансии и официальным гимном Военно-Морского Флота Великобритании. Англичане справедливо гордятся этими шедеврами — символами «английского стиля» в музыке⁷. Но ни «Садок-Священник», ни «Правь, Британия» по странному стечению обстоятельств не стали королевскими гимнами. Им стал гимн Люлли, хотя англичане этого и не признают.

В 1891 году вышло уникальное издание «Гимны всех государств», составленное на основе нотных партитур и текстов гимнов европейских государств. Интересно, что большинство официальных государственных гимнов 1885–1890 годов основано на музыке Жана-Батиста Люлли с текстами, посвященным своим государствам. В перечень вошли следующие государства: Королевство Великобритания, Королевство Швеция и Норвегия, Конфедерация Швейцария, Германская империя, Королевство Пруссия, Королевство Бавария, Королевство Вюртемберг, Королевство Саксония, Великое княжество Ольденбург, Княжество Рейс-Грейц и Рейс-Шлейц, Княжество Липке, Княжество Шаумбург-Липке, Княжество Шварцбург-Рудольштадт и Шварцбург-Зондергазен, Княжество Вальдек, Великое Герцогство Мекленбург-Стрелиц и Мекленбург-Шверин, Великое Герцогство Саксен-Вейсар, Великое Герцогство Баден, Великое Герцогство Гессен, Герцогство Саксен-Альтенбург, Герцогство Саксен-Кобург-Гота, Герцогство Саксен-Мейниген, Герцогство Ангальт, Герцогство Брауншвейг.

Следует добавить к этому списку Российскую империю (до 1833 года), а также княже-

ство Лихтенштейн, гимном которого он является поныне.

Нотные издания XIX века гимнов, хранящиеся в государственной Публичной библиотеке в Санкт-Петербурге, полностью подтверждают факт использования музыки Ж.Б. Люлли в качестве официальных государственных гимнов и содержат указание на авторство этой музыки, тогда как в более поздних изданиях эта информация отсутствует. Возможно, за этим стоит попытка скрыть истинные факты.

Спор об авторстве музыки «Боже, храни короля!» на сегодняшний день разрешен в пользу неизвестного британского автора, тогда как уже было установлено, Ж.Б. Люлли написал эту музыку на 59 лет раньше, чем она появилась в Англии.

Однако самая удивительная историческая загадка заключается в том, что в течении всего XVIII века гимн на музыку Люлли постепенно вошел в обиход всех европейских государств, а с 1790-х годов начинается массовый всплеск европейского гимнического творчества. В России собственный первый гимн также появился в 1790 году — это был воинственный полонез (Иосифа Козловского на слова Гавриила Державина), который прославлял победы русского оружия и присоединение Крыма к Российской империи.

Список литературы

1. Аберт Г. В.А. Моцарт. М.: Музыка, 1987. Ч.1. Кн. 1. 534 с.
2. James Day. 'Englishness' in music. London: Thames Publishing, 1999. 244 p.
3. Scholes, Percy A. The Oxford Companion to Music, Tenth Edition. Oxford University Press, 2002. 1450 p

7 James Day. 'Englishness' in music. London: Thames Publishing, 1999. P. 71.

NATIONAL ANTHEM IN THE CONTEXT OF HISTORY

Karabanov Aleksey Alekseevich,

Artistic Director and Chief Conductor of the Tyumen Philharmonic Orchestra,
34 Respubliki St., Tyumen, 625000,
alexeykarabanov440@gmail.com

Abstract

The problem of authorship of the music of the national anthem is considered. The history of the emergence of European hymns and the state political mythology associated with anthems are reconstructed..

Keywords

Hymn, chant, state symbol, prayer for the sovereign, antiphon, praise, sovereignty.

ИМЕНА И СОБЫТИЯ ПРОШЛОГО

RAR

УДК 930.85

ББК 63.5

DOI 10.34685/ИИ.2022.36.1.009

ВСЕРОССИЙСКОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ВЫСТАВКЕ 1867 ГОДА В МОСКВЕ — 155 ЛЕТ

Соловей Татьяна Дмитриевна,

д.и.н., профессор кафедры этнологии
исторического факультета МГУ

имени М.В. Ломоносова

119992 Москва, Ломоносовский проспект д. 27, корпус 4
tsolovei19@yandex.ru

Аннотация

В 2022 году научная и культурная общественность страны будут отмечать 155 лет с момента организации и проведения Всероссийской этнографической выставки в Москве. Выставка стала важным научным и общественно-политическим событием, а ее экспонаты составили костяк этнографической коллекции Румянцевского музея. В свою очередь, эта выставка стала первой крупной акцией Императорского Общества любителей естествознания антропологии и этнографии — институции нового типа.

Ключевые слова

Этнографическая выставка 1867 г., А.П. Богданов, Общество любителей естествознания, Д.Н. Анучин, Румянцевский музей, В.А. Дашков.

Всероссийская этнографическая выставка проходила с 23 апреля (5 мая) по 19 июня (2 июля) 1867 г. в московском Манеже и стала важным научным и общественно-политическим событием. Организация выставки представляла собой первую крупную акцию Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ИОЛЕАЭ), принесшую ему российскую и международную известность.

ОЛЕАЭ: ученое общество, созданное чтобы продвигать Россию

Ведущей формой организации научной деятельности в России во второй половине XIX столетия стали научные общества (бурный рост их сети в несколько раз превосходил по своим темпам динамику государственных научных центров). Этот рост во многом был обеспечен атмосферой общественного подъема 60-х годов XIX в. и стал результатом усилий интеллектуального слоя и гражданских энтузиастов. Вместе с тем, решающим образом создание и функционирование научных обществ

оказалось возможным благодаря политике государства. Университетский устав 1863 г. предоставил право утверждать уставы «ученых обществ» при университетах министру народного просвещения (вместо императора), что упрощало и ускоряло процедуру. Правительство стимулировало общественный сектор науки, поскольку это, во-первых позволяло переложить заботы о процветании науки на плечи общественности, а во-вторых, как казалось поначалу, отвлекало интеллигенцию от политической активности.

Меняющийся политико-идеологический и культурно-ценностный ландшафт предопределил характер и специфику создававшихся научных обществ, ставших *антитезой* старым институциям (Русскому минералогическому обществу в Петербурге, Обществу испытателей природы в Москве), которые подвергались жесткой критике за научный универсализм, замкнутость, отрыв от практики и отсутствие интереса к пропаганде знаний.

Авторов идеи создания ОЛЕАЭ профессора зоологии А.П. Богданова (1834–1896) и профессора геологии Г.Е. Щуровского (1803–1884) разделяла 30-летняя разница в возрасте. Объединяли общие культурно-ценностные презумпции — приверженность эволюционной теории и оптимистическая вера в возможность экспансии эволюционизма в социальную сферу. Кристаллизация общества произошла в традиционной для русской интеллигенции «кружковой» манере.

В чем состояла цель этого Общества?

Давая много лет спустя сравнительную характеристику развития естествознания в России и Западной Европе, профессор Д.Н. Анучин отмечал несравненно более высокую «прочность научного дела» на Западе. Организационная основа естествознания (и науки в широком смысле) на Западе включала следующие компоненты: «светил науки», которые «создают системы, школы, направления, обогащают науку новыми открытиями, теориями, ставят ей новые задачи»; «последователей учителей» или «рядовых работников» — они «разрабатывают частные вопросы, обогащают науку новыми фактами, наблюдениями и опытами»; наконец, широкий круг «любителей», свидетельствующий интерес общества к науке. При такой постановке дела даже уход одного

из «светил» не останавливал поступательно-го развития науки¹. Не то было в России, где смерть талантливого одиночки нередко пресекала научное направление. Тем более в ней отсутствовало «любительство» как массовое явление. В образованном русском обществе было так мало лиц, интересовавшихся естествознанием, что существовавшие еще со времен Александра I Минералогическое общество в Петербурге и Общество испытателей природы в Москве «находили невозможным и бесполезным издавать свои труды на русском языке»².

Предполагалось, что ИОЛЕАЭ сможет привить отечественному обществу интерес к естествознанию и обеспечит популяризацию науки. «Распространение науки в массе публики», «подготовка новых деятелей для нее», «изыскание средств, могущих содействовать распространению естествознания в России»³, — так формулировались цели нового учреждения.

Конечно, не стоит считать ИОЛЕАЭ историческим предшественником советского общества «Знание», исследовательское направление в его деятельности не только присутствовало, но и было ярко выражено. Другое дело, что научная стратегия организации отличалась принципиальной новизной, носила не *элитарный*, как у старых российских научных обществ, а массовый характер, что соответствовало общеевропейской (и захватившей, хотя с запозданием и в меньших масштабах, Россию) тенденции *массовизации* общества.

Используя грубую общесоциологическую редукцию, ИОЛЕАЭ можно представить как реакцию научно-образовательной элиты на трансформацию социальных структур пореформенной России. И суть этого ответа состояла в формировании новой, характерной для Модерна, легитимации науки через понятия общественной пользы и служения прогрессу. В этом смысле популяризаторская и просветитель-

- 1 Анучин Д.Н. Русская наука и съезды естествоиспытателей. (Речь председателя Распорядительного комитета XII съезда естествоиспытателей и врачей 28 декабря 1909 г.). Отдельный оттиск, М., 1910. С. 7-8.
- 2 Богданов В.В. Полвека жизни ОЛЕАЭ. 1863-1913. М., 1915. С. 7.
- 3 Токарев С.А. История русской этнографии. (Дооктябрьский период). М., 1966. С.284.

ская деятельность Общества служила не только естественнонаучному образованию общества, но и налаживанию обратной связи с ним, выяснению его социального запроса.

Этому должны были способствовать открытый характер общества (акцентировалось слово «любителей» в его названии), проведение популяризаторско-просветительских мероприятий (устройство Этнографической, Политехнической, Антропологической выставок и учреждение соответствующих музеев), публикация материалов общества на русском языке (Богданов настаивал на том, чтобы протоколы ИОЛЕАЭ велись на русском языке и на нем же публиковались его «Известия»). В конечном счете, повышение социального престижа естествознания должно было обеспечить приток молодежи на соответствующие отделения в университетах и конвертироваться в финансовые пожертвования со стороны частных лиц.

Обширные цели ОЛЕАЭ за его более чем полувековой период деятельности были выполнены частично. Хотя интерес к естествознанию в русском обществе в целом возрос, свидетельством чему может служить относительно регулярное проведение съездов естествоиспытателей и врачей (первый состоялся в 1867 г.), масштабы любительства оказались не очень значительными.

Вероятно, трудно было ожидать иного результата в стране, значительная часть населения которой во второй половине XIX века оставалась неграмотной. Да и общественно-политический контекст последней трети столетия не очень благоприятствовал развитию интереса к естествознанию. Сам Анучин характеризовал 70-е годы XIX в. как время «увлечения классицизмом в официальных сферах и социальными науками — в обществе»⁴.

Парадоксальность ситуации состояла в том, что повышенный интерес к общественным наукам в конце 1860-х — начале 1880-х годов был во многом спровоцирован предшествующей популярностью естествознания — маятник массового интереса пошел в обратном направлении. Но более важно, что в социальной жизни, в человеческой истории пытались обнаружить «желез-

ные» законы аналогичные естественнонаучным закономерностям в природе. Во всплеске общественного внимания к социальным наукам присутствовала и очевидная политико-идеологическая подоплека: образованные отечественные слои, особенно студенчество, все более заметно связывали прогресс России не с развитием науки и техники, а с радикальным обновлением ее социального и политического устройства, что вызывало естественную реакцию власти в виде ужесточения государственного контроля над высшим образованием и идеологией.

Отмеченные черты Общества любителей: организация широких выставочных инициатив, популяризация научных знаний и открытость составляли его сильные стороны. Но эти же черты делали Общество уязвимым для критики ученых «мандаринов». Вот содержательная выдержка из воспоминаний одного из старейших членов ОЛЕАЭ И.А. Каблукова: «Все основатели (Общества. — Т.С.) были очень молодые, почти юноши, и между ними несколько студентов: ни одного из них не считали специалистом и называли не любителями, а губителями естествознания. Этим людям приписывали желание фигурировать в области какой-то несуществующей по тогдашним воззрениям русской науки, потому что им не по силам была общечеловеческая европейская наука, считающаяся у нас издавна привилегией иностранцев, почти исключительно. Мотивы основания нового общества составлялись самые антипатичные: желание нанести вред, через разделение работающих, уже существующим ученым центрам в Москве, собрать вокруг себя партию вовсе не с научными, а с житейско-практическими целями и устроить центр влияния на студентов»⁵.

Идеологически сомнительным мог показаться круг научных дисциплин, входивших в орбиту деятельности ОЛЕАЭ, хотя прямой их запрет в меняющемся культурно-идеологическом контексте уже был невозможен. В 1860 г. шеф III отделения князь В.А. Долгоруков представил императору записку о воскресных школах. Им

4 Анучин Д.Н. Русская наука и съезды естествоиспытателей. (Речь председателя Распорядительного комитета XII съезда естествоиспытателей и врачей 28 декабря 1909 г.). Отдельный оттиск. С. 6.

5 Речь почетного члена Императорского ОЛЕАЭ И.А. Каблукова // 50-летие Императорского ОЛЕАЭ. 1863-1913. Торжественное заседание 15 октября 1913 г., произнесенные на нем речи, полученные к этому дню приветствия и происходившее одновременно чествование 70-летия жизни президента общества Д.Н. Анучина. Составил секретарь общества В.В. Богданов. М., 1915. С. 25.

ставился в вину факт преподавания предметов, выходящих за предписанные рамки (богословие, грамота, письмо и счет), — естествознания, истории, географии, *этнографии*, политэкономии, иностранных языков⁶.

В этой накалявшейся атмосфере ОЛЕАЭ оказалось мишенью нападков, не лишенных идеологического подтекста. «Губителей естествознания» (так называли Общество его недоброжелатели) обвиняли не только в недостойном статуса *Императорского* Общества дешевом популизме и неэффективной трате немногочисленных кадровых и материальных ресурсов отечественного естествознания, но и в разлагающем влиянии на студенчество. Эти политические инвективы, беспочвенные в отношении ОЛЕАЭ, точно улавливали тенденцию, набиравшую силу в части образованных слоев.

Дарвинизм (а в более широком плане — естествознание) вызвал в России не только интеллектуальную, но и мощную идейно-психологическую динамику. Дарвиновская эволюционистская теория, поставив человека (в многочисленных интерпретациях последователей и истолкователей Дарвина) на одну ступень с животными, отвергая креационизм и божественную картину мира, подрывала религиозную санкцию традиционного политического и социального порядка и влекла за собой драматические социальные выводы. Отказ от идеи нуминозного происхождения власти (царь как помазанник божий) в принципе открывал возможность для претензий на власть любой социальной и/или политической группе.

Предложивший радикально новый взгляд на природу человека дарвинизм спровоцировал подлинную революцию в морально-нравственной сфере. Если человек есть говорящая обезьяна, а не образ и подобие Божие, то к людям и относиться надо, как к животным, — такова была крайняя позиция в рассуждениях восторженных русских неофитов дарвинизма. Под обаяние этой искусающей логики, как известно, подпал недоучившийся студент Родион Раскольников, герой одного из самых знаменитых романов Ф.М. Достоевского. Трагический талант писателя запечатлел новый социально-нравственный тип русской молодежи в момент его зарождения.

Университетская профессура с ужасом отмечала, что студенты воспринимают теорию Дарвина как истину в последней инстанции и непосредственное руководство к действию.

Но, даже рассматривая высшие учебные заведения как рассадник опасных политических и идеологических влияний, правительство не могло обойтись без пользующихся интеллектуальной свободой университетов. Вызов модернизации, с которым Россия напрямую столкнулась после катастрофической Крымской войны, требовал, в частности, кардинального расширения масштабов подготовки специалистов.

Вряд ли можно даже в незначительной степени приписывать ОЛЕАЭ какие-то политические цели и ответственность за радикализацию российских образованных классов, поскольку его отцы-основатели, ратуя за прогресс естествознания, никогда не занимали радикальных политических позиций. Но система высшего образования объективно формировала не только профессиональную компетенцию, но также идеалы — служение прогрессу и национальному освобождению, и те качества — интеллектуальную независимость и критический взгляд на действительность, которые выглядели потенциально опасными для политического и социального порядка в империи.

Но все это в перспективе, а в 1860-х годах молодое Общество переживало моральный подъем и всплеск общественно-научной активности. Популяризаторская выставочная активность ОЛЕАЭ дала мощный импульс развитию русской этнографии.

Этнографическая выставка 1867 г. как микрокосм многоплеменности и поликультурности России

Концепцию выставки разработал антрополог А.П. Богданов, который опирался на опыт этнографического и антропологического отдела Всемирной выставки в Лондоне (1862). Частная/общественная инициатива группы любителей могла быть реализована только с санкции государя и при правительственном содействии. Программа выставки была утверждена императором Александром II 15(28) июля 1865 г.

В конце 1864 г. ОЛЕАЭ учредило особый комитет выставки. Его возглавил В.А. Дашков (меценат, давший займы деньги на устройство выставки). Члены комитета (А.П. Богданов, Г.Е. Щуровский, Д.Д. Сонцов, Н.Г. Керцелли, Н.К. Зенгер, В.А. Соболев, Н. Березницкий,

6 Эймонтова Р.Г. Идеи просвещения в обновляющейся России (50-60-е гг. XIX в.). М., 1998. С. 329.

Н.А. Попов, А.П. Федченко) предполагали собрать материал для нее путем посылки экспедиций в разные области Российской империи. Поддержка инициативы ОЛЕАЭ со стороны правительственных инстанций и местных администраций — губернских статистических комитетов, сделала организацию экспедиций излишней.

Выставка стала важным научным и общественно-политическим событием. Ее почетным председателем выступил великий князь Владимир Александрович. 24 апреля (6 мая) выставку посетил император Александр II с супругой и сыном. В отчете о посещении выставки императором сообщалось, что он остался в целом доволен великорусскими манекенами, заметив лишь, что лица женщин могли бы быть красивее, — «если бы сделать строгий выбор»⁷. Также выставка сопровождалась официальными торжествами и обедами, члены императорской семьи и политики осуществили благотворительные взносы. «Щедрые дары» императрицы, великих князей Владимира Александровича и Алексея Александровича «были первыми, положившими твердое начало нашим коллекциям»⁸.

Идеологический аспект выставки составила репрезентация Российской империи как воплощения многоплеменности и поликонфессиональности и одновременно русского/славянского начала как организующего элемента имперского многообразия.

К выставке был приурочен созыв Славянского съезда, который должен был засвидетельствовать покровительственную роль России в отношении зарубежного славянства. Последнее было негативно воспринято за рубежом, в частности, австрийская пресса назвала выставку «политической демонстрацией», а Москву — «Меккой панславизма»⁹; звучали угрозы австрийских правительственных кругов. Тем не менее, на выставке присутствовал 81 иностранец: 63 — славяне Австрийской империи,

12 сербов, 2 черногорца, 2 лужицких серба, 1 болгарин и 1 поляк из Пруссии.

Научная концепция выставки была разработана учеными Московского университета. В ее основе лежал кардинально новый — универсалистский — подход, видевший цель этнографии в изучении не только «диких», «туземных», «первобытных» народов (инерционный след такого рода представлений в российской этнографии сохранялся вплоть до начала XX в.), но народов вообще, включая те, которые в прогрессивистской (иными словами колониалистской) классификации занимали место «высокоразвитых», «передовых». Указанный подход впервые сформулировал Н.И. Надеждин в докладе «Об этнографическом изучении народности русской»¹⁰ на первом годовом заседании ИРГО в ноябре 1846 г. Репрезентация великороссов и других славянских народов (в том числе, зарубежных славян) не могла основываться на презумпции их «дикости» и культурной неполноценности. Не менее важно, что изучение и описание народов носило комплексный характер, предполагая показ всех сторон жизнедеятельности — от «телесной» стороны человеческой природы до особенностей культурно-бытовых и хозяйственных.

Организаторам удалось собрать материал со всех концов империи — из многих русских, белорусских, украинских губерний, регионов Поволжья, Прибалтики, Сибири, в меньшей степени Кавказа. Народы Средней Азии, кроме казахов, практически не были представлены. Зато были широко показаны почти все западные и южные славяне. Основная масса экспонатов была объединена в группы — своеобразные мизансцены, — где манекены, одетые в национальные костюмы, располагались в обстановке их быта. Другая часть экспонатов была выставлена в систематическом порядке. Костяк экспозиции составили этнографические материалы (288 манекенов в национальных костюмах, около 450 комплектов одежды, до 1200 разных предметов быта, орудий, моделей и др.), а также более 600 фотографий, около 300 археологических находок, 600 черепов представителей разных народов. Манекены создавались скульпторами Н.А. Рамазановым и С.И. Ивановым, художника-

7 Всероссийская этнографическая выставка, устроенная Императорским Обществом любителей естествознания, состоящим при Московском университете в 1867 году. М., 1867. С.48.

8 Там же С.36.

9 Всероссийская этнографическая выставка и Славянский съезд в мае 1867 года. М., 1867. 2017 <http://vseslav.su/wp-content/uploads/2017/05/sezd-1867.pdf>

10 Подробнее см.: Соловей Т.Д. Власть и наука в России. Очерки университетской этнографии в дисциплинарном контексте (XIX – начало XXI вв.). М.:Прометей, 2004. С. 31-42.

ми художниками И.Л. Севрюгиным, Я.М. Яковлевым, С.П. Закревским, А.М. Любимовым.

Антропологический аспект выставки потребовал тщательной исследовательской работы и изготовления манекенов, не просто наряженных в этнические костюмы, но обладающих выраженными физиогномическими отличиями, характеризующими расовые/этнические типы. Методом фиксации физических отличий А.П. Богданов и его коллеги избрали передовую на тот момент технологию фотографии. Серьезную научную и морально-этическую проблему составила репрезентация русского антропологического типа. Многочисленные отзывы посетителей содержали разочарование отсутствием «настоящих великорусских типов»¹¹. «Нейтральный» способ фиксации русскости не удовлетворял потребности той части образованного общества, которая видела в русских государствообразующую нацию (М.Н. Каткова). Как не удовлетворял и тех (например, туркестанского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана), кто воспринимал выставку в колониальном духе, рассматривая в качестве потенциальных объектов выставочной экспозиции лишь имперских инородцев.

Научное сообщество небезуспешно пыталось придать этнографической выставке просветительский и популяризаторский характер. На ней читались публичные лекции, был издан добротный указатель — фактически пособие-справочник по этнографии народов России и зарубежных славянских народов¹². За два месяца выставку посетило свыше 90 тыс. человек, что являлось в те времена невиданной популярностью. Были оживлённые отклики в печати.

Выставка имела неоднозначные последствия для российской этнографии. С одной стороны, она создала ОЛЕАЭ научное имя и авторитет и способствовала широкой популяризации этнографии. С другой стороны, обнаружила угрозу политической ангажированности этнографического/антропологического знания, демонстрируя критическую зависимость науки от государства/власти.

После закрытия выставки ее материалы были переданы в Румянцевский музей, составив его особую часть — «Дашковский этнографический музей»¹³.

Список литературы

1. Анучин Д.Н. Русская наука и съезды естествоиспытателей. (Речь председателя Распорядительного комитета XII съезда естествоиспытателей и врачей 28 декабря 1909 г.). Отдельный оттиск. М., 1910.
2. Богданов В.В. Полвека жизни ОЛЕАЭ. 1863–1913. М., 1915.
3. Всероссийская этнографическая выставка и Славянский съезд в мае 1867 года. М., 1867. 2017 <http://vseslav.su/wp-content/uploads/2017/05/sezd-1867.pdf>
4. Всероссийская этнографическая выставка, устроенная Императорским Обществом любителей естествознания, состоящим при Московском университете в 1867 году. М., 1867.
5. Найт Н. Империя напоказ: Всероссийская этнографическая выставка 1867 года // Новое литературное обозрение (НЛО). 2001. № 5.
6. Речь почетного члена Императорского ОЛЕАЭ И.А. Каблукова // 50-летие Императорского ОЛЕАЭ. 1863–1913. Торжественное заседание 15 октября 1913 г., произнесенные на нем речи, полученные к этому дню приветствия и происходившее одновременно чествование 70-летия жизни президента общества Д.Н. Анучина. Составил секретарь общества В.В. Богданов. М., 1915.
7. Соловей Т.Д. Власть и наука в России. Очерки университетской этнографии в дисциплинарном контексте (XIX — начало XXI вв.). М.: Прометей, 2004. С. 31–42.
8. Токарев С.А. История русской этнографии. (Дооктябрьский период). М., 1966.
9. Указатель русской этнографической выставки, устроенной Императорским Обществом любителей естествознания в 1867 году. М., 1867.
10. Эймонтова Р.Г. Идеи просвещения в обновляющейся России (50–60-е гг. XIX в.). М., 1998.

11 Найт Н. Империя напоказ: Всероссийская этнографическая выставка 1867 года // НЛО. 2001. № 5. С. 123.

12 Указатель русской этнографической выставки, устроенной Императорским Обществом любителей естествознания в 1867 году. М., 1867.

13 После 1917 г. фонды музея переведены в Музей народов СССР в Москве, а с 1948 г. хранятся в Российском этнографическом музее в Санкт-Петербурге.

THE ALL-RUSSIAN ETHNOGRAPHIC EXHIBITION OF 1867 IN MOSCOW IS 155 YEARS OLD

Solovey Tatiana Dmitrievna

DSc, Professor of the Department of Ethnology
Lomonosov Moscow State University
119992 Moscow, Lomonosovsky avenue, 27-4?
tsolovei19@yandex.ru

Abstract

In 2022, the scientific and cultural community of the country will celebrate 155 years since the organization and holding of the All-Russian Ethnographic Exhibition in Moscow. The exhibition became an important scientific and socio-political event, and its exhibits formed the backbone of the ethnographic collection of the Rumyantsev Museum. In turn, this exhibition was the first major action of the Imperial Society of Lovers of Natural History, Anthropology and Ethnography – a new type of institution.

Keywords

Ethnographic exhibition of 1867, A.P. Bogdanov, Society of Lovers of Natural Science, D.N. Anuchin, Rumyantsev Museum, V.A. Dashkov.

RAR
УДК 008
ББК 71
DOI 10.34685/ИИ.2022.36.1.010

ПАТРИОТИЗМ В ОПЕРАХ СОВЕТСКИХ КОМПОЗИТОРОВ

Лаптев Елисей Сергеевич,

преподаватель кафедры вокального искусства и оперной подготовки
Московского государственного института музыки имени А. Г. Шнитке,
ул. Маршала Соколовского, 10, Москва, Россия, 123060,
info@schnittke.ru

Аннотация

Идея патриотизма характерна для множества русских и советских опер, от сочинений М.И. Глинки до творений советских композиторов. В разные исторические эпохи эта идея приобретает разное значение, разное звучание, она по-разному воплощается в жанровых разновидностях оперы. Музыкальный язык выработал ряд приемов и средств для ее воплощения. Их обсуждению посвящена данная статья.

Ключевые слова

Патриотизм, опера, историческая опера, эпическая опера, образ народа, М.И. Глинка, отечественная история, С.С. Прокофьев.

В современном информационном поле понятие «патриотизма» звучит все чаще, обрастая разными значениями. В силу особенностей исторического развития России, «патриотизм» трактовался по-разному в разные исторические эпохи, и точно так же он находил свое отражение в искусстве. Иными словами, «патриотизм» в опере М.И. Глинки «Жизнь за царя» совершенно не равен «патриотизму» в опере, например, И. Держинского «Тихий Дон» или в «Повести о настоящем человеке» С. Прокофьева. Очевидно, что в целом значение «патриотизма» как идеи было особенно акцентировано в советскую эпоху. Поэтому нами выбран ракурс исследования отражения идеи патриотизма в операх советских композиторов.

Если обратиться даже к энциклопедическим статьям, то слово «патриотизм» будет иметь несколько разные трактовки. Разумеется, в обоих источниках патриотизм трактуется как любовь к Родине и служение ей, но в первом само понятие очень идеологизировано, патриотизм разде-

лен на «правильный» и «буржуазный», при этом в очень небольшую по масштабам статью вставлены целых четыре цитаты из сочинений В.И. Ленина. Патриотизм буржуазного общества приравнен к «шовинизму» и «национализму», а единственно «правильным» патриотом объявлен пролетариат, носитель «социалистического патриотизма». При этом «наиболее яркое проявление социалистического периода патриотизм нашёл в годы Гражданской войны и военной интервенции 1918–20 в России и Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–45. В условиях консолидации и развития новой исторической общности людей — советского народа — происходит формирование общесоветских, политических и социально-психологических ценностей. Возникает общенациональная гордость советского человека — важный элемент социалистического патриотизма»¹. Важные моменты, которые сле-

1 Патриотизм // Большая советская энциклопедия. URL: <https://gufo.me/dict/bse/%D0%9F%D0%B0%D1%82%D1>

дует подчеркнуть в связи с приведенной цитатой — связь идеи патриотизма с формированием облика социалистического государства, а также с военными событиями. Патриотизм имеет своей важной составляющей «общенациональную гордость» за успехи советского общества, основанного на иных, по сравнению с другими странами, ценностях.

Что касается жанра оперы, то в определенный момент для него стала характерной нравоучительность, формирование «образцов» морали, нравственности, правильного поведения благородного человека в критической ситуации. Однако «патриотизма» в том значении, которое было приведено, вплоть до XIX столетия в опере быть просто не могло: опера была едва ли ни самым космополитичным явлением музыкального искусства на протяжении XVII-XVIII веков, когда повсеместно в Европе распространилась итальянская опера на итальянском языке, сочиняемая в основном композиторами-итальянцами и исполняемая преимущественно вокалистами из Италии. Именно космополитичный характер жанра оперы позволил саксонцу Г.Ф. Генделю, обучавшемуся искусству оперного письма в Германии, а затем в Италии, триумфально исполнять свои сочинения в Англии.

В XIX веке происходил процесс формирования национальных композиторских школ, и именно в этот момент на оперной сцене появились патриотические сюжеты. Этот процесс затронул не только русскую композиторскую школу, но стоит сосредоточить внимание именно на ней, потому что она оказала очень существенное влияние и на музыку советских оперных композиторов.

Первым русским композитором, который достиг европейского уровня в своем искусстве, называют М.И. Глинку: «С искусством Глинки на плодотворную почву русской музыки “доля дивная низошла” — и пышно расцвела она “в славу родины” в его могучих творениях, а затем и в искусстве его наследников — Бородина и Мусоргского, Чайковского и Римского-Корсакова. Навсегда утвердилась ее мировая слава, ее великая будущность и ряду главенствующих, самых

оригинальных и самобытных школ Европы»². В этом почти гимническом прославлении композитора с цитатами из песни Баяна из «Руслана и Людмилы» примечательна идея прославления родины, — то есть патриотизма.

Непосредственное отражение она нашла уже в первой опере Глинки — в «Жизни за царя» (1836), сюжет которой был предложен композитору В.А. Жуковским. Здесь проявились идеи, так называемой, «официальной народности», которые были предложены министром народного просвещения С.С. Уваровым (в 1833) и укладывались в формулу «православие, самодержавие, народность».

Хотя впоследствии именно эту оперу стали считать едва ли не флагманом русского патриотизма, судя по всему, для самого композитора на первом месте были не идеи и не текст: по свидетельству В.Ф. Одоевского, значительная часть музыки была сочинена до появления либретто, и барону Е.Ф. Розену, автору первого текста оперы, приходилось сочинять слова для готовой музыки. Первичным для Глинки был образ персонажа и оперная сцена, сам композитор писал: «Когда я изъявил свое желание приняться за русскую оперу, Жуковский искренне одобрил мое намерение и предложил мне сюжет “Ивана Сусанина”. Сцена в лесу глубоко врезалась в моем воображении; я находил в ней много оригинального, характерно русского»³. Поскольку опера была посвящена царю Николаю I, то было логичным поменять название на «Жизнь за царя», в котором ясно выражалась одна из ценностей «официальной народности».

Идеи народности и патриотизма стали важными для опер русских композиторов, основанных на исторических сюжетах: «Борис Годунов» и «Хованщина» М.П. Мусоргского, «Псковитянка», «Царская невеста», «Сказание о невидимом граде Китеже» Н.А. Римского-Корсакова, «Князь Игорь» А.П. Бородина и др. Они, как видно даже из названий, сочетаются с идеями самодержавия, царской или княжеской власти, государственности. Но главное, что происходит в этот период — формируется образ русского народа

2 Левашева О.Е. Михаил Иванович Глинка: Мон. В 2-х кн. Кн.1. М.: Музыка, 1987. С. 6.

3 Глинка М.И. Полное собрание сочинений: Литературные произведения и переписка. Т.1. М.: Музыка, С. 266.

как коллективного героя. И.Ю. Неясова, автор диссертационного исследования «Русская историческая опера XIX века: к проблеме типологии жанра»⁴ полагает, что именно этот фактор стал главным для исторической оперы в целом, и сам жанр определяется не наличием исторического сюжета, а именно формой народной музыкальной драмы, где действует своего рода «коллективный главный герой».

После Октябрьской революции в 1917 году произошли значительные изменения, затронувшие, в том числе, и оперный театр. Опера, с одной стороны, представляла «устаревшее», «буржуазное» искусство, рассчитанное на определенного слушателя и выражающее определенную («чуждую») идеологию. С другой — нельзя было не заметить силы воздействия этого искусства на свою аудиторию, на степень эмоциональной вовлеченности публики и на возможность формирования идеологии с помощью оперы, на ее пропагандистский ресурс. Новое искусство молодого государства Советов поначалу совершенно откестилось от искусства «старого», но затем, за неимением значительных произведений в рамках собственной идеологии, постаралось приспособить под свои нужды известные оперные шедевры. Так, например, в 1924 году состоялась печально известная постановка «Тоски» Дж. Пуччини, которая в новом варианте превратилась в «Борьбу за коммуны» (либретто Н. Виноградова и С. Спасского, Тоска стала революционеркой Жанной, Скарпия — генералом Галифе и т.д.). Ничего хорошего из подобных экспериментов не получалось, поскольку музыка никак не коррелировалась ни с новыми идеями, ни с пересочиненным текстом. Причину этого исследователи видели в «слишком тесной связи бюрократической машины прежних императорских театров с укладом жизни, поверженным революцией»⁵. Автор имел ввиду, очевидно, направленность русских опер на совершенно другую публику, а также сформированный достаточно долгой традицией классический оперный репертуар и его исполнителей. Для создания

и исполнения новой оперы не было ни ресурсов, ни исполнителей.

Ситуация начала осознаваться в полном масштабе только в 1930-х годах, и значительный поворот (в том числе значительный и для оперного театра) состоялся в 1934 году, когда по предложению Л.Б. Каменева были организованы масштабные торжества в честь празднования юбилея А.С. Пушкина. Именно с этого момента началась масштабная работа по переосмыслению русского классического наследия с точки зрения «правильной» идеологической трактовки. В этой струе оказалась и опера.

К этому моменту уже были созданы «Нос» (1928) и «Катерина Измайлова» (1932 в первой редакции) Д. Шостаковича, но ни та, ни другая оперы не могли представлять советскую действительность в том виде, который был необходим в пропагандистских целях, и обе оперы были встречены уничтожающей критикой, травлей композитора в прессе и «проработкой» его на разных собраниях. Шостакович на роль «главного» оперного композитора не годился. Хотя появлялись многочисленные сочинения композиторов «второго ряда» на исторические сюжеты, их художественные достоинства были невысокими, и сегодня об их существовании известно в основном специалистам. Можно в этом ряду упомянуть оперы «Степан Разин» П. Триодина (1925), «Декабристов» В. Золотарева (1924), «Овода» В. Трамбицкого (1929), «Орлиный бунт» А. Пащенко (1925).

После 1934 года началась популяризация классического наследия русской оперы. Разумеется, здесь важная роль отводилась опере М.И. Глинки, которая не только поменяла свое название на «Ивана Сусанина», но и практически получила новый текст С. Городецкого, где патриотическая идея жертвования жизни крестьянином своему царю заменялась патриотической же идеей борьбы русского народа с польскими завоевателями. В таком обновленном виде опера была поставлена в 1939 году в Большом театре (реж. Б. Мордвинов, дир. С. Самосуд). В финальном гимне «Славься» прославлялся не грядущий царь Романов, а русский народ — и это в полной мере соответствовало идеологическим установкам.

Образ русского народа оказался ключевым в создании патриотической мифологии в советский период — именно мифологии, поскольку к реальной исторической действительности

4 Неясова И.Ю. Русская историческая опера XIX века: К проблеме типологии жанра. Дисс. ... канд. иск. — М., 2000.

5 История современной отечественной музыки. Вып. 1 / Ред. М.Е. Тараканов. М.: Музыка, 2005. С. 298.

она не имела практически никакого отношения. И все, что относилось к созданию таковой, совершенно не пересекалось с историческими документами и памятниками. Этот феномен отмечается исследователями: «Советское музыкальное искусство сталинского периода. Борьба агитационной и художественной концепций»⁶. Исследовательница обращает внимание на следующий феномен: теоретическое осмысление художественных явлений шло практически одновременно с их появлением, все, что возникало в художественном пространстве искусства, мгновенно занимало свое место в уже сложившейся и утвержденной общей картине. О публикации документальных материалов в более позднее время Е.С. Власова пишет: «Большинство публикуемых в 1990–2000-е годы документальных материалов, способных представить советский период во всем многообразии его художественных констант, были широко доступны и в предыдущие, советские времена. Однако так и не востребованы. Сам жанр документального исторического повествования содержал в себе опасность опровержения основных теоретических постулатов, сложившихся в коллективных трудах 1950–1970-х годов»⁷. Все это указывает на крайнюю идеологизированность и мифологизированность картины мира в искусстве декларированного в 1930-х годах «социалистического реализма». И одной из идеологических констант была идея патриотизма.

В 1930-х годах (1929–1937) в СССР проводилась коллективизация. Она проходила с трудом, для российского крестьянства она оказалась губительной. Именно поэтому было чрезвычайно важным внедрить в сознание населения идеи массовости, коллективизма, приоритета общественного перед личным. И для этих целей подходило (и использовалось) практически любое искусство. Что касается оперы, то здесь уже были готовые рецепты — весь этот комплекс идей был представлен в исторических операх русских композиторов. Как отмечают исследователи, сам жанр исторической оперы с ее монументально-

стью «максимально соответствовал политике великодержавного самоутверждения страны Советов»⁸.

Модель такой оперы, которая требовалась, складывалась постепенно, в промежутке 1930–60-х годов, С.М. Сабина называет это «последовательной унификацией жанра, протекавшей под неким общим знаменателем народно-героической социальной драмы»⁹. В таком виде явление получило название «песенной оперы», поскольку ее интонационный язык опирался на жанр песни — наиболее демократичный и понятный широкой аудитории.

В центре внимания такого рода опер оказываются, прежде всего, кульминационные события новейшей истории (революция, гражданская война, Великая Отечественная война), а уже во вторую очередь — события русской истории, которыми советский народ мог бы гордиться. Но таких сочинений, которые бы полностью отвечали эстетике песенной оперы и при этом были бы удачными образцами жанра оперы, нет. «Семен Котко» С. Прокофьева (1939) на сюжет о гражданской войне, удачное исключение из массы посредственной оперной продукции, не вписывается в рамки песенной оперы. Л.Д. Никитина определяет это сочинение как «самое значительное произведение, находящееся в русле песенных поисков, но полемизирующее с песенным направлением»¹⁰. С. Прокофьев во многом следует здесь традициям русской оперы — в том числе в воплощении народных сцен. Образ народа создается в основном в хоровых сценах, и значение хора в опере довольно велико: хор и создает эпическую линию оперы, и участвует в развитии драматического действия — как в напряженной сцене пожара.

Хотя «Семен Котко» явно обладал выдающимися художественными достоинствами, он не слишком долго продержался в репертуаре. К сожалению, политика музыкальных (и всех прочих) театров тогда не имела отношения

6 Левашева О.Е. Михаил Иванович Глинка: Монография. В 2-х кн. Кн.1. М.: Музыка.

7 Власова Е.С. Советское музыкальное искусство сталинского периода. Борьба агитационной и художественной концепций. Автореф. дисс. ... докт. иск. М., 2010. С. 2.

8 Максименков Л.В. Сумбур вместо музыки. Сталинская культурная революция 1936-1938. М.: Издательство «Юридическая книга», 1997. С. 159.

9 Сабина М. Заметки об опере// Сов. музыка на современном этапе. М., 1981. С. 76.

10 Никитина Л. Советская музыка. История и современность. М.: Музыка, 1991. С. 72.

к вопросам искусства, она полностью определялась политикой государства и даже личными вкусами представителей этого государства. Государство считало возможным и нужным взять на себя «идейное руководство», одобряя или не одобряя ценностные и идейные установки произведений искусства. Так, И. Сталину понравилась опера И. Держинского «Тихий Дон» (1935), и хотя она заметно уступала операм и Прокофьева, и Шостаковича, и многих других композиторов, ее поставили все крупные оперные театры, и она довольно долго оставалась в репертуаре именно благодаря поддержке Сталина.

В «Тихом Доне», основанном на первых двух книгах романа М. Шолохова, содержались те идеи, которых как раз ждали от советской оперы, Главный герой, Григорий Мелехов, делает главный выбор своей жизни в пользу революции, утверждая ее ценности (окончание романа Шолохова иное, чем в опере). Опера, можно сказать, пронизана идеями патриотизма, ее музыкальный язык прост и доступен любому слушателю, но в истории жанра оперы она сыграла негативную роль: «Внешне благополучная судьба этой оперы содержала в себе драматический смысл, который по-настоящему стал понятен лишь позднее. Утвердившаяся в репертуаре и поднятая на щит критикой из-за благосклонности Сталина, опера И. Держинского насаждала эталон художественно неполноценный, повредив тем самым дальнейшему росту советской оперы»¹¹. Среди художественных недостатков оперы обычно называют обедненность оперных форм, слабость речитатива, отсутствие развития. Когда ангажированные критики бросились осуждать «Катерину Измайлову» Шостаковича, ее сравнивали в том числе и с «Тихим Доном» — при том, что по художественным достоинствам они не просто на разных уровнях, они вообще из разных вселенных: опера Шостаковича написана высокопрофессиональным и чрезвычайно одаренным композитором, опера Держинского — ремесленником, которому посчастливилось «попасть в струю».

В военные годы патриотические идеи стали актуальными как никогда. Образ сплоченного

русского народа, противостоящего фашизму и спасающего мир от чистого воплощения зла оказался в центре внимания многих деятелей искусства. В опере первое место в этот момент занял С. Прокофьев с грандиозным проектом, оперой-эпопеей «Война и мир» по роману Л.Н. Толстого. Это сочинение чрезвычайно многогранное и, очевидно, до сих пор не оцененное в полной мере. Не вдаваясь в анализ оперы, отметим лишь, что композитор создал сочинение, многие страницы которого стали знаковыми для культуры, в нем нашли убедительное художественное воплощение такие важные символы, как Родина (в арии Кутузова «Бесподобный народ»), Москва (ария Кутузова «За Отечество»). Народ (хоровой эпилог). Кроме того, возникала очевидная историческая параллель между вторжением в Россию наполеоновских войск и нападением фашистской Германии на СССР.

Образ врага — также важная составляющая общей картины. Прокофьев решает его средствами негативизации, вокальности представителей русской сферы он противопоставляет инструментальность, «антивокальность» партий французов, гротескную заостренность их характеристики, интонационную банальность (песенка французских солдат). Здесь отразился опыт работы над музыкой к фильму «Александр Невский», где также резко противопоставлены образы княжеской дружины и рыцарей-тевтонцев.

Композитора очень заботила сценическая судьба этого грандиозного (в том числе и по исполнительским силам) сочинения, он создал несколько редакций, однако ни в одном из вариантов опера не была толком поставлена при жизни Прокофьева. Причину этого дирижер С. Самосуд видел в неблагоприятной конъюнктуре: «Музыка, театр были тут совершенно ни при чем, вопреки подлинным событиям некоторым лицам показалось, что историческая концепция второй части оперы неверна. В этой связи руководству театра было предложено изъять ряд важнейших сцен»¹². Такое грубое вмешательство совершенно некомпетентных людей оставило советскую оперную сцену без очередного шедевра, в то время как на ней шли такие

11 Никитина Л. Советская музыка. История и современность. М.: Музыка, 1991. С. 71.

12 Самосуд С. Вспоминая встречи с Прокофьевым // Самосуд С. Письма. Воспоминания. — М., 1984. С. 164.

откровенно слабые сочинения, как «Тихий Дон» И. Дзержинского!

Вопрос «правильной трактовки» исторических событий, личностей и идей затрагивал в советском искусстве буквально все сферы, от этого страдали литераторы, художники, музыканты, постановщики, кинематографисты. Сам Прокофьев столкнулся с этой проблемой при работе над музыкой к фильму «Иван Грозный» С. Эйзенштейна, Сталин фактически запретил к показу вторую серию фильма именно из-за несогласия с трактовкой образа Грозного. Удивительно лишь, что эта серия всяческих запретов, придирок и бессмысленных претензий не отвратила Прокофьева и других деятелей искусства от дальнейшего творчества.

В 1948 году Прокофьев написал еще одну оперу — «Повесть о настоящем человеке» по одноименной повести Б. Полевого. Это едва ли ни первое крупное сценическое произведение, посвященное тематике только что закончившейся войны. Здесь очень много необычных, новаторских для оперы особенностей — начиная с главного героя, который лишен ног, зритель видит его не в привычном оперном антураже, а в госпитале, на аэродроме, в воздушном бою. Патриотический характер и повести Полевого, и оперы Прокофьева, не вызывает сомнений. Все действие сосредоточено вокруг главного героя, Алексея, который несмотря ни на какие препятствия идет к своей цели, защищая свою страну. Сочинение приближается к моноопере (хотя ей ни является), в нем очень сильна психологическая линия, и здесь вполне уместным и художественно оправданным становится обращение к песенному музыкальному языку, основанному на солдатской песне, чапушках, подлинных народных мелодиях.

На закрытом показе оперы в 1948 году в Ленинградском опере театра и балета ее ожидал полный разгром, она не была принята к постановке, и дождалась ее только после смерти композитора. Печально известный в истории музыки 1948 год оказался трагичным и для Прокофьева, и для Шостаковича, и для многих других деятелей искусства. Нет смысла пересказывать всю историю, связанную с обсуждением оперы В. Мурадели «Дружба народов», со статьей в газете «Правда», озаглавленной «Сумбур вместо музыки», эту информацию сейчас нетрудно обнаружить во многих источни-

ках¹³. Важно констатировать, что в условиях жесткого идейного диктата государства живое, настоящее искусство оказывалось невос требованным, прекрасные оперные партитуры не звучали и не доходили до публики. При этом посредственные поделки тоже на сцене долго не удерживались, публика ощущала их искусственность, надуманность и быстро теряла к ним интерес. В результате те идеи, которые так усиленно насаждались государством, тоже начинали восприниматься иначе.

Оперы Шостаковича и Прокофьева все же получили свои сценические воплощения в 1960–70-х годах, но было уже поздно: Прокофьев в 1953 году умер, Шостакович больше опер не писал, отдавая заметное предпочтение инструментальной музыке, а оперный театр в целом ушел в сторону воплощения образов лирических, камерных, сказочных. Идея патриотизма во времена брежневского «застоя» (1970-е) начала восприниматься как официозное клише, и хотя она продолжала насаждаться другими средствами (например, телевидения), зримое расхождение трудной жизни людей с бодрыми отчетами телевизионных новостей привело к постепенному пониманию невозможности существования СССР.

Таким образом, опера в очередной раз показала себя в истории культуры как жизнеспособный, многогранный жанр, обладающий огромными выразительными возможностями для воплощения множества идей и образов, важных для эпохи. Но ее судьба в эпоху СССР оказалась довольно печальной, поскольку советское искусство, по сути, отвергло ее лучшие образцы. А с ними оказались отвергнутыми и идеи живого, настоящего патриотизма.

Список литературы

1. Акопян Л.О Шостакович и советская власть: история взаимоотношений // Д.Д. Шостакович: pro et contra, антология. СПб.: РХГА, 2016. с. 7–52.
2. Асафьев Б. В. Русская музыка. XIX и начало XX века. 2-е изд. Л.: Музыка, 1979. 344 с.
3. Власова Е.С. Советское музыкальное искусство сталинского периода. Борьба агитационной и художественной концепций. Автореферат дисс. ... докт. иск. М., 2010. 43 с.

13 Акопян Л.О Шостакович и советская власть: история взаимоотношений // Д.Д. Шостакович: pro et contra, антология. СПб.: РХГА, 2016. С. 8.

4. Глинка М.И. Полное собрание сочинений: Литературные произведения и переписка. Т.1. М.: Музыка, 1973. 484 с.
5. История современной отечественной музыки. Вып. 1 / Ред. М.Е. Тараканов. М.: Музыка, 2005. 480 с.
6. Левашева О.Е. Михаил Иванович Глинка: Монография. В 2-х кн. Кн.1. М.: Музыка, 1987. 381 с.
7. Лобачева Н.А. Оперный театр С.С. Прокофьева на примере «Повести о настоящем человеке» и незавершенных замыслов 1940-х годов. Дисс. канд. иск. М., 2010. 287 с.
8. Максименков Л.В. Сумбур вместо музыки. Сталинская культурная революция 1936–1938. М.: Изд-во «Юридическая книга», 1997. 320 с.
9. Неясова И.Ю. Русская историческая опера XIX века: К проблеме типологии жанра. Дисс. ... канд. иск. М., 2000. 182 с.
10. Никитина Л. Советская музыка. История и современность. М.: Музыка, 1991. 278 с.
11. Сабина М. Заметки об опере // Советская музыка на современном этапе. М., 1981. С. 70–101.
12. Сабина М.Д. «Семен Котко» и проблемы оперной драматургии Прокофьева. М.: Советский композитор, 1963. 292 с.
13. Самосуд С. Вспоминая встречи с Прокофьевым // Самосуд С. Письма. Воспоминания. М., 1984. 232 с.

PATRIOTISM IN THE OPERAS OF SOVIET COMPOSERS

Laptev Yelisey Sergeevich,

Teacher of the Department of Vocal Art and Opera Training
Moscow State Institute of Music named after A. G. Schnittke
Marshal Sokolovsky str., 10, Moscow, Russia, 123060
info@schnittke.ru

Abstract

The idea of patriotism is characteristic of many Russian and Soviet operas, from the works of M. Glinka to the works of Soviet composers. In different historical epochs, this idea acquires different meanings, different sounds, it is embodied in different ways in the genre varieties of opera. The musical language has developed a number of techniques and means for its embodiment. This article is devoted to their discussion.

Keywords

Patriotism, opera, historical opera, epic opera, image of the people, M.I. Glinka, national history, S.S. Prokofiev.

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ И ОХРАНА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

RAR

УДК 069

ББК 79.0

DOI 10.34685/НН.2022.36.1.011

ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В КРЫМУ В 1945–1957 гг. В ДОКУМЕНТАХ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОГО СОВЕТА ПО ОХРАНЕ ПАМЯТНИКОВ АКАДЕМИИ НАУК СССР *

Кохан Андрей Алексеевич,

кандидат исторических наук, научный сотрудник ФГБНИУ
«Российский научно-исследовательский институт культурного и природного
наследия имени Д. С. Лихачева» (Институт Наследия),
129366, г. Москва, ул. Космонавтов, 2,
a_kokhan@mail.ru

Аннотация

На основе нормативно-правовых актов СССР, РСФСР и УССР, документов Научно-методического совета по охране памятников Академии наук СССР, хранящихся в научном архиве ФГБНИУ «Российский-научно исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева», реконструируется организация учета и сохранения памятников, связанных с событиями Великой Отечественной войны в Крыму.

Ключевые слова

Охрана памятников, учет памятников, памятники Великой Отечественной войны, Научно-методический совет по охране памятников, Академия наук СССР, законодательство по охране памятников.

По окончании войны руководящие органы СССР обратили внимание на мемориализацию памятных мест, связанных с событиями Великой Отечественной войны, братскими кладбищами

и индивидуальными могилами героев. В статье рассмотрены вопросы сохранения памятников Великой Отечественной войны в Крыму в первые послевоенные годы — с момента создания Науч-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 21-09-43112.

но-методического совета по охране памятников в 1945 г. по 1957 г. В этот год произошла ликвидация Комитетов по делам архитектуры и искусств, их полномочия перешли к министерствам культуры, что послужило толчком к систематизации, учету и дальнейшему охранению памятников культурного наследия и военного, в частности.

Еще во время войны Советское правительство приступило к восстановлению разрушенных и пострадавших памятников. В 1942 г. была создана Комиссия по учету и охране памятников при Комитете по делам искусств СНК СССР, в 1943 г. был сформирован Комитет по делам архитектуры при СНК СССР, в составе которого действовало Главное управление охраны памятников, руководившее восстановительными работами¹.

Вместе с работами по восстановлению пострадавших от военных действий памятников начинаются работы по увековечиванию памятных мест Великой Отечественной войны. Историк Сергей Александрович Андросов, анализируя политику мемориализации Великой Отечественной войны в Крыму, писал, что первые памятники появились уже в апреле-мае 1944 г., сразу после освобождения полуострова, и представляли собой «стандартные пирамидообразные памятные знаки из недолговечных материалов — дерева и камня — на могилах советских воинов и партизан. Некоторые эвакогоспитали ограничивались установкой надмогильных фанерных дощечек с надписями карандашом, которые после первого дождя смывались»². А первые попытки в сохранении и благоустройстве воинских кладбищ и братских могил воинов, погибших в боях за освобождение полуострова были предприняты Советом Народных Комиссаров Крымской АССР 16 мая 1944 г.: было принято постановление «Об учете и благоустройстве воинских кладбищ, братских и индивидуальных могил похороненных офицеров, бойцов и партизан, погибших в боях

за освобождение Советской Родины от немецко-фашистских оккупантов», согласно которому «городским и районным Советам вменялось в обязанность учесть и благоустроить воинские кладбища, братские и индивидуальные могилы, занести их в книгу памяти, отвести на общих кладбищах отдельные участки для погребения умерших офицеров, бойцов и партизан, на больших братских могилах на памятниках сделать долговечные надписи с указанием фамилий и воинских званий особо отличившихся в боях, на братских могилах с малым числом похороненных и на индивидуальных захоронениях установить хорошо вытесанные камни или чугунные плиты с долговечными надписями фамилий и воинских званий погребенных»³.

В этом контексте примечательно видоизменение символов Победы, водруженных на Сапун-горе: если в мае 1944 г. на местах сражений были водружены красные флаги, то уже «в июне 1944 г. здесь был сооружен памятник-obelisk, посвященный погибшим воинам 51-й Армии»⁴.

В общегосударственном масштабе аналогичные мероприятия по сохранению памятников Великой Отечественной войны проводятся с 1946 г.: Совнаркомом СССР было издано постановление «О взятии воинских могил на учет и их благоустройстве». Следующим шагом в сохранении и благоустройстве воинских кладбищ и братских могил Владимир Александрович Рубин и Екатерина Владимировна Спиридонова видели в выходе в свет в мае 1947 г. альбома «Типовые проекты памятников братских и индивидуальных могил воинов Советской Армии и Военно-морского флота и партизан, погибших в боях с немецко-фашистскими захватчиками в ходе Великой Отечественной войны»⁵. В альбом вошли типовые проекты памятников, одобренные Комитетом по делам архитектуры при Совете Министров СССР для военных кладбищ,

1 Охрана памятников истории и культуры: Декреты, постановления, распоряжения Правительства СССР и Правительства РСФСР / Вступ. ст. Л. Г. Бескровный; Институт истории Академии наук СССР; Центральный совет Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. — М., 1968. — С. 11.

2 Андросов С. А. Первые памятники Великой Отечественной войны в Крыму (1944–1945) // Историческое наследие Крыма. — Симферополь, 2006. — № 15. — С. 16.

3 Там же. — С. 17.

4 Попов А. Д. Сапун-гора как «место памяти»: динамика и основные моменты мемориализации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки» — 2021. — Т. 7 (73). — № 3. — С. 100.

5 Рубин В. А., Спиридонова Е. В. Военно-мемориальное наследие в условиях государственной культурной политики советской эпохи // Человек и культура. — 2019. — № 5. — С. 58.

братских и индивидуальных могил воинов Советской Армии, Военно-Морского Флота и партизан Великой Отечественной войны⁶. Альбом состоял из трех разделов, типовых памятников: индивидуальных могил, братских могил и мемориальных досок⁷.

Одним из первых значимых решений, связанных с охраной памятников на территории Советского Союза в послевоенные годы стало Постановление Совета министров РСФСР от 22 мая 1947 г. № 389 «Об охране памятников архитектуры». В документе затрагивались исключительно вопросы сохранения древнего зодчества, а ответственность за неприкосновенность, сохранность и правильное использование памятников архитектуры была возложена на Управление по делам архитектуры при Совете Министров РСФСР, областные, краевые исполкомы, горисполкомы городов республиканского подчинения и Совета Министров автономных республик⁸. Указанное Постановление стало первым документом, положившим начало разграничению полномочий между различными ведомствами в сфере охраны памятников в послевоенный период.

Окончательное разделение полномочий между различными ведомствами и министерствами в вопросах охраны памятников было заложено Постановлением Совета Министров СССР от 14 октября 1948 г. № 3898 «О мерах улучшения охраны памятников культуры», согласно которому функциями по охране памятников и надзором за их содержанием наделялись Советы Министров автономных республик, исполнительные комитеты краевых, областных, городских, районных и сельских Советов депутатов трудящихся; руководство и контроль за постановкой дела учета, охраны и реставрации и использования археологических и исторических памятников возлагалось на Комитеты по делам культурно-просве-

дительских учреждений при Советах Министров Союзных республик; а учет, охрана, реставрация и использование памятников архитектуры и искусства оставались в ведении Комитета по делам Архитектуры при Совете Министров СССР и Комитета по делам искусства при Совете Министров СССР⁹.

Кроме этого, Президиуму Академии наук СССР было разрешено сформировать Научно-методический совет по охране памятников культуры в составе представителей: Академии наук СССР, Комитета по делам архитектуры при Совете Министров СССР, Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР, Комитетов по делам культурно-просветительных учреждений при Советах Министров союзных республик и отдельных видных специалистов в области изучения и реставрации памятников культуры. На Совет должны были быть возложены функции научно-методического руководства делом охраны памятников культуры, совершенствования научных методов реставрационных работ и установления научной классификации памятников культуры¹⁰. Таким образом, несмотря на все достоинства Постановления и Положения к нему, связанных с классификацией и учетом памятников истории и культуры, закон 1948 г. разграничивал полномочия между различными органами, которые должны были вести учет и заниматься охраной памятников, а созданный Научно-методический совет имел по большей части консультативные функции, которые существенно не могли влиять на принимаемые на местах решения в вопросах охраны культурного наследия.

Анализируя последствия принятия закона 1948 г., исследователь Александр Юрьевич Манаев акцентировал внимание, что вслед за постановлением «О мерах улучшения охраны памятников культуры», Советы Министров УССР и РСФСР принимают аналогичные нормативно-правовые акты и утверждают Инструкции о порядке учета памятников на территориях союзных республик, согласно которым под категорию исторических памятников подпада-

6 Типовые проекты памятников братских и индивидуальных могил воинов Советской Армии, Военно-Морского флота и партизан, погибших в боях с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны / Комитет по делам архитектуры при Совете министров СССР; Научно-исследовательский институт общественных и промышленных сооружений Академии Архитектуры СССР. – М.: Военное издательство Министерства вооруженных сил Союза ССР. – С. 5.

7 Там же. – С. 7-152.

8 Охрана памятников истории и культуры... – С. 53.

9 Постановление Совета Министров СССР от 14 октября 1948 г. № 3898 «О мерах улучшения охраны памятников культуры». – М.: Типо-литография Музгиза, 1949. – С. 3.

10 Там же. – С. 4-5.

ли сооружения и места, связанные с Великой Отечественной войной, памятники истории техники, военного дела. Отдельно оговаривались особые требования по охране таких типов памятников, как окопы, рвы, валы, обелиски, надгробия, братские могилы¹¹. Кроме того, на памятники Великой Отечественной войны должны были разрабатываться паспорта объектов культурного наследия, а при отделах культурно-просветительной работы вводились должности инспекторов по охране исторических и археологических памятников¹².

Уже в следующем месяце после опубликования, закон 14 октября 1948 г. подвергся критике со стороны Игоря Эммануиловича Грабаря, который в совместной статье с Анной Михайловной Пакратовой, писал, что «охрана культурного наследия народов Советского Союза находится под ударом и по существу почти снята с очереди, ибо памятники больше разрушаются, нежели охраняются. Причина этого позорного и грозного явления, недостойного великой страны, заключается, во-первых, в несовершенном законодательстве, а во-вторых, в распылении охранно-реставрационной энергии по множеству инстанций. А, как известно, у семи нянек дитя без глаза»¹³. Для решения проблемы в области охраны памятников академик вносили ряд предложений: пересмотреть закон от 14 октября 1948 г., ввести уголовную ответственность за порчу памятников, сформировать

при Совете Министров СССР комиссию для разработки более совершенной системы охраны памятников. Кроме того, впервые было озвучено предложение о создании при Совете Министров СССР Центрального Государственного комитета по охране памятников культуры с соответствующими комитетами при Советах Министров республик¹⁴.

Советский историк и музеевед Дина Акимовна Равикович, анализируя Постановление и Положение об охране памятников от 14 октября 1948 г., указывала на то, «что при определенных успехах в реставрационной и исследовательской деятельности, проблема охраны памятников законодательством 1948 г. не была разрешена. Прежде всего неудачной явилась сама организация управления охраной, рассредоточенного (при общих задачах) по трем ведомствам. Кроме того, в силу слабой теоретической разработки вопросов учета (не существовало научно обоснованных критериев оценки памятников), вне контроля органов охраны оставалась большая группа памятников важного научного и художественного значения»¹⁵.

С критикой состояния охраны памятников после принятия закона 1948 г. выступали и в регионах. Показательной является речь, произнесенная Павлом Николаевичем Шульцем, руководителем отдела истории и археологии Крымской Академии Наук, произнесенной на Пленарном заседании Научно-методического совета, состоявшемся 15 декабря 1949 г. В выступлении он акцентировал внимание на том, что памятники истории Крыма соединяются на полуострове с величайшими памятниками русской славы и советского героизма, приводя в качестве примера памятники города-героя Севастополя, ров и вал на Перекопе, который дважды штурмовали советские войска в годы гражданской и Великой Отечественной войны¹⁶.

- 11 Манаев А. Ю. Мемориализация событий Великой Отечественной войны в контексте анализа нормативно-правовых актов СССР // Актуальные вопросы охраны и использования культурного наследия Крыма: мат-лы VI Всероссийской научно-практической конф., Евпатория, 30–31 мая 2019 / Гл. ред. В. Е. Науменко. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ» – С. 180.
- 12 Охрана исторических и археологических памятников: сборник руководящих и справочных материалов / Комитет по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР; Управление охраны исторических и археологических памятников. – М.: Государственное издательство культурно-просветительной литературы, 1949. – С. 24–34.
- 13 Грабарь И. Э., Пакратова А. М. Вернуться к ленинской системе охраны памятников культуры // Игорь Грабарь о древнерусском искусстве / Ред. В. Н. Лазарев, О. И. Подобедова; Академия наук СССР; Институт истории искусств Министерства культуры СССР. – М.: «Наука», 1966. – С. 381.

14 Там же. – С. 382.

15 Равикович Д. А. Охрана памятников истории и культуры в РСФСР (1917–1967 гг.) // Труды Научно-исследовательского института музееведения и охраны памятников истории и культуры. – 1970. – № 22. – С. 111.

16 Научный архив Федерального государственного бюджетного научно-исследовательского учреждения «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева» (Институт Наследия) (далее – ИА ИИ), ф. 4, оп. 1, д. 21,

В докладе П. Н. Шульц отмечал, что печально обстоит дело не только с охраной памятников археологии, но и с памятниками культуры советского времени. Акценты были сделаны на мавзолее на Перекопе — памятнике бойцам, павшим при штурме Перекопа во время Великой Отечественной войны. Он отметил, что «мавзолей выполнен из дерева и фанеры. Ветер срывает листы фанеры, памятник колышится. Сторожевая охрана обеспечивается сторожем, выделенным колхозом и, вместе с тем, памятник является объектом массового посещения. Когда пришлось проводить историко-археологические работы на Перекопе, я видел, как цепочкой идущие машины, почти все останавливаются. Народ идет на вал и смотрит на мавзолей, находящийся в печальном состоянии»¹⁷.

Годом ранее, в «Докладной записке о состоянии памятников культуры Крымской области и о мероприятиях по улучшению их охраны», направленной в Научно-методический совет по охране памятников культуры при Президиуме АН СССР, П. Н. Шульц уже отмечал плачевное состояние памятников Великой Отечественной войны, находящихся на территории полуострова, указывая что до 14 октября 1948 г. вопросами благоустройства и охраны памятников войны занимались штаб Таврического военного округа и военкоматы. Он писал, что: «Силами Советской армии были сооружены многие памятники в Крыму: обелиски Славы, памятники на братских кладбищах и могилах воинов. Штаб ТВО и Военкоматы продолжают эту работу и после постановления. На учете в Облвоенкомате состоят, как памятники, так и места, подлежащие увековечению. Военкоматы ведут работу по благоустройству братских кладбищ и сооружению памятников. Но проводимая работа в этой области явно недостаточна. Спешно возведенные в условиях войны, многие памятники обветшали, нуждаются в ремонте и замене, так как выполнены были из дерева и фанеры (например, памятники на Перекопе). Многие кладбища и братские могилы советских воинов и партизан, павших смертью храбрых на территории Крыма в годы

Отечественной войны, еще не благоустроены и не отмечены памятниками. Временные памятники на могилах Героев Советского Союза (генерал-майору авиации Токареву в г. Евпатории, Галине Петровой — старшине морской службы в г. Керчи и др.) не заменены достойными монументальными сооружениями»¹⁸.

П. Н. Шульц аргументировал столь плачевное состояние памятников истории и археологии полуострова недостаточной их популяризацией, а в качестве решения проблемы предлагал начать выпуск листовок, плакатов, которые бы доносили до широких масс значение этих памятников и, в частности, показали и рассказали бы о постановлении Совета Министров СССР от 14 октября 1948 г., в котором ставится вопрос об улучшении охраны памятников в СССР¹⁹.

Среди прочих проблем, связанных с охраной памятников в регионе, П. Н. Шульц отмечал:

1. Отсутствие охраны: отдел культурно-просветительной работы Крымского Облсполкома на все памятники полуострова имел всего 8 единиц охраны, при том, что в 1947 г. их было только 5, а получить дополнительные 3 единицы удалось только при помощи И. Э. Грабаря²⁰.

2. Отсутствие инспекторского персонала: в отдел архитектуры Крымской области была выделена одна штатная единица — начальника сектора охраны и ни одного инспектора, в отделе культурно-просветительных учреждений было 2 единицы инспекторов. Кроме того, он отмечал плачевное состояние инспекторов: крымские памятники находились на большой территории, а служебных машин не было.

3. Архитекторы городов занимались вопросами развития населенных пунктов, не уделяя внимания сохранению памятников.

4. В Крыму не было оформленного единого научно-методического руководства делами охраны памятников, поэтому Крымский филиал Академии наук, не имевший в плане работы задач охраны памятников, неформально был превращен в неоформленный научно-методический

л. 2 [Стенограмма выступления П. Н. Шульца на Пленуме Научно-методического совета по охране памятников архитектуры Академии наук СССР 15 декабря 1949].

17 Там же, л. 10.

18 Докладная записка П. Н. Шульца о состоянии памятников культуры Крымской области и о мероприятиях по улучшению их охраны / Сост., коммент. А. Ю. Манаев // История и Археология Крыма. – 2016. – № 3. – С. 419.

19 НА ИН, ф. 4, оп. 1, д. 21, л. 11 [Указ. док.].

20 Там же, л. 12.

центр, в который стекались вопросы по охране памятников²¹.

Кроме вопросов охраны памятников истории, П. Н. Шульц акцентировал внимание на необходимости создания новых памятников, чтобы превратить Крым в «большой очаг воспитательной работы и с области вопросов истории, и в области развития советского патриотизма»²².

И. Э. Грабарь на заседании Пленума Научно-методического совета по охране памятников, состоявшемся 26 декабря 1950 г., констатировал неудовлетворительное состояние памятников археологии, архитектуры и истории. Он указал, что «главной причиной неудовлетворительного состояния памятников культуры следует считать малое внимание местных административных органов, уделяемых сохранению памятников архитектурного искусства и т.п. Мы должны найти средство переломить создавшееся положение на местах»²³, подчеркнув, что Исполнительными комитетами Городских Советов депутатов обязательство, возложенные на них постановлением Совета Министров от 14 октября 1948 г., не выполняются²⁴.

В проекте «Исторических памятников Республиканского значения», составленном Научно-методическим советом в 1950 г. по г. Севастополю значилось 15 памятников, из них, связанных с Великой Отечественной войной — 5:

Обелиск на могиле Героя Советского Союза И. К. Голубец, погибшего 25 марта 1942 г. при обороне Севастополя — в ведении Горкомхоза;

Обелиск на братской могиле моряков-черноморцев, героев ДЗОТ-а № 11, павших при отражении второго штурма Севастополя в декабре 1941 г. — в ведении Горкомхоза;

Памятник «Слава» воинам 2-ой Гвардейской Армии, героически павших в боях с немецко-фашистскими захватчиками за освобождение города-героя Севастополя в мае 1944 г. — в ведении Горкомхоза;

Памятник-монумент танкистам, участникам боев за освобождение Севастополя от немецко-

фашистских захватчиков в 1944 г. — в ведении Горсовета;

Обелиск на братской могиле моряков-героических защитников Константиновского равелина, павших в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в июне 1942 г. — в ведении Горсовета²⁵.

По Крымской области в проект списка было включено 253 памятника, из них 187 относились к событиям Великой Отечественной войны, преимущественно были представлены братскими могилами и местами боевых действий партизанских отрядов и соединений²⁶.

В проект «Государственного списка исторических памятников общесоюзного значения» за 1954 г. по Крымской области и г. Севастополю был внесен 21 памятник, из которых 4 были связаны с событиями Великой Отечественной войны:

Памятник погибшим воинам Советской армии, установленный на месте водружения знамени при штурме Сапун-горы 7 мая 1944 г. — в Севастополе.

Обелиск в память героического подвига пяти моряков-черноморцев, которые 7 ноября 1941 г. во главе с политруком т. Фильченковым задержали врага, уничтожив 13 фашистских танков и прикрыв дорогу к Севастополю своими телами.

Дом, в котором при участии Иосифа Виссарионовича Сталина происходили заседания Ялтинской конференции руководителей трех Великих держав (СССР, Великобритании и США) с 4 по 12 февраля 1945 г.

Дом, в котором Иосиф Виссарионович Сталин жил в феврале 1945 г. вместе с советской делегацией на Ялтинской конференции²⁷.

При этом говорить о ремонтных и тем более о реставрационных работах, связанных с памятниками Великой Отечественной войны

21 Там же, л. 12-13.

22 Там же, л. 19.

23 НА ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 44, л. 15об [Стенограмма выступления И. Э. Грабаря на Пленуме Научно-методического совета по охране памятников культуры при Президиуме Академии наук СССР 26 декабря 1950 г.].

24 Там же, л. 15.

25 НА ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 60, л. 22-24 [Список памятников по г. Севастополю, включенных в проект Государственного списка № 2 Исторических памятников республиканского значения].

26 Там же, л. 125-155 [Список памятников по Крымской области, включенных в проект Государственного списка № 2 Исторических памятников республиканского значения].

27 НА ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 216, л. 22-24 [Список памятников по Крымской области, включенных в проект Государственного списка Исторических памятников общесоюзного значения].

не только на территории Крымского полуострова, но и в рамках всего государства в период с 1948 по 1952 гг. не приходится. Кроме памятников, связанных с историей войны, в удручающем состоянии находились Керкинитиды в Евпатории, храм Иоанна Предтечи и Склеп Деметры в Керчи, Генуэзская крепость в Судаке. Музеи, Крымское отделение Академии наук и Научно-методический совет пытались изыскать хоть какие средства на ремонтно-восстановительные работы наиболее значимых памятников общесоюзного значения²⁸. При этом примерно такая же ситуация складывалась и в остальных регионах Советского Союза: первый случай выделения государственного финансирования на полное восстановление культурного объекта связан с реставрацией Пятницкой церкви в г. Чернигове УССР в 1954 г.²⁹

31 мая 1957 г., практически сразу, после упразднения Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам строительства и архитектуры, И. Э. Грабарь обращается к Н. С. Хрущеву. Суть письма сводилась к тому, что после упразднения Госстроя РСФСР, были упразднены и его функции по охране и реставрации памятников архитектуры Российской Федерации. Академик писал, «что по аналогии с РСФСР будут, очевидно, приняты подобные решения и в других Союзных республиках, возникает законная тревога о судьбе охраны памятников архитектуры и органов, которые вели это большое и важное дело <...> В целях обеспечения и улучшения постановки дела охраны и реставрации памятников культуры СССР в целом, в данных условиях необходимо создание при Совете Министров СССР и союзных республиках единого самостоятельного органа по охране и реставрации памятников культуры (архитектуры, искусства, археологии, истории и т.п.)»³⁰. Однако центра-

лизации дела охраны памятников не произошло и письмо академика осталось без внимания.

Говоря об охране памятников Великой Отечественной войны в конце 1940-х – 1950-х гг., необходимо отметить следующие проблемы: многие памятники появлялись спонтанно на местах сражений Советской Армии и партизанских соединений, устанавливались они из недолговечных материалов. На рубеже 1940-х-1950-х гг. появляется большое количество памятников односельчанам, принимавших участие и погибшим в боях с немецко-фашистскими захватчиками. Кроме того, следует обратить внимание на несколько тенденций: несмотря на переход части памятников Великой Отечественной войны из ведения Таврического Военного округа и военкоматов после принятия Постановления 1948 г., не было сформировано единого органа, который бы отвечал за сохранность, учет и использования памятников, а созданный Научно-методический совет по охране памятников имел, в большей степени, совещательные функции в деле охраны культурного наследия. Тем не менее, с конца 1940-х гг. просматриваются общесоюзные тенденции, нацеленные на сохранение исторического наследия и сооружение мемориалов Великой Отечественной войны, в частности, вводятся должности инспекторов по учету и охране памятников, а мемориалам, связанным с событиями Великой Отечественной войны, уделяется все большее значение.

Список источников и литературы

1. Андросов С. А. Первые памятники Великой Отечественной войны в Крыму (1944–1945) // Историческое наследие Крыма. – Симферополь, 2006. – № 15. – С. 16-21.

2. Грабарь И. Э., Панкратова А. М. Вернуться к ленинской системе охраны памятников культуры // Игорь Грабарь о древнерусском искусстве / Ред. В. Н. Лазарев, О. И. Подобедова; Академия наук СССР; Институт истории искусств Министерства культуры СССР. – М.: «Наука», 1966. – С. 381-382.

3. Докладная записка П. Н. Шульца о состоянии памятников культуры Крымской области и о мероприятиях по улучшению их охраны / Сост., коммент. А. Ю. Манаев // История и Археология Крыма. – 2016. – № 3. – С. 417-430.

3. Манаев А. Ю. Мемориализация событий Великой Отечественной войны в контексте

28 НА ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 79, л. 1-53 об [Акты технического состояния исторических и археологических памятников Крымской области].

29 Там же, д. 118, л. 1, 38 [Стенограмма Пленума Научно-методического совета по охране памятников культуры при Президиуме Академии наук СССР 24 июня 1954 г.].

30 НА ИИ, ф. 4, оп. 2, д. 21, л. 5-6 [Копия письма Председателя Пленума Научно-методического совета по охране памятников культуры И. Э. Грабаря, адресованного Н. С. Хрущеву].

анализа нормативно-правовых актов СССР // Актуальные вопросы охраны и использования культурного наследия Крыма: мат-лы VI Всероссийской научно-практической конф., Евпатория, 30–31 мая 2019 / Гл. ред. В. Е. Науменко. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ» – С. 178-183.

4. Охрана исторических и археологических памятников: сборник руководящих и справочных материалов / Комитет по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР; Управление охраны исторических и археологических памятников. – М.: Государственное издательство культурно-просветительной литературы, 1949. – 63 с.

5. Охрана памятников истории и культуры: Декреты, постановления, распоряжения Правительства СССР и Правительства РСФСР / Вступ. ст. Л. Г. Бескровный; Институт истории Академии наук СССР; Центральный совет Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. – М., 1968. – 232 с.

6. Попов А. Д. Сапун-гора как «место памяти»: динамика и основные моменты мемориализации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки» – 2021. – Т. 7 (73). – № 3. – С. 99-112.

7. Постановление Совета Министров СССР от 14 октября 1948 г. № 3898 «О мерах улучшения охраны памятников культуры». – М.: Типо-литография Музгиза, 1949. – 12 с.

8. Равикович Д. А. Охрана памятников истории и культуры в РСФСР (1917–1967 гг.) // Труды Научно-исследовательского института музееведения и охраны памятников истории и культуры. – 1970. – № 22. – С. 3-127.

9. Рубин В. А., Спиридонова Е. В. Военно-мемориальное наследие в условиях государственной культурной политики советской эпохи // Человек и культура. – 2019. – № 5. – С. 54-64.

10. Типовые проекты памятников братских и индивидуальных могил воинов Советской Армии, Военно-Морского флота и партизан, погибших в боях с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны / Комитет по делам архитектуры при Совете министров СССР; Научно-исследовательский институт общественных и промышленных сооружений Академии Архитектуры СССР. – М.: Военное издательство Министерства вооруженных сил Союза ССР. – 154 с.

11. Научный архив Федерального государственного бюджетного научно-исследовательского учреждения «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева» (Институт Наследия) (далее – НА ИН), ф. 4, оп. 1, д. 21.

12. НА ИН, ф. 4, оп. 1, д. 44.

13. НА ИН, ф. 4, оп. 1, д. 60.

14. НА ИН, ф. 4, оп. 1, д. 79.

15. НА ИН, ф. 4, оп. 1, д. 118.

16. НА ИН, ф. 4, оп. 1, д. 216.

17. НА ИН, ф. 4, оп. 2, д. 21.

**PROTECTION OF MONUMENTS OF THE GREAT
PATRIOTIC WAR IN THE CRIMEA IN 1945-1957
IN THE DOCUMENTS OF THE SCIENTIFIC
AND METHODOLOGICAL COUNCIL
FOR THE PROTECTION OF MONUMENTS
OF THE ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR**

Kokhan Andrej Alekseevich,

Candidate of Historical Sciences,
Resesarcher of the Likhatchev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage
(Heritage Institute),
129366, Moscow, Kosmonavtov st., 2,
a_kokhan@mail.ru

Abstract

The article discusses the issues of accounting and preservation of monuments associated with the events of the Great Patriotic War in the Crimea in 1945-1957. in the light of the regulatory legal acts adopted by the governments of the USSR, the RSFSR and the Ukrainian SSR, and in the light of the documents of the Scientific and Methodological Council for the Protection of Monuments of the USSR Academy of Sciences, deposited in the scientific archive of the Likhatchev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage.

Keywords

Protection of monuments, registration of monuments, monuments of the Great Patriotic War, Scientific and Methodological Council for the Protection of Monuments, Academy of Sciences of the USSR, legislation on the protection of monuments.

RAR

УДК 069

ББК 79

DOI 10.34685/NI.2022.36.1.012

ПОНЯТИЕ ПОДЛИННОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Краснова Татьяна Николаевна,

соискатель, Российский научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия имени Д.С. Лихачева (Институт Наследия),
ул. Космонавтов, д. 2, г. Москва, Россия, 129366
tatyana.n.krasnova@gmail.com

Аннотация

Целью данной работы является попытка устранения разночтений понятия подлинности, его конкретизация применительно к задачам сохранения археологического наследия. Методологической базой исследования служит анализ существующих документов, регулирующих отношения в сфере сохранения и реставрации наследия, а также проблемных публикаций на эту тему. Это позволило сделать вывод о том, что подлинность является объективным свойством любого археологического предмета и показателем его существования. Используя это понятие при решении задач сохранения национального наследия, можно будет четко устанавливать границы реставрационных вмешательств и не допустить превращения подлинных памятников истории и культуры в муляжи..

Ключевые слова

Археологические объекты, памятник, сохранение, культурное наследие, подлинность, ценность, реставрация, реконструкция.

Каждая область знания имеет свой понятийный аппарат, который является своеобразным языком, доступным и понятным каждому исследователю. Этот язык формируется из понятий и терминов — основы для всестороннего рассмотрения конкретного объекта. В музееведении и реставрации таким объектом выступает памятник истории и культуры, а ключевым понятием является понятие его подлинности. Смысл и значение этого понятия рассматривается в разных аспектах, т. к. они определяют базовые ценности каждого общества¹, каждой исторической эпохи, они же выступают основой для процесса насле-

дования культурных и исторических ценностей, их научного исследования и охраны. Однако, это понятие не является стабильным. В разное время смысл его зависел от того, в каком контексте оно (понятие) использовалось. На сегодняшний день четкого однозначного определения понятия подлинность по отношению к памятникам не существует.

О том, что отношение общества к своим памятникам не одинаково и каждое поколение воспринимает их по-своему — это аксиома. Со временем значимость и ценность одних памятников может увеличиваться, а других — нивелировать-

1 Само понятие ценности неоднозначно и рассматривается либо как независимые сверхлические сущности (Платон, Сократ) либо как ситуативные значимости

предмета (явления) меняющуюся во времени и пространстве в зависимости от конкретных условий.

ся. Лев Лившиц указывал на то, что в нашей стране очень важно само понимание неповторимости каждого памятника, того, что в любом из них сконцентрировано время; потому что памятники цементируют общество, превращают народ в народ, нацию в нацию². Не взирая на все охранные мероприятия, которые предпринимает государство по сохранению своего культурного наследия «если в сознании общества не возникнет острое ощущение, что гибель памятников грозит гибелью и нам, то, ничего хорошего с нами не произойдет» потому, что люди, «не понимающие ценности подлинности, лишены возможности отличать правду ото лжи»³. Л. Лившиц назвал это огромной социальной бедой и «симптомом серьезной и почти смертельной болезнью»⁴.

Для того, чтобы разобраться в причинах сложившейся ситуации и вылечить эту болезнь необходимо поставить диагноз и провести всесторонний анализ. Поэтому в основе исследования положены аналитические методы исследования. Во многих международных и отечественных документах декларируется, что «сохранение культурного наследия во всех его исторических формах и во всем многообразии основано на ценностях, составляющих его основу»⁵. В них памятник рассматривается, прежде всего, как научный документ, исторический источник, несущий духовные послания прошлого, которые остаются в современной жизни людей свидетелями вековых традиций⁶. Особое внимание уделяется пониманию сути подлинности, которая играет ключевую роль во всех исследованиях, связанных с изучением памятников, включения их в списки культурного наследия, при отборе в музейную коллекцию, планированию и проведению работ по консервации и реставрации.

Определение подлинности памятника сформулировано на основе Венецианской хартии и ориентировано лишь на сохранение подлин-

ности его материалов. Подлинность сама, не является ценностью⁷, а определяется как состояние объекта или памятника по отношению к его специфическим качествам. Ценности, культивируемые в конкретном обществе, со временем могут изменяться, воздействуя на культурные и образовательные процессы. В документах отсутствует детальное рассмотрение различных аспектов подлинности⁸, а также определение предельно допустимых объемов реставрации и реконструкции объекта номинируемого в Списки всемирного наследия⁹. После 16-й сессии ЮНЕСКО, прошедшей в Санта-Фе в США в 1992 г., понятие подлинности стало рассматриваться более широко в рамках открытой, гибкой концепции, «используемой индивидуально для каждого конкретного случая, с полным пониманием социально-экономического, экологического, культурного и исторического контекста»¹⁰. С этого времени оно так же должно содержать информацию о форме и замысле, материалах, функции, использовании и назначении, традициях и технологиях, местоположении и окружении памятника, его духе и выразительности, а также других внутренних и внешних факторах¹¹. Юкка Йокилето (Jukka Jokilehto) — директор и научный руководитель программ по консервации памятников архитектурного наследия ИККРОМ, считает, что произведение искусства или памятник необходимо воспринимать в контексте, а связанные с ними ценности должны служить основой для его осмысления. На этом основании делается вывод, что подлинность объекта не может быть увеличена, ее можно выявить только в том случае, если она существует¹².

В связи с тем, что понимание подлинности зависит от характера памятника, его культурного контекста и эволюции и связано с большим количеством источников информации, невозможно судить о ценности и подлинности

2 Аверинцев 2009.

3 Там же

4 Аверинцев 2009.

5 Нарский документ о подлинности 1994; Венецианская Хартия, Конвенция об охране Всемирного культурного и природного наследия, Кодекс профессиональной этики, Конвенция ЮНЕСКО об охране всемирного наследия Париж 1972, , ФЗ - N 73, СРП-2007 (4-я редакция).

6 Венецианская хартия

7 Йокилето

8 Различными аспектами подлинности является: подлинность замысла, функции, материала, мастерства, окружения

9 Клиэ 1994

10 Дрост фон Б., Бертильсон У

11 Нарский документ ..; Конвенция об охране Всемирного..

12 Йокилето 1994

на основе строго фиксированных критериев¹³. На сложности в однозначной трактовке, интерпретации и применения данного понятия указывают и некоторые исследователи¹⁴. Они обращают внимание на несоответствие концепции подлинности с тем понятием, которое записано в Венецианской хартии. Во-первых, критикуется её чрезмерный «европоцентризм»; во-вторых, ориентация на объекты каменной монументальной архитектуры; в-третьих, отсутствие открытости к культурам других регионов, а также изменение социокультурной ситуации, произошедшее с момента принятия Хартии.

Расширение представлений о подлинности культурного наследия имеет ключевое значение для реставрации и реконструкции. Реконструкция, как метод, полностью отвергается положениями Венецианской хартии. Изменение концепции подлинности согласно «Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия» приводит к изменению самого понятия реконструкция. Главным условием становится её выполненные «на основе полной и детальной документации об оригинале, а не на основе догадок и предположений»¹⁵. В документе также подчеркивается необходимость перехода «от концепции подлинности, направленной только на сохранение материала и технологии, к концепции, включающей ноу-хау, природную и социальную среду, которая, в свою очередь, может защитить первоначальный замысел и дух сооружения, вложенные в него его создателем»¹⁶. Кроме того, сохранение, происхождение, существование предлагается рассматривать не только как атрибутивные признаки, но и как свойства, символически прочитываемые при восприятии произведения. Подлинность любой вещи рассматривается как совокупность всего, что она способна нести в себе с момента возникновения, от «своего материального возраста до исторической ценности»¹⁷. Для определения понятия подлинности Юкка Йокилето предложил различать три параметра её измерения: культурный, исто-

рический и художественный, которые, в свою очередь, предлагается рассматривать в зависимости от их формы (структурной, функциональной и эстетической), материала и технологии, а также от исторического, физического и социально-культурного контекста¹⁸.

Задачами консервации и реставрации является сохранение памятника «во всем богатстве его подлинности»¹⁹, поэтому для определения подлинности объекта с позиций его сохранения в процессе реставрации необходимо учитывать несколько аспектов самого понятия подлинность: это подлинность материала, художественного и исторического образа, технологическая или функциональная²⁰. Основное внимание сосредоточено на нематериальном культурном наследии, которое становится основой для понимания объектов материального культурного наследия, а сохранение и развитие традиционных ремесел и технологий обеспечивает сохранение подлинности культурной самобытности.

В 1994 г. Нарский документ о подлинности закрепил многообразие представлений о подлинности, которое напрямую зависит от характера объекта культурного наследия, его культурного контекста и обстоятельств его создания. Утверждение подлинности памятников как основной ценности реставрационной этики так же закреплено в законодательствах и нормативных документах²¹.

Анализ проблем, связанных с определением понятия подлинности в рамках реставрационной деятельности, сделанный на основе литературных источников, международных и отечественных документов позволяет выделить ряд общих трудностей, связанных с оценкой подлинности объекта культурного наследия, нуждающегося в реставрации и реконструкции и определение конечной цели реставрации памятников археологии. В Нарском документе о подлинности, выделяется несколько положений, которые вызывают вопросы:

13 Конвенция об охране Всемирного..

14 Дрост 1994

15 Конвенция об охране Всемирного..

16 Дрост 1996

17 Беньямин 2013

18 ФЗ - N 73

19 Венецианская хартия.. 1964

20 Конвенция об охране Всемирного.. 1972

21 Кодекс профессиональной.. , 1986, ГОСТ Р 56891.1-2016,

1. Тезис: подлинность является «определяющим фактором наследия и связанных с ним ценностей», т.е. она выступает ценностной категорией культуры; НО ценность как раз и заключается в подлинности.

2. Тезис: «подлинность напрямую зависит от местного культурного контекста»; НО если предмет был сделан в одном месте, а использовался в другом, то он уже не является подлинным?

3. Тезис: «невозможность формулировки абсолютного и универсального определения понятия ценности»; НО, как определить, что и как конкретно тогда надо сохранять и реставрировать?

4. Тезис: «для каждого из рассматриваемых объектов культурного наследия необходимо оценивать, как все возможные аспекты подлинности, так и каждый из них в отдельности» (ст. 11); НО при этом не определены объективные критерии оценки, которые в каждом конкретном случае являются субъективными, а так же критерии, по которым можно оценить авторский замысел.

5. Тезис: «необходимость объединения подлинного материального и нематериального наследия в их целостности и единстве», НО как на практике реставрировать нематериальное, заключенное в материальном носителе?

Кроме этого, подлинность, как фактор ценности объекта культурного наследия определяется четырьмя основными параметрами: подлинность «материала» («субстанции»), подлинность «мастерства» исполнения, подлинность первоначального «замысла» (то есть подлинность «формы») и подлинность «окружения»²².

Если по пунктам разбирать определение «подлинности» археологических предметов, находящихся в музейных коллекциях, то мы имеем следующее:

Подлинность «окружения» отсутствует, т. к. предмет мог неоднократно менять свое место до погребения и после извлечения из раскопок. Какое из его окружений следует принимать за подлинное?

Подлинность первоначального «замысла» (как сказано «подлинность «формы») этот вопрос остается спорным, т. к. далеко не всегда извлеченные из земли предметы сохраняют свою форму и первоначальный замысел. Чаще всего археоло-

гам приходится иметь дело с остатками или фрагментами изделий, скрытыми под плотным слоем известковых наслоений или хрупкими размокшими (деструктурированными) предметами;

Подлинность «мастерства» исполнения, так же может находиться под вопросом, т. к. условия эксплуатации предмета, процессы естественного старения материалов, а так же, условия залегания могут внести значительные коррективы в состояние его сохранности и «мастерство» исполнения может сильно пострадать (например, керамические изделия украшенные ангобами, лаками или глазурями могут практически полностью их лишиться в результате эксплуатации или нахождения во влажной среде залегания);

Подлинность «материала» («субстанции»). В этом пункте больше вопросов, т. к. не указано какой материал выступает в качестве эталона подлинности: тот который использовал автор при создании своего творения или то, что от него осталось и дожило до наших дней.

Исходя из этих определений, археологический объект подлинностью не обладает.

Если предметом охраны являются особенности подлинного облика объекта культурного наследия, послужившие основанием для включения его в Реестр²³ и подлежащие обязательному сохранению²⁴, то напрашивается вопрос: какие же из этих особенностей должны охранять и какими средствами?

По законодательству Российской Федерации²⁵ археологические предметы не требуют никаких подтверждений, для включения их в «Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации» на том основании, что они с момента своего изъятия из земли уже являются памятниками археологии, а, следовательно, они априори обладают подлинностью и являются ценностью. Несмотря на это, при поступлении в музейные коллекции они должны пройти процесс музеефикации с целью выявления их ценности и подлинности²⁶.

23 Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации.

24 Там же п.3.6

25 ФЗ N 73 -от 25.06.2002

26 ФЗ № 54 от 26 мая 1996 г Ст. 6, 10

22 СРП-2007 (4-я редакция) ст. 3.п. 5.

Необходимо отметить тот факт, что в сборник «Рекомендаций по проведению научно-исследовательских, изыскательских, проектных и производственных работ, направленных на сохранение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации»²⁷ включены все виды памятников, за исключением археологической керамики.

Невозможность использовать в реставрационной практике концепции подлинности связана с тем, что они не наделены конкретикой, поэтому имеют разную трактовку и в них может вкладываться разный смысл. Такое несовершенство теоретической базы приводит к гибели, как отдельных памятников, так и негативно отражается на всем культурном наследии в целом, на что в частности увязывают многие исследователи С. С. Аверинцев, В. Г. Белозерова, Ю. Г. Бобров, Я. Захватович, В. В. Зверев, Л. А. Лелеков, Н. В. Перцев, О. В. Яхонт и другие. В рамках основных задач наследования археологического наследия существует необходимость в определении понятия подлинности, не допускающей разночтений.

Подлинность археологического объекта должна рассматриваться как объективная категория, в то время, как ценность — понятие субъективное. Ценность предмета определяется обществом или индивидуумом на основании мнений, взглядов или суждений которое подвержено изменению, в то время как подлинность является свойством предмета, которое невозможно ни повторить, ни воспроизвести. Подлинность — это то, что отличает (выделяет) один предмет среди таких же, сделанных одним мастером, по одной и той же технологии (даже у повара, готовящего ежедневно одни и те же блюда, они бывают похожими, но не одинаковыми). «Жизненный путь» каждого предмета, даже если это предмет массового производства так же неповторим. Например, тарелки: одна принадлежала выдающемуся человеку, а другая — отпетому негодяю, поэтому оценочные, то есть ценностные характеристики этих двух предметов соответственно будут разные. Они будут меняться в зависимости от субъективных взглядов на этот предмет (как в притче о бриллиантовом кольце, которое получило разную оценку у ювелира и у торговца — старьев-

щика на рынке). История так же делает предмет уникальным и неповторимым и является одной из составляющих понятий подлинности и ценности. Исторические предпосылки создания предмета, замысел (и даже настроение мастера), исходное сырье и материалы (краски, перетертые вручную или выпускаемые промышленностью) технические условия производства, условия эксплуатации и бытования предмета делают его неповторимым документом, памятником, артефактом и это должно составлять основу понятия подлинности.

Подлинность может существовать только в рамках целостности всего того, что составляет первооснову или сущность предмета: замысел творца воплощается в определенных материалах, а история — это отпечаток времени на нем. Весь этот процесс можно выявить только в результате всестороннего изучения предмета. Полнота наших знаний напрямую зависит от физического состояния предмета, в котором он сохранился на момент исследования и от задач и технических возможностей получения информации. Естественное старение материалов памятника является неизбежным процессом. Оно приводит к изменению его свойств, вида и соответственно авторского замысла, но при этом памятник остается тождественным самому себе. Значит ли это, что его подлинность от этого изменится?

Решением вопросов сохранения подлинности памятника при его разрушенной материальной структуре должна заниматься реставрация и консервация. Однако, неправомерное желание восстановить первоначальный замысел творца (а чаще всего внешний вид) согласно нашим сегодняшним представлениям о том, как мог выглядеть предмет, только что вышедший из рук мастера, приводит к непоправимым последствиям²⁸. Результатом такой деятельности является утрата памятником его главного качества — подлинности, т.к в результате мы получаем современный продукт, основу которого составляют аутентичные материалы памятника, то есть по сути — химеру²⁹.

28 Краснова 2020

29 В данном контексте – это предмет, состоящий из генетически разнородных материалов, относящихся к разному времени и переделанный реставратором в соответствии с сиюминутными потребностями общества.

27 СРП-2007 (4-я редакция).

Для истории, как науки в большей степени важен не сам предмет, а те сведения, которые связаны с технологиями прошлого, временем создания и бытования предмета. Это позволяет восстановить целостную картину исторической эпохи, к которой принадлежит предмет и для нужд которой он был создан или востребован. Именно это необходимо сохранять и оберегать в предмете — как источнике информации, выделяя историческую составляющую понятия подлинности, а наши представления о первоначальном виде памятника, которые важны для искусствоведов, музейных работников, художников... — воплощать в археологических реконструкциях³⁰.

Безусловно, подлинность является одной из главных составляющих категории ценности, потому что без неё такие закрепленные за предметом в музееведении (культурологии) ценности, как научные, исторические, мемориальные и художественные или эстетические теряют всякий смысл.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что всем без исключения предметам присуща подлинность. Можно провести параллели с понятием «культура». В современном понимании она трактуется, как любая деятельность людей и не зависит от направленности и цели этой деятельности. А уже в рамках понятия «культура» выделяются определенные направления: художественная, керамическая³¹, сельскохозяйственная³², научная³³ и др. Само существование предмета говорит о его подлинности, так как любой предмет относится к сфере человеческой деятельности, и является результатом труда. То есть, все существующие предметы являются подлинными. Но, если возникает необходимость повторения каких-то артефактов (оригиналов древних предметов) с определенной целью, тогда надо искать другие определения для их характеристики, например, реплики, копии, подделки, макеты, реконструкции, муляжи и проч., потому

что они так же являются подлинными продуктом — результатом человеческого труда.

Очевидно, что вряд ли когда-либо удастся прийти к однозначному мнению по вопросу о подлинности, как и добиться определенного единства мнений между разными исследователями в рамках данного вопроса. Однако, для решения ключевых вопросов наследования и сохранения необходимо придерживаться единого подхода, который должен быть решающим в определении подлинности от которой, в конечном счете, зависят конечные цели реставрации и реконструкции памятников и то, что останется нам в наследство подлинники или муляжи³⁴.

Список литературы

1. Аверинцев С. С. Цит. по Лев Лифшиц. «Что и зачем мы охраняем? Ценностная структура объекта культурного наследия». : <http://kyiv-heritage.com/sites/default/files/%D0%9B%D0%B8%D1%84%Df1%88%D0%B8%D1%86%20-%20%D0%A7%D1%82%D0%BE%20%D0%B8%20%D0%B7%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%BC%20%D0%BC%D1%8B%20%D0%BE%D1%85%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%8F%D0%B5%D0%BC%2026%20%D0%BC%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B0%202009%20%D0%A0%D0%A4.pdf> (дата обращения 16.12.2020) Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Беньямин В. Краткая история фотографии: эссе. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. — 66 с.

2. Дрост фон Б., Бертильсон У. Подлинность и Всемирное наследие // Международная конференция, посвященная проблеме подлинности применительно к конвенции об охране Всемирного наследия. Нара. 1994. URL: <http://kgior.gov.spb.ru/media/uploads/userfi> (дата обращения 16.12.2020)les/2015/08/27/Подлинность_и_ВН.pdf (дата обращения: 04.12.2019).

3. Йокилето Ю. Общие рамки концепции подлинности. Доклад Международной конференции, посвященной проблеме подлинности применительно к Конвенции об охране всемирного наследия; Нара, 1994. URL: <http://kgior.ru/media/uploads/userfiles/2015/08/27/%D0%99%D0%BE%D0%BA%D0%B8%D0%BB%D0%B5%D1%82%D0%BE.pdf> (дата обращения 26.12.2020) ГОСТ Р 56891.1–2016 Национальный стандарт россий-

30 Краснова 2021

31 Культура шнуровой, ленточной, ямочной, накольчатой керамики, шаровидных амфор и др

32 например, ячмень – сельскохозяйственная культура, которая является результатом или продуктом труда, а не видом деятельности.

33 взаимоотношение людей в процессе научного познания.

34 Слепок или модель предмета в натуральную величину.

ской федерации сохранение объектов культурного наследия. Термины и определения Часть 1. Общие понятия, состав и содержание научно-проектной документации <https://docs.cntd.ru/document/1200133115>

4. Клиэ. Г. Оценка подлинности в контексте Конвенции по Всемирному наследию // Международная конференция, посвященная проблеме подлинности применительно к конвенции об охране Всемирного наследия. Нара. 1994. URL: <https://kgior.gov.spb.ru/media/uploads/userfiles/2015/08/27/Клиэ.pdf> (дата обращения: 20.10.2019).

5. Кодекс профессиональной этики Международного Совета по делам музеев ICOM (International Council of Museums) [1986] // Новости ICOM. Т. 39. — 1986, № 1. — С. 19. URL: <http://www.art-atelier.ru/index.php?id=380> (25.04.2019).

6. Конвенция об охране Всемирного культурного и природного наследия // Генеральная конференция Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. Париж. 1972. URL: <https://whc.unesco.org/archive/convention-ru.pdf> (дата обращения: 20.10.2020).

7. Краснова Т. Н. Реставрационная деятельность как фактор возможного разрушения археологической керамики. Журнал Института Наследия. Материалы Научно-практической конференции аспирантов и молодых ученых. 2021/1 (24) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/restavratsionnaya-deyatelnost-kak-faktor-vozmozhnogo-razrusheniya-arheologicheskoy-keramiki/viewer>

8. Краснова, Т.Н. Археологическая реконструкция изделий из керамики в музейной практике: принципы, задачи, возможности /Наследие веков. Краснодар, 2021, №2, С.100–114. URL: <http://heritage-magazine.com/index.php/HC/article/view/426>. — DOI: <https://doi.org/10.36343/SB.2021.26.2.008> (0,5 п. л.).

9. Международная Хартия по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест (Венецианская хартия) от 31 мая 1964 года. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901756982> (дата обращения 18.12.2020).

10. Нарский документ о подлинности (Нара, ноябрь 1994) Документ принят на XII Генеральной Ассамблее ИКОМОС (Мехико, октябрь 1999). . http://kgior.ru/media/uploads/userfiles/2015/08/27/%D0%9D%D0%B0%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%B4%D0%BE%D0

[%D0%82_%D0%BE_%D0%BF%D0%BE%D0%B4%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8_1994_1.pdf](https://kgior.ru/media/uploads/userfiles/2015/08/27/%D0%9D%D0%B0%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%B4%D0%BE%D0%82_%D0%BE_%D0%BF%D0%BE%D0%B4%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8_1994_1.pdf) (дата обращения 16.12.2020).

11. Нормативно-методическое издание. Сборник. Свод реставрационных правил «Рекомендации по проведению научно-исследовательских, изыскательских, проектных и производственных работ, направленных на сохранение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. Общие положения». СРП-2007 (4-я редакция).

12. Федеральный закон "Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации" от 25.06.2002 N 73-ФЗ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ (дата обращения 16.12.2020)

13. Федеральный закон N 54-ФЗ "О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации" (с изменениями и дополнениями)

14. Руководство по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия. https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000369013_rus0%D0%B0%D0%BD%D1%8F%D0%B5%D0%BC%2026%20%D0%BC%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B0%202009%20%D0%A0%D0%A4.pdf (дата обращения 16.12.2020)

15. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Беньямин В. Краткая история фотографии: эссе. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. — 66 с.

16. Дрост фон Б., Бертильсон У. Подлинность и Всемирное наследие // Международная конференция, посвященная проблеме подлинности применительно к конвенции об охране Всемирного наследия. Нара. 1994. URL: http://kgior.gov.spb.ru/media/uploads/userfiles/2015/08/27/Подлинность_и_ВН.pdf (дата обращения: 04.12.2019).

17. Йокилето Ю. Общие рамки концепции подлинности. Доклад Международной конференции, посвященной проблеме подлинности применительно к Конвенции об охране всемирного наследия; Нара, 1994. URL: <http://kgior.ru/media/uploads/userfiles/2015/08/27/%D0%99%D0%BE%D0%BA%D0%B8%D0%BB%D0%B5%D1%82%D0%BE.pdf> (дата обращения 26.12.2020) ГОСТ

Р 56891.1–2016 Национальный стандарт российской федерации сохранение объектов культурного наследия. Термины и определения Часть .1 Общие понятия, состав и содержание научно-проектной документации <https://docs.cntd.ru/document/1200133115>

18. Клиэ. Г. Оценка подлинности в контексте Конвенции по Всемирному наследию // Международная конференция, посвященная проблеме подлинности применительно к конвенции об охране Всемирного наследия. Нара. 1994. URL: <https://kgiop.gov.spb.ru/media/uploads/userfiles/2015/08/27/Клиэ.pdf> (дата обращения: 20.10.2019).

19. Кодекс профессиональной этики Международного Совета по делам музеев ICOM (International Council of Museums) [1986] // Новости ICOM. Т. 39. — 1986, No 1. — С. 19. URL: <http://www.art-atelier.ru/index.php?id=380> (25.04.2019).

20. Конвенция об охране Всемирного культурного и природного наследия // Генеральная конференция Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. Париж. 1972. URL: <https://whc.unesco.org/archive/convention-ru.pdf> (дата обращения: 20.10.2020).

21. Краснова Т. Н. Реставрационная деятельность как фактор возможного разрушения археологической керамики. Журнал Института Наследия. Материалы Научно-практической конференции аспирантов и молодых ученых. 2021/1 (24) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/restavratsionnaya-deyatelnost-kak-faktor-vozmozhnogo-razrusheniya-arheologicheskoy-keramiki/viewer>

22. Краснова, Т.Н. Археологическая реконструкция изделий из керамики в музейной практике: принципы, задачи, возможности /Наследие веков. Краснодар, 2021, №2, С.100–114. URL: <http://heritage-magazine.com/index.php/HC/>

article/view/426. — DOI: <https://doi.org/10.36343/SB.2021.26.2.008> (0,5 п. л.).

23. Международная Хартия по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест (Венецианская хартия) от 31 мая 1964 года. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901756982> (дата обращения 18.12 2020).

24. Нарский документ о подлинности (Нара, ноябрь 1994) Документ принят на XII Генеральной Ассамблее ИКОМОС (Мехико, октябрь 1999). . http://kgiop.ru/media/uploads/userfiles/2015/08/27/%D0%9D%D0%B0%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82_%D0%BE_%D0%BF%D0%BE%D0%B4%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8_1994_1.pdf (дата обращения 16.12 2020).

25. Нормативно-методическое издание. Сборник. Свод реставрационных правил «Рекомендации по проведению научно-исследовательских, изыскательских, проектных и производственных работ, направленных на сохранение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. Общие положения». СРП-2007 (4-я редакция).

26. Федеральный закон "Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации" от 25.06.2002 N 73-ФЗ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ (дата обращения 16.12 2020)

27. Федеральный закон N 54-ФЗ "О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации" (с изменениями и дополнениями)

28. Руководство по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия. https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000369013_rus

THE CONCEPT OF AUTHENTICITY IN IN THE CONTEXT OF THE PRESERVATION OF CULTURAL HERITAGE

Krasnova Tatyana Nikolaevna,

Applicant, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after D.S. Likhachev (Institute of Heritage), st. Kosmonavtov, 2, Moscow, Russia, 129366
e-mail: tatyana.n.krasnova@gmail.com

Abstract

The purpose of this work is an attempt to eliminate the discrepancies in the concept of authenticity, its concretization in relation to the tasks of preserving the archaeological heritage. The methodological basis of the research is the analysis of existing documents regulating relations in the field of preservation and restoration of heritage, as well as problematic publications on this topic. This allowed us to conclude that authenticity is an objective property of any archaeological object and an indicator of its existence. Using this concept in solving the problems of preserving the national heritage, it will be possible to clearly establish the boundaries of restoration interventions and prevent the transformation of genuine monuments of history and culture into fictitious ones.

Keywords

Archaeological sites, monument, preservation, cultural heritage, authenticity, value, restoration, reconstruction.

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

RAR

УДК 008

ББК 71

DOI 10.34685/NI.2022.36.1.013

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОФИЦИАЛЬНОГО И МАССМЕДИЙНОГО ДИСКУРСА В ПРОДВИЖЕНИИ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ: АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Ермакова Мария Александровна,
соискатель,

Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва (Институт Наследия)
Москва, Российская Федерация
medvedeva-m-a@mail.ru

Аннотация

В статье представлен аксиологический взгляд на общемировые тенденции в семейной политике, рассмотрена проблема внедрения новых ценностных основ жизни человека в массмедийный дискурс. На основе документальных источников и экспертной аналитики прослежена взаимосвязь этих явлений с демографическим кризисом на большей части российских регионов, а также специфика демографической ситуации в регионах Северного Кавказа в контексте ценностных предпосылок. В фокусе внимания автора оказались трансформационные процессы, происходящие в России в последние годы в официальном и массмедийном дискурсе. Автор указывает на своевременность трансформации риторики руководства страны и нормотворческой деятельности в духе ценностно-цивилизационного подхода и необходимость его дальнейшего распространения.

Ключевые слова

Семейные ценности, традиционные ценности, Конституция РФ, средства массовой информации, коммуникации.

Сегодня многие осознают силу воздействия средств массовой коммуникации на общественное сознание, а такое понятие, как информационные войны давно и прочно вошло в общественно-политический и научный дискурс. Важнейшим полем для битв на таких войнах являются ценности. Аксиологический аспект ведения информационных войн на межгосударственном уровне как широкий взгляд на проблему осознается многими исследователями как неотъемлемый¹. Л. Воронцова и Д. Фролов первой из перечня задач, которые ставит перед собой субъект информационного противоборства, называют навязывание определенных стандартов образа жизни и системы ценностей².

Традиционная семья как союз мужчины и женщины, чьим приоритетом является продолжение рода и достойное воспитание детей — фундамент общества и базовая ценность не только для российской цивилизации. Сегодня сценарии будущего государств и цивилизаций во многом зависят от того, насколько этот фундамент укреплен (или не укреплен).

Семейные ценности в их традиционном понимании терпят серьезные нападки со стороны современной западной (западно-либеральной, евроатлантической) цивилизации. В наиболее активную фазу этот процесс вошёл в середине прошлого века, после Второй Мировой войны. Примерно тогда же Тойнби писал, что развитие западного технологического нау-хау может оборвать историю человечества на полуслове³. В это же самое время западное ценностно-технологическое нау-хау запустило машину так называемых технологий планирования семьи, за реализацию которых активно взялась молодая Организация Объединённых Наций. Главной угрозой планеты было провозглашено перенаселение, что определило политику действий как ограничение рождаемо-

сти. Миф о перенаселении и следующая из него идеология отказа от рождения детей «ради сохранения планеты» (следом субкультурой чайлдфри набирает обороты так называемая философия антинатализма) — один из наиболее влиятельных в современном мировом медиадискурсе.

Самым эффективным инструментом институтов планирования семьи, как показала новейшая история, стала девальвация традиционных духовно-нравственных ценностей. Этот процесс был запущен при помощи депатологизации гомосексуализма в 1960-е, сопровождавшийся давлением на Американскую психиатрическую ассоциацию (АПА)⁴ и соответствующей кампанией в СМИ. Далее частные и правительственные фонды, с помощью СМИ, творческих и научных институтов, официальной риторики, нормотворческой деятельности и других инструментов взялись за пропаганду гомосексуального и беспорядочного образа жизни, признание брака как пережитка прошлого, ухода от многодетной модели семьи, насаждение абортивных средств контрацепции и аборт, разращение детей и молодёжи путём так называемого сексуального просвещения и другие задачи⁵.

Эти задачи и прямо, и завуалировано декларированы в документах Комитета ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин⁶, Международной конференции ООН по народонаселению и развитию (Каир)⁷, Стамбульской конвенции по защите прав женщин и других. Меры оказались действенными: «бомба депопуляции»

1 Бурова М. Л. Информационные войны: аксиологический аспект [Электронный ресурс] // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2014. – № 4. – С. 31–39. URL: <http://fkiio.ru/?p=1314> (дата обращения: 05.11.2021)

2 Воронцова Л., Д. Фролов История и современность информационного противоборства. – М.: Горячая линия Телеком, 2006. – 192. С. 79 [Электронный ресурс] // <http://www.twirpx.com/file/199402/> (дата обращения: 22.10.2021)

3 Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2011. – 318. С. 52

4 Лысов В.Г. Информационно-аналитический доклад. Риторика гомосексуального движения в свете научных фактов [Электронный ресурс] // Красноярск: Научноинновационный центр, 2019. URL: <http://nkras.ru/arhiv/2019/lysov.pdf> (дата обращения: 29.09.2021)

5 Заключительные замечания по восьмому периодическому докладу Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: <http://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc=6QkG1d%2fPPRiCAqhKb7yhsnINnqKYBbHCTOaqVs8CBP2%2fEjgS2uWhk7nuL22CY5Q6EygEUW%2bboviXGrj6B4KEJtSx4d5PifNptTh34zFc91S93Ta8rrMSy%2fh7ozZ373Jv> (дата обращения: 17.08.2021)

6 Там же

7 Доклад Международной конференции по народонаселению и развитию, Каир, 1994 [Электронный ресурс] // URL: https://www.unfpa.org/sites/default/files/event-pdf/icpd_rus.pdf (дата обращения: 01.11.2021)

(А.Карлсон)⁸ обрушилась на большинство так называемых развитых стран.

Подобное лечится подобным: поскольку машина планирования семьи работает при помощи идеологического инструментария, существенное противодействие ей могут оказать только парадигмы, имеющие мощные традиционно-ценностные установки. В обществах, демонстрирующих приверженность к традиционным семейным ценностям (следует отметить, что соответствующим исконным традициям их цивилизаций), цели институтов планирования семьи терпят поражение. В частности, при всей своей неоднородности, Исламская цивилизация (по Хантингтону) как наиболее последовательный противник западного либерализма, все прошедшие десятилетия демонстрировала завидный рост численности населения, причём не только на территориях своих государств, но и на территориях «Старого света».

В 1990-е годы Россия, открытая всем «западным ветрам», активно примеряла на себя идеи западно-либеральной цивилизации. Результат не заставил себя долго ждать: вслед за поколением «бэйби-бумеров» 1980-х в стране грянул серьёзнейший демографический спад 1990-х. «Конец истории» (Ф. Фукуяма) казался близок к реальности. Спад этот не прекращается сейчас, несмотря на более благоприятные, чем в «допутинскую» эпоху, экономические условия. Более того, по мнению демографов, Россия ещё не наступала дно своей демографической ямы⁹.

Суммарный коэффициент рождаемости (далее СКР) на территории России в 2020 году — 1,5 (отрицательный для воспроизводства населения). Вопреки расхожему (и продвигаемому) мнению, суть этой тенденции не столько в экономической стабильности. Самую высокую рождаемость демонстрируют регионы Северного Кавказа: в Республике Ингушетия, Чеченской Республике, Республике Дагестан, Республике Северная Осетия-Алания СКР более 1,9. Именно

в этих регионах после распада СССР наблюдается возрождение этнокультурных и социокультурных традиций, одним из столпов которых являются традиционные семейные ценности. Преодолев период советской пропаганды ухода от патриархальной модели семьи, сегодня в северокавказском регионе «именно традиционная культура народов, населяющих регионы, является важнейшим фактором согласия, развития <...> а выживание наших южных народов стало возможным только благодаря крепости обычаев, традиций, семейных и общественных отношений», отмечает С. Цуцулаева¹⁰.

На заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 2021 года, повесткой которого стали «человек, ценности, государство», президент В.Путин так объяснил этой феномен: «Разрушение вековых ценностей, веры, отношений между людьми вплоть до полного отказа от семьи — такое было, — насаждение и поощрение доносительства на близких — всё это объявлялось поступью прогресса и, кстати говоря, в мире достаточно широко поддерживалось тогда и было модным, так же, как и сегодня». А ценность семьи Путин назвал второй универсальной, после ценности жизни: «...потому что в основе — продолжение рода. Мы хотим быть или не хотим? Быть или не быть? Если мы не хотим быть, тогда и ладно. Понимаете, адаптировать — это тоже хорошо, это очень важно, но для того, чтобы ребёнка адаптировать, его кто-то должен родить»¹¹.

Согласно данным исследования НАФИ, на сегодняшний день почти половина россиян до 45 лет вообще не намерены заводить детей¹².

8 Карлсон А. Общество - семья - личность: социальный кризис Америки : Амер. шк. альтернатив. социологии // Пер. с англ. под ред. [и с предисл.] А. И. Антонова. - М. : Грааль, 2003. С. 344

9 России грозит самая глубокая демографическая яма за всю историю. Кто виноват и что делать [Электронный ресурс] // Секрет фирмы. URL: <https://secretmag.ru/survival/v-yame.htm> (дата обращения: 15.09.2021)

10 Цуцулаева С. С. Роль традиций и обычаев в сохранении духовной культуры чеченского народа в годы депортации [Электронный ресурс] // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: сб. науч. ст. по итогам междунар. науч. форума / отв. ред. И. И. Горлова; редкол. Т. В. Коваленко, А. В. Крюков, Н. А. Костина, А. А. Гуцалов. - Краснодар: Экоинвест, 2018. С. 422-425. URL: <https://heritage-institute.ru/wp-content/uploads/2018/12/KulturnoeNasledieSevernogoKavkaza.pdf> (дата обращения: 02.09.2021)

11 Заседание дискуссионного клуба «Валдай» [Электронный ресурс] // Сайт президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66975> (дата обращения: 17.11.2021)

12 Исследование: почти половина россиян от 18 до 45 лет не хотят заводить детей [Электронный ресурс] // ТАСС.

Молодёжь, особенно живущая в мегаполисах, демонстрирует приверженность современной западной системе ценностей, в которой брак является пережитком прошлого либо союзом без устойчивых обязательств, а рождение детей — это вопрос скорее исключительного порядка. Власти страны не могут не реагировать на такое положение дел.

В 2020–2021 годы официальный дискурс в России продемонстрировал качественный сдвиг, который следует характеризовать как ценностно-цивилизационный. В послании федеральному собранию 2020 года президент В.Путин назвал народосбережение высшим национальным приоритетом. Задачи, связанные с его реализацией, заложены в принятых поправках в Конституции Российской Федерации: «...защита семьи, материнства, отцовства и детства; защита института брака как союза мужчины и женщины; создание условий для достойного воспитания детей в семье...» (Ст. 72.1 ж1 Конституции РФ).

1.09.2021 г. на встрече со школьниками во Владивостоке В.Путин впервые коснулся темы демографии в России в столь остром ключе. Говоря о распаде Российской Империи, он заявил: «Если бы [те события] не произошли, у нас была бы другая страна. Некоторые специалисты считают, что у нас население было бы сейчас под 500 миллионов человек. <...> Это совокупная мощь государства, которая в геометрической прогрессии постоянно увеличивается, создаётся всё более и более мощная основа развития, благополучия»¹³.

Как справедливо отмечает М. Смирнов, Конституции стран — это своего рода паспорта их цивилизации¹⁴. В. Лафитский, называя демографическую катастрофу общей бедой, считает, что её преодоление возможно лишь общими усилиями с применением при необходимости чрезвычайных мер, и предлагает свои концептуальные подходы к проектированию конституционно-правовых механизмов обеспечения демографической безопасности России¹⁵.

Следом за основным законом началась актуализация и доработка других документов. Ключевым в этом ряду можно назвать доработанную Стратегию национальной безопасности, в которой традиционные духовно-нравственные ценности упоминаются не раз в контексте необходимости их защиты и укрепления вкупе с сохранением культуры и исторической памяти (п.п. 1, 8, 11, 19, 22, 25, 25, 46), что выводит законодательский дискурс в том числе на поддержку семьи, материнства, отцовства и детства (п. 30) и формировании мотивации к многодетности (п.33). Таким образом, в единое пространство цивилизационных ценностей России заключены (помимо прочих важных компонентов) семья, культура и историческая память. Семья, как первичная ячейка общества, в которой происходит процесс формирования ценностей человека, и культура, как система, отвечающая за сохранение, производство и распространение духовных ценностей, должны работать вместе (И. Юмашева): «Роль культуры создать или сохранить ценностно-нравственный фундамент, позволяющий людям делать выбор не под угрозой запретов или санкций, а исходя из голоса совести»¹⁶.

В связи с вышесказанным, можно отметить трансформацию официального дискурса российских властей, озабоченных низкой рождаемостью и осознающих тесную связь демографического упадка с кризисом восприятия духовно-нравственных ценностей, нуждающихся в защите от внешнего «агрессора» в лице ряда государств, предпринимающих попытки их целенаправленного размывания.

Вместе с этим, важнейшими инструментами трансляции ценностей остаются культура и СМИ. Даже поверхностный анализ контента российских СМИ и художественных произведений, созданных в последние десятилетия, демон-

URL: <https://tass.ru/obschestvo/9598459> (дата обращения: 14.09.2021)

13 Путин отметил, что население России, по некоторым оценкам, могло составить 500 млн человек. [Электронный ресурс] // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/12268931> (дата обращения: 02.09.2021)

14 Смирнов М. Защита семьи, материнства, отцовства и детства // Основной закон России: величие страны и достоинство граждан / Под ред. Ф. З. Алиева, Б. В. Межуева, А. Б. Рудакова. – Рыбинск: Медиарост, 2021. С 103.

15 Лафитский В. И. Конституционные ценности семьи в борьбе цивилизаций за выживание. Монография // Москва : Проспект, 2021. С. 211

16 COVID-19 и рождаемость: новые вызовы отечественной демографии [Электронный ресурс] // МИА «Россия Сегодня». URL: <http://pressmia.ru/pressclub/20201120/952989678.html> (дата обращения: 01.11.2021)

стрирует расщепление и в российском, и в западном обществе, водоразделом которого являются духовно-нравственные и семейные ценности. Как отмечают руководители форума в защиту семейных ценностей «За жизнь», продвижение в СМИ и культуре семейных ценностей затруднительно. Единственное направление в продвижении, доступное для системного PR, — профилактика аборт. В вопросе о продвижении традиционных и «новых» семейных ценностей через СМИ обращаться приходится, прежде всего, к нетрадиционным. Агрессивное продвижение — удел сторонников «новой этики».

Поскольку традиционные СМИ и их цифровые дублиры теряют доверие среди большинства групп населения (особенно молодёжной аудитории), в авангард этого движения встали новые формы СМИ: соцсети, блогерские платформы, видеохостинги. Они стремятся привлечь внимание молодых людей, находящихся в периоде нравственного становления. В отличие от традиционных СМИ, новые формы действуют прицельно в аудиторию, а технологии искусственного интеллекта позволяют воздействовать на конкретного человека¹⁷.

Продвижение нетрадиционных семейных, «вестернизированных» ценностей имеет агрессивный и повсеместный характер. На пальцах одной руки перечислить большие голливудские фильмы последних лет, где бы ни было сюжетной линией гомосексуальных отношений. В качестве важной тенденции здесь можно отметить особенности репрезентации: если в прежние годы герой-гомосексуалист был фигурой угнетённой, то теперь он полноценный член общества и его проблемы не связаны с его сексуальной идентичностью. В качестве наиболее актуального примера продвижения нетрадиционных ценностей в Европе можно назвать признание на Венецианском фестивале лучшим фильмом «Событие», чей пафос сводится к единственной идее — утверждении права женщины на аборт.

Российских примеров тоже достаточно: так, российский режиссёр К. Серебренников готовит

фильм о русском композиторе П.И. Чайковском, где гей-линия сюжета является ведущей (между тем гомосексуальность великого русского композитора является совершенно не доказанным фактом).

Поскольку для акторов любой войны главным вопросом является обеспечение собственной безопасности, в условиях информационной войны за базовые ценности следует сделать некоторые выводы, связанные с обеспечением информационной безопасности в России.

Говоря современным языком рынка, традиционные семейные ценности — наш «внутренний продукт». Его конкурент — западные анти-семейные ценности — «импортный продукт». На российском «рынке» идёт конкуренция двух продуктов, и наш «продукт» уступает на фоне экспансии западного конкурента. Глобальный рынок больше, агрессивнее. Свои «новые семейные ценности» он уже продвигает лучше. Именно поэтому в России справедливо вводят ограничения на работу СМИ, существующих на западный или прозападный капитал, а традиционные ценности утверждаются на законодательном уровне как основа российской цивилизационной идентичности. Следом за В. Лафитским, М. Смирновым и другими, отметим необходимость дальнейшего распространения норм обновлённой Конституции РФ, касающихся традиционных духовно-нравственных ценностей, в законодательство РФ и документы стратегического планирования.

Список литературы

1. COVID-19 и рождаемость: новые вызовы отечественной демографии [Электронный ресурс] // МИА «Россия Сегодня». URL: <http://pressmia.ru/pressclub/20201120/952989678.html> (дата обращения: 01.11.2021)

2. Бурова М. Л. Информационные войны: аксиологический аспект [Электронный ресурс] // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2014. – № 4. – С. 31–39. URL: <http://fikio.ru/?p=1314> (дата обращения: 05.11.2021)

3. Воронцова Л., Д. Фролов История и современность информационного противоборства. – М.: Горячая линия Телеком, 2006. 192. С. 79 [Электронный ресурс] // <http://www.twirpx.com/file/199402/> (дата обращения: 22.10.2021)

4. Доклад Международной конференции по народонаселению и развитию, Каир, 1994 [Элек-

17 Ермакова М.А. Цифровая культура и новые формы СМИ: особенности воздействия на аудиторию [Электронный ресурс] // Культурное наследие России. 2021. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-kultura-i-novye-formy-smi-osobennosti-vozdeystviya-na-auditoriyu> (дата обращения: 23.09.2021)

тронный ресурс] // URL: https://www.unfra.org/sites/default/files/event-pdf/icpd_rus.pdf (дата обращения: 01.11.2021)

5. Ермакова М.А. Цифровая культура и новые формы СМИ: особенности воздействия на аудиторию [Электронный ресурс] // Культурное наследие России. 2021. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-kultura-i-novye-formy-smi-osobennosti-vozdeystviya-na-auditoriyu> (дата обращения: 23.09.2021)

6. Заключительные замечания по восьмому периодическому докладу Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: <http://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc=6QkG1d%2fPPRiCAqhKb7yhsnINnqKYBbHCTOaqVs8CBP2%2fEJgS2uWhk7nuL22CY5Q6EygEUW%2bboviXGrJ6B4KEJtSx4d5PifNptTh34zFc91S93Ta8rrMSy%2fH7ozZ373Jv> (дата обращения: 17.08.2021)

7. Заседание дискуссионного клуба «Валдай» [Электронный ресурс] // Сайт президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66975> (дата обращения: 17.11.2021)

8. Исследование: почти половина россиян от 18 до 45 лет не хотят заводить детей [Электронный ресурс] // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/9598459> (дата обращения: 14.09.2021)

9. Карлсон А. Общество - семья - личность: социальный кризис Америки : Амер. шк. альтернатив. социологии // Пер. с англ. под ред. [и с предисл.] А. И. Антонова. - М. : Грааль, 2003. С. 344

10. Лафитский В. И. Конституционные ценности семьи в борьбе цивилизаций за выживание. Монография // Москва : Проспект, 2021. С. 211

11. Лысов В.Г. Информационно-аналитический доклад. Риторика гомосексуального движения в свете научных фактов [Электронный

ресурс] // Красноярск: Научноинновационный центр, 2019. URL: <http://nkras.ru/arhiv/2019/lysov.pdf> (дата обращения: 29.09.2021)

12. Путин отметил, что население России, по некоторым оценкам, могло составить 500 млн человек. [Электронный ресурс] // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/12268931> (дата обращения: 02.09.2021)

13. России грозит самая глубокая демографическая яма за всю историю. Кто виноват и что делать [Электронный ресурс] // Секрет фирмы. URL: <https://secretmag.ru/survival/v-yame.htm> (дата обращения: 15.09.2021)

14. Смирнов М. Защита семьи, материнства, отцовства и детства // Основной закон России: величие страны и достоинство граждан / Под ред. Ф. З. Алиева, Б. В. Межуева, А. Б. Рудикова. – Рыбинск: Медиарост, 2021. С 103.

15. Сулейманова Ш.С., Назарова Е.А. Информационные войны: история и современность: Учебное пособие. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2017. С. 124

16. Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2011. С. 52

17. Цуцулаева С. С. Роль традиций и обычаев в сохранении духовной культуры чеченского народа в годы депортации [Электронный ресурс] // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: сб. науч. ст. по итогам междунар. науч. форума / отв. ред. И. И. Горлова; редкол. Т. В. Коваленко, А. В. Крюков, Н. А. Костина, А. А. Гуцалов. – Краснодар: Экоинвест, 2018. С. 422-425. URL: <https://heritage-institute.ru/wp-content/uploads/2018/12/KulturnoeNasledieSevernogoKavkaza.pdf> (дата обращения: 02.09.2021)

TRANSFORMATION OF OFFICIAL AND MASS MEDIA DISCOURSE IN THE PROMOTION OF FAMILY VALUES: CURRENT TRENDS

Ermakova Maria Aleksfndrovna,
applicant, Likhachev Russian Research Institute for
Cultural and Natural Heritage
medvedeva-m-a@mail.ru

Abstract

The article presents an axiological view of global trends in family policy, considers the problem of introducing new value foundations of human life into the mass media discourse. On the basis of documentary sources and expert analysis, the interrelation of these phenomena with the demographic crisis in most of the Russian regions, as well as the specifics of the demographic situation in the regions of the North Caucasus in the context of value prerequisites is traced. The author focuses on the transformational processes taking place in Russia in recent years in the official and mass media discourse. The author points out the timeliness of the transformation of the rhetoric of the country's leadership and rule-making activities in the spirit of the value-civilization approach and the need for its further dissemination.

Keywords

Family values, traditional values, the Constitution of the Russian Federation, mass media, communications.

RAR

УДК 008

ББК 71

DOI 10.34685/NI.2022.36.1.014

ФОРМИРОВАНИЕ ЕДИНОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА РЕГИОНА: ИНСТИТУТЫ И ПРАКТИКИ

Орлов Сергей Николаевич,

специалист,

ФГБОУВО «Российская академия музыки имени Гнесиных»,

orlovsn_99@mail.ru

Аннотация

В статье раскрываются авторская теоретическая модель анализа изменений в культурном пространстве региона, обусловленных информатизацией общества. Утверждается, что нельзя не учитывать корреляцию факторов усложнения и упрощения механизмов формирования единого культурного пространства региона в контексте существующих теоретических подходов.

Ключевые слова

Культурное пространство региона, культурная политика, идентичность, общегражданская идентичность, социальная коммуникация, культурологическая атрибуция, институты, практики.

Проблема формирования единого культурного пространства региона — одна из злободневных. Об этом, в частности, говорит неизменный к ней научный интерес как в России¹, так и за рубежом².

Одной из ключевых она является и в плане осуществления задач государственной политики России. С одной стороны (III, 17: а, б), первейшая цель национальной политики — «укрепление национального согласия, обеспечение политической и социальной стабильности, развитие демократических институтов», а также «общероссийской гражданской идентичности и единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации)», с другой (III, 17: в, г, д), — речь идет об обеспечении «равенства прав и свобод человека и гражданина...», сохранения и поддержки «этнокультурного

1 Замятин Д.Н., Замятина Р.Ю. Моделирование образов историко-культурной территории: методические и теоретические подходы / Д. Н. Замятин, Н. Ю. Замятина, И. И. Митин. М., 2008; *Континуум культуры регионов* / ред. Л. Н. Захарова. СПб, 2012. ; *Региональная культурная политика: методология, институты, практики (ценностно-нормативный подход)* / И. И. Горлова, Т. В. Коваленко, А. В. Крюков [и др.]. М., 2019. и др.

2 Morrissey K.G. *Mental Territories: Mapping the Inland Empire*. Ithaca, 1997. ; Verma A. *Cultural and Visual Flux at Early Historical Bagh in Central India*. Oxford, 2007. ; Lewis I.M. *Understanding Somalia and Somaliland: Culture, History, Society*. NY., 2008. ; Bordat-Chauvin E. *When Cultural Policies Change: Comparing Mexico and Argentina*. Bristol, 2015. ; Rosa H. *Resonanz: Eine*

Soziologie der Weltbeziehung. Berlin, 2016. ; Zamarbide A. *Buffers beyond Boundaries: Bridging theory and practice in the management of historical territories*. Bristol, 2019. ; Doustaly C. *Heritage, Cities and Sustainable Development: Interdisciplinary Approaches and International Case Studies*. Bristol, 2020. и др.

и языкового многообразия Российской Федерации, традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основы российского общества», что невозможно без последовательной политики гармонизации «межнациональных (межэтнических) отношений»³. В целом, единое культурное пространство России, пространство российской нации, как заложено в стратегическом государственном документе, структурируется из совокупности уникальных локальных культур её регионов. Соответственно, единство культурного пространства региона является залогом общенационального единства. Между тем, регионы сталкиваются как с внешними, так и с внутренними вызовами в условиях усиления интеграционных процессов культурных пространств, обусловленных информатизацией современных обществ. Поэтому проблемы российских регионов представляют одну из актуальных тем научных форумов.

По мысли М. Кастельса, культурные пространства составляют пространственно-временные конфигурации социальных структур, организованных вокруг отношений производства и потребления, власти и опыта⁴. Обобщая дискуссии в социологии последней четверти XX в. (Э. Гидденс, А. Турен, Э. Смит, Б. Барбер, П. Холл, К. Фриман и др.), он приходит к выводу, что любое культурное пространство сложно структурировано и географически нестабильно — то сужается, то расширяется в зависимости от складывающихся, функционирующих и распадающихся социальных сетей управления, хозяйствования или досуга. Основная мысль М. Кастельса сводится к утверждению, что социальные сети не являются новоизобретением последнего времени, но их роль в условиях информатизации общества становится определяющей: современная политика в итоге базируется на управлении социальными сетями, которые с легкостью преодолевают любые политические и географические границы.

Т. Хайманн отмечает, что появление общих институтов приводит к созданию общей реальности, ценностей и идентичностей. В такой общей реальности региональные или национальные границы теряют свое значение⁵. Культура как совокупность социальных отношений, порождающих ценности и нормы (реляционное пространство), оказывается не тождественна географии места. Она разыгрывается, воспроизводится и в конечном итоге трансформируется социальными актёрами, укорененными в социальной структуре, но при этом способными участвовать в конфликтных социальных практиках с непредсказуемыми результатами.

Не смотря на различия институционального (Кастельс) и реляционного (Хайманн) подходов, они проясняют принципиальную дилемму формирования единого культурного пространства региона в условиях интенсивной информатизации. С одной стороны, гомогенизация культуры региона становится неминуемым следствием стремления преодолеть конфликтные ситуации и упреждать распространение конфликтных практик социальных институтов на его территории. С другой, — сетевые структуры институтов, распространяющиеся далеко за пределы географии региона, способны формировать собственные коллаборации на его территории, усиливая дивергентные процессы и игнорируя управляющую роль регионального центра. При этом информатизация и цифровизация общества усиливает влияние именно сетевых структур, все легче преодолевающих пространственные ограничения.

На V Российском культурологическом конгрессе прозвучал ряд тезисов, нацеленных на преодоление конфликта сетевых структур и центров регионального управления. С одной стороны, по мнению О.Н. Астафьевой, усиление неопределенности (структурной, ценностной, информационной, цивилизационной и пр.) перед культурной политикой ставит задачу смены реактивной доктрины на проактивную⁶. Это требование времени, не испол-

3 Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (В редакции Указа Президента Российской Федерации от 06.12.2018 № 703) // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512/page/2> (дата обращения 16.12.2021).

4 Castells M. Materials for an Exploratory Theory of the Network Society // *British Journal of Sociology*. 2000. Vol. 51 Is. 1. P. 5–24.

5 Heimann T. *Culture, Space and Climate Change: Vulnerability and Resilience in European Coastal Areas*. Routledge, 2020. P. 205.

6 Астафьева О.Н. Теоретические модели и массмедийный дискурс культурной политики современной России //

нение которого угрожает способности России к цивилизационному самоопределению, — сохранению государственного суверенитета и самобытности культур населяющих просторы нашей Родины народов⁷. С другой — необходимы конкретные шаги по усилению управляемости социокультурных процессов, шаги по реализации накопленного теоретико-методического опыта⁸. Интеграция теоретического опыта в практику управления усложнена многообразием подходов и разногласиями экспертных мнений. В этой связи ценным представляется предложение использовать культурологическую атрибуцию для анализа происходящих в современной культуре изменений⁹. Культурологическая атрибуция изменений с актёрами

этих изменений в рамках их типологии позволяет рассмотреть взаимосвязь основных изменений с факторами формирования единого культурного пространства региона. Обзор всех существующих подходов, хоть и освобождает от риска эклектики¹⁰, утяжеляет изложение результатов. Поэтому проанализируем три основных: институциональный (неинституциональный), реляционный и ценностно-нормативный. Институционализация происходит в результате удовлетворения обществом основных своих потребностей. Это представление является, но типологии существующих институтов и практик разнятся (Таб. 1):

Таб. 1. *Институты и практики в различных подходах*

Подходы	Институциональный	Реляционный	Ценностно-нормативный
Институты	Организации и обществ. объединения	Субъекты коммуникации	Субъекты деятельности (личность и общество)
Практики	Экономические, политические, культурные	Кибернетические и конвенциональные	Индивидуальные и коллективные

Соответственно, возникают разночтения в способах и движущих силах формирования единого культурного пространства региона (Таб. 2):

Культурное наследие — от прошлого к будущему. СПб.; М., 2021. С. 28–29.

7 Драч Г.В. Цивилизационное самоопределение России в пространстве культурологического дискурса // Культурное наследие — от прошлого к будущему. СПб.; М., 2021. С. 30–31.

8 Горлова И.И. Региональная культурная политика: теория, методология и практика аксиологического анализа // Культурное наследие — от прошлого к будущему. СПб.; М., 2021. С. 30.; Торосян В.Г. Культурная политика как «мягкая сила» // Культурное наследие — от прошлого к будущему. СПб.; М., 2021. С. 111–112.; Купцова И.А. Культурная политика как средство развития регионов России: анализ современных практик // Культурное наследие — от прошлого к будущему. СПб.; М., 2021. С. 103. и др.

9 Бакуменко Г.В. Метатеоретический аспект культурологии // Культурное наследие — от прошлого к будущему.

СПб.; М., 2021. С. 39.; Он же. Проблемная область культуры научной коммуникации // От идеи к практике: социогуманитарное знание в цифровой среде. Новосибирск, 2021. С. 39–45.; Он же. Пределы культурной травмы в условиях COVID-19 // «Вызов» в повседневной жизни населения России: история и современность. СПб., 2021. С. 61–66.; Он же. Ценностная динамика символов успеха: на материале статистики кинопроката. М., 2021. С. 23–25; 89–98.

10 Бакуменко Г.В. Метатеоретический аспект культурологии // Культурное наследие — от прошлого к будущему. СПб.; М., 2021. С. 39.

Таб. 2. Способы формирования единого культурного пространства региона

Подходы	Институциональный	Реляционный	Ценностно-нормативный
Институты	Безопасность, производство и потребление	Понимание, управление, трансляция	Самореализация и самосовершенствование
Конфликты	Конкуренция	Непонимание	Культурные различия
Способы	Созидание ценностей	Созидание смыслов и ценностей	Созидание и сохранение смыслов и ценностей

Неолиберальная доктрина, опирающаяся на синтез неоинституционального и реляционного подходов сконцентрирована на кибернетической модели коммуникации, подразумевающей иерархию производства ценностей и смыслов от производящего центра к потребляющей периферии. Наиболее жесткая конкуренция разворачивается именно в сфере производства смыслов. Поэтому сохранение уже произведенных смыслов и ценностей оказывается за рамками интересов акторов коммуникационных отношений. Инновационная экономика не отрицает капитализацию ценностей, но ориентирована на приоритет производства новых ценностей и смыслов, включая переосмысление уже произведенного.

Ценностно-нормативный подход (Г. Хофстеде, Р. Инглхарт и др.) путем картирования характеризует культурные территории как набор устойчивых ценностно-нормативных отношений. Ценность нового или изменчивого не исключается, но определяется в контексте устойчивости.

Вполне очевидно, что различные подходы по-разному характеризуют социальную (культурную) реальность. Ставя задачу формирования единого культурного пространства региона, нельзя не учитывать, что на его территории реализуется многообразие программ жизнедеятельности общества, требующих для управления применения различных аналитических моделей.

Обозначив основные позиции в трех теоретических подходах, рассмотрим фундаментальные изменения в обществе, связанные

с информатизацией: унификацию управления¹¹ (см. в «Таб. 3» «УУ») и асинхронию социального времени¹² (см. в «Таб. 3» «АСВ»). Эти тенденции следует отнести к факторам усложнения/упрощения формирования единого культурного пространства региона (Таб. 3):

Культурологическая атрибуция унификации управления и асинхронии социального времени позволяет предложить теоретическую модель, учитывающую корреляцию факторов усложнения и упрощения формирования культурного пространства региона (см. Таб. 3). Между обозначенными коррелятами предполагается прямая связь: 1) чем проще принятие управленческих решений, тем сложнее осуществлять обратную связь периферии с управляющим центром; 2) чем проще механизмы ограничений и контроля, тем сложнее факторы неопределенности; 3) чем проще система государственного правления и транс-

- 11 Hollnagel E. Synesis: The Unification of Productivity, Quality, Safety and Reliability. London, 2020. ; Бойкова М., Ильина И., Салазкин М. «Умная» модель развития как ответ на возникающие вызовы для городов // Форсайт. 2016. №3. С. 65–75. ; Певная М.В., Шуклина Е.А. Институциональные ловушки нелинейного развития высшего образования в России // ИТС. 2018. №1 (90). С. 77–90.
- 12 Rosa H. Resonanz: Eine Soziologie der Weltbeziehung. Berlin, 2016. ; Синецкий С.Б. Универсальные приоритеты и цивилизационные парадигмы культурной политики в XXI веке // Политика и культура: проблемы взаимодействия в современном мире. Будапешт ; Киров, 2019. С. 8–17. ; Бакуменко Г.В. Пределы культурной травмы в условиях COVID-19 // «Вызов» в повседневной жизни населения России: история и современность. СПб., 2021. С. 61–66.

Таб. 3. Корреляты факторов формирования культурного пространства региона

Факторы	Тенденции		Акторы		
	УУ 1)	АСВ 2)	Институты 3)	Отношения 4)	Деятельность 5)
Усложнения	Обратная связь	Усиление неопредел.-сти	Образование, наука, религия	Конвенц.-е	Инд.
Усложнения	Принятие решений	Ограничение и контроль	Госуправление и ТНК	Киберн.-е	Колл.

национальных корпораций, тем сложнее реализуются функции образования, науки и религии; 4) чем проще кибернетические связи в социальной коммуникации, тем сложнее процедуры формирования в ней новых конвенций; 5) чем проще механизмы осуществления коллективной деятельности, тем сложнее осуществлять индивидуальную. Предложенная модель нуждается в апробации. Вполне очевидно, что упрощение механизма формирования единого культурного пространства региона одним из субъектов социальной жизни ведет к усложнению участия в управлении этим пространством других. Это положение соответствует теории игр¹³, что предполагает возможность более детальной теоретической проработки предложенной модели перед её экспериментальным испытанием.

Возможности современных технологий упрощать процесс формирования культурного пространства сильно преувеличены. Их интенсивное развитие требует выработки «гуманистического императива развития цифровой экономики и цифровой цивилизации в России и мире»¹⁴ ввиду усиления неопределенности базовых ценностей как результата ускорения интеграционных процессов.

Таким образом, культурологическая атрибуция культурных изменений с актёрами этих изменений в рамках их типологии, а также атрибуция практики формирования единого культурного пространства региона с несколькими теоретическими подходами позволяет предложить авторскую теоретическую модель факторов усложнения/упрощения управления культурным пространством региона. Она, безусловно, нуждается в критике и дальнейшей теоретической проработке, а за тем и в экспериментальной апробации непосредственно в практике управления.

Список литературы

1. Астафьева О.Н. Теоретические модели и массмедийный дискурс культурной политики современной России // Культурное наследие — от прошлого к будущему. СПб. ; М., 2021. С. 28–29.
2. Астафьева О.Н., Никонорова Е.В., Шлыкова О.В. Культура в цифровой цивилизации: новый этап осмысления стратегии будущего для устойчивого развития // Обсерватория культуры. 2018. № 15(5). С. 516–531.
3. Бакуменко Г.В. Метатеоретический аспект культурологии // Культурное наследие — от прошлого к будущему. СПб. ; М., 2021. С. 39.
4. Бакуменко Г.В. Пределы культурной травмы в условиях COVID-19 // «Вызов» в повседневной жизни населения России: история и современность / ред. В. А. Веремченко. СПб., 2021. С. 61–66.
5. Бакуменко Г.В. Проблемная область культуры научной коммуникации // От идеи к практике: социогуманитарное знание в цифровой среде / ред. В. В. Петров. Новосибирск, 2021. С. 39–45.

13 Гареев Т.Р., Елисеева Н.А. Институты и институциональные изменения в контексте теоретико-игрового подхода // Пространство экономики. 2020. № 1. С. 102–120.

14 Астафьева О.Н., Никонорова Е.В., Шлыкова О.В. Культура в цифровой цивилизации: новый этап осмысления стратегии будущего для устойчивого развития // Обсерватория культуры. 2018. № 15(5). С. 516–531.

6. Бакуменко Г.В. Ценностная динамика символов успеха: на материале статистики кинопроката. М.: Сам Полиграфист, 2021. 276 с.
7. Бойкова М., Ильина И., Салазкин М. «Умная» модель развития как ответ на возникающие вызовы для городов // Форсайт. 2016. №3. С. 65–75.
8. Гареев Т.Р., Елисеева Н.А. Институты и институциональные изменения в контексте теоретико-игрового подхода // Пространство экономики. 2020. № 1. С. 102–120.
9. Горлова И.И. Региональная культурная политика: теория, методология и практика аксиологического анализа // Культурное наследие — от прошлого к будущему. СПб. ; М., 2021. С. 30.
10. Драч Г.В. Цивилизационное самоопределение России в пространстве культурологического дискурса // Культурное наследие — от прошлого к будущему. СПб. ; М., 2021. С. 30–31.
11. Замятин Д.Н., Замятина Р.Ю. Моделирование образов историко-культурной территории: методические и теоретические подходы / Д. Н. Замятин, Н. Ю. Замятина, И. И. Митин. М.: Институт Наследия, 2008. 760 с.
12. Континуум культуры регионов / ред. Л. Н. Захарова. СПб: Эйдос, 2012. 637 с.
13. Купцова И.А. Культурная политика как средство развития регионов России: анализ современных практик // Культурное наследие — от прошлого к будущему. СПб. ; М., 2021. С. 103.
14. Певная М.В., Шуклина Е.А. Институциональные ловушки нелинейного развития высшего образования в России // ИТС. 2018. №1 (90). С. 77–90.
15. Региональная культурная политика: методология, институты, практики (ценностно-нормативный подход) / И. И. Горлова, Т. В. Коваленко, А. В. Крюков [и др.]. М.: Институт Наследия, 2019. 206 с.
16. Синецкий С.Б. Универсальные приоритеты и цивилизационные парадигмы культурной политики в XXI веке // Политика и культура: проблемы взаимодействия в современном мире. Будапешт ; Киров, 2019. С. 8–17.
17. Торосян В.Г. Культурная политика как «мягкая сила» // Культурное наследие — от прошлого к будущему. СПб. ; М., 2021. С. 111–112.

FORMATION OF A UNIFIED CULTURAL SPACE OF THE REGION: INSTITUTIONS AND PRACTICES

Орлов Сергей Николаевич,
specialist, Gnessin Russian Academy of Music,
orlovsn_99@mail.ru

Abstract

The article reveals the author's theoretical model for analyzing changes in the cultural space of the region, caused by the informatization of society. It is argued that it is impossible not to take into account the correlation of factors of complication and simplification of the mechanisms for the formation of a single cultural space of the region in the context of existing theoretical approaches.

Keywords

Cultural space of the region, cultural policy, identity, civil identity, social communication, cultural attribution, institutions, practices.

ПРАКТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

RAR

УДК 008

ББК 71

DOI 10.34685/НІ.2022.36.1.015

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЭЗОТЕРИЧЕСКОГО ТУРИЗМА (НА ПРИМЕРЕ ТУРОВ В РЕСПУБЛИКУ КРЫМ)

Иванова Лилия Фатыховна,
кандидат педагогических наук,
профессор кафедры Туризма и гостиничного дела,
Московский гуманитарный университет,
г. Москва, ул. Юности, 5, 111395,
lili.ivan@yandex.ru

Аннотация

В российском туризме одной из характерных черт в настоящее время является уход с вектора развития традиционных направлений в сторону диверсификации туристского продукта, поиска новых маршрутов и программ. Часть туров все чаще использует эзотерические элементы, включенные в природно-ландшафтные особенности дестинаций, своеобразие исторических и этно-национальных традиций. Эзотерический туризм сегодня и в Республике Крым занял собственную нишу, сформировавшись из интереса путешественников к так называемым «местам силы».

Ключевые слова

Туристические программы, культурные маршруты, эзотерический туризм, «места силы», Республика Крым.

Туристические путешествия в связи с глобальным распространением коронавируса и масштабной пандемией изменились для россиян в сторону менее доступных поездок по всему миру. Вектор сместился с направлений выездного туризма на активные

поездки внутри страны: за 9 месяцев 2021 года совершено 53 млн. туристических поездок по России. Регионы, несмотря на временно вводимые локально те или иные ограничения, показывают результаты, сопоставимые с аналогичным результатом

2019 года. К примеру, Краснодарский край дает статистику 14,5 млн. туристских посещений региона, Санкт-Петербург — 3 млн., Татарстан — 2,7 млн.¹ Форматы туров при этом подвергаются некоторым изменениям. Явными стали два следующих диаметрально противоположных тренда:

— с одной стороны — уход в цифровую реальность: создание маркет-плейсов аудио-экскурсий, организация иммерсивных экскурсий, оцифровка объектов показа (культурно-исторических памятников), активное развитие видов туризма, связанных с видеоиграми (кибер-туризм), интерес к проекту Мета Вселенной, объединяющей в своей концепции геймификацию, виртуальную и дополненную реальность;

— с другой стороны — уход от всего традиционного выливается в новые форматы путешествий, мы наблюдаем разнообразные коллаборации видов туризма, например, растущая популярность туров спортивно-оздоровительной, лечебно-оздоровительной, реабилитационной направленности (после перенесенного заболевания Covid-19) стыкуется с интересом потребителя к непопулярным в «допандемийные» времена российским территориям и локациям.

В условиях психологической усталости (изоляции, страх перед вирусом и другие факторы стресса) и информационного давления (со стороны средств массовой информации, информационная перегрузка по работе — возросшее количество видеоконференций, обучающих вебинаров и т.д.) увеличился спрос на туры, позволяющие человеку побывать в природных локациях, аутентичных местах и заниматься традиционными и нетрадиционными оздоровительными практиками. Причем в многообразии туристических маршрутов, направлений и программ мы видим эклектическое смешение: один тур (7–10 дней) может вмещать в себя и спортивную составляющую (треккинг в горы, функциональные тренировки, занятия йогой, пилатесом и др.), медитативные практики (дыхательные упражнения и медитации), при этом остается возможным включение в тур экскурсий по культурным и природным памятникам и вкрапление в программу частей, которые будут обрамлены

некой тайной — посещение уникальных «священных» мест, присутствующих в природно-ландшафтных особенностях дестинаций, в своеобразии исторических и этнонациональных традиций.

При этом программы, которые имеют одной из основных исходных черт погружение в местный «волшебный» колорит, в которых явно присутствует эзотерическое начало, позволяет туристу не просто удовлетворять свои познавательные потребности. Ему предоставляется возможность в местах с сакральными тайнами ощутить слияние с миром природы, что несомненно способствует погружению вглубь собственного сознания, физического тела, приближения к своей внутренней действительности. Рождающееся в таких погружениях ощущение свободы, как наиболее ценностной категории, проявляющееся в появлении собственных установок, в постижении и природных истин, и в то же время, проявления чувственных внутренних переживаний, дает основание делать вывод, что эзотерические туры отнюдь не аномально-мистическое явление, а программы, способствующие духовному росту. Волков С.Н. с философской точки зрения пишет «о развитии эзотерического туризма в России как об экзистенциально-аксиологическом явлении в человеческом и социальном измерениях»².

Тайна, как столетия, тысячелетия назад, так и сегодня, является притягательной для человека: некоторых туристов она развлекает, кому-то уникальные места интересны с точки зрения истории и культуры, а для части путешественников опыт знакомства со «священными местами» становится своеобразным ритуалом перевоплощения, смены жизненных приоритетов. Помимо рационального в двойственной природе человека иррациональное всегда играло существенную роль в познании мира, как окружающего, так и внутреннего. Потому, возможно, эзотерический туризм и занял сегодня на российском ту-

1 Майя Ломидзе, АТОР: Реалии тревел-рынка 2021/2022. Электр. ресурс. - URL: <https://blog.travelpayouts.com/tras2021-ator/> / (дата обращения 09.11.2021 г.)

2 Волков С.Н. Философские аспекты эзотерического туризма как формы сельской туристической индустрии // Каспийский регион: политика, экономика, культура. - 2018. - № 2 (55). - С. 107-113. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskie-aspekty-ezotericheskogo-turizma-kak-formy-selskoy-turisticheskoy-industrii/viewer> (дата обращения 09.10.2021 г.)

ристском рынке свою собственную нишу, сформировавшись из интереса путешественников к так называемым «местам силы».

Понятие эзотерика произошло от греческого слова "esoterikos" — скрытый, внутренний. Обобщая определения, данные в словарях, можно рассматривать данную категорию как совокупность знаний и верований, основной смысл которых доступен лишь «посвященным» в мистические учения. П.Г. Носачев в научной статье, посвященной данной дефиниции, пишет о том, что, как и многие современные научные термины, «эзотерика» истоками уходит в Древнюю Грецию, а в Средние века у «эзотерического» появляется синоним «оккультное» (от латинского «occultus» — скрытое, тайное). «С приходом Нового времени термины «эзотерика» и «оккультизм», равно как и репрезентируемый ими комплекс идей, отходят на второй план, их вытесняет бурное развитие научной мысли, для которой наличие неких «тайных качеств» предметов являлось ни чем иным как поводом для того, чтобы эти тайны разгадать и постичь»³. Автор акцентирует внимание на том, что именно в Новое время — «Эпоху Разума» — появились тайные общества (например, розенкрейцеры и масоны (вольные каменщики)), «воплощавшие в себе саму суть идеи эзотеризма»⁴ — владеющие особым мастерством, сакральным знанием, но соблюдающие запреты на их разглашение и обучение посторонних; и «типичной ситуацией является совмещение в одних и тех же людях тяги к научному познанию и поискам таинственного (заметим, не с целью его раскрытия или разоблачения, а с целью приобщения к нему»⁵. Последующие столетия с бурным развитием науки и техники показали отнюдь не исчезновение подобных учений, а расширение эзотерического комплекса: спиритизм, возникший во Франции и ставший популярным в середине XIX века в Великобритании и США, а затем про-

никший и в Россию, например, в Петербургские салоны⁶; теософия, основанная Е.П. Блаватской, по мнению которой «каждый древний религиозный или философский культ состоял из эзотерического, или тайного, учения и экзотерического богослужения (предназначенного для широкой публики)»⁷; антропософия — учение о человеке как носителе тайных духовных сил, у истоков которой стоял Рудольф Штайнер⁸; явление Нью Эйдж, с коммерческим началом вписавшееся в «культуру потребления» второй половины XX века, абсолютно разноплановое, впитавшее в себя и западный оккультизм, и восточные религиозно-философские учения. Исследователь этой субкультуры Крючкова Е.В. пишет, что в Нью Эйдж есть «и идеологические течения, порой принимающие откровенно религиозный характер, и музыкальные стили, и увлечение здоровым образом жизни и др.», и «пантеистический тезис о растворённости бога в бесконечной Вселенной; идея о взаимосвязи человека как (микрокосма) и Вселенной как (макрокосма); осознание человеком безграничности своих возможностей; принятие человеком божественности своей природы; признание возможности и не греховности физического совершенства и материального благосостояния»⁹.

3 П. Г. Носачев. Эзотерика: основные моменты истории термина // Вестник ПСТГУ, I: Богословие. Философия. – 2011. – Вып. 2 (34). – С. 49–60. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: file:///C:/Users/lili/Downloads/ezoterika-osnovnye-momenty-istorii-termina%20(1).pdf (дата обращения 05.10.2021 г.)

4 Там же

5 Там же

6 Культура.РФ. Мода на мистику. Спиритические сеансы в салонах русского высшего света. Электр. ресурс. – URL: <https://www.culture.ru/materials/171910/moda-na-mistiku-spiriticheskie-seansy-v-salonakh-russkogo-vysshego-sveta> (дата обращения 05.10.2021 г.)

7 Т.В. Бернюкевич. Буддизм в теософии Е.П. Блаватской: к проблеме «философского изобретения» // Вестник РУДН. – 2009. – № 1. – С. 46–56. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: file:///C:/Users/lili/Downloads/buddizm-v-teosofii-e-p-blavatskoj-k-probleme-filosofskogo-izobreteniya.pdf (дата обращения 05.10.2021 г.)

8 В. Б. Колмаков. Несколько штрихов к «портрету» антропософии // Вестник ВГУ. Серия: Философия. – 2015. – №2. – С. 119–123. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylosophy/2015/02/2015-02-10.pdf> (дата обращения 01.10.2021 г.)

9 Крючкова Е.В. Нью Эйдж как культурная парадигма современного общества. Автореф. дисс... канд. философ. н. Астрахань, 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://dissers.ru/1kulturologiya/nyu-eydzh-kak-kulturnaya-paradigmasovremennogo-obschestva-specialnost-24-00-01-teoriya-istoriya-kulturi-avtoferat.php> (дата обращения 05.10.2021 г.)

Итак, в исторической ретроспективе эзотеризм развивался, принимая различные формы: истоки начинаются в мистике анимизма, тотемизма и фетишизма — «первобытной картине мира», магии и шаманизме, а далее практически раскрывал свой смысл в алхимии, астрологии, каббале и др. И если некоторые современные ученые рассматривают эзотеризм в качестве паранауки и парапрактики, ряд авторов с философско-культурологической точки зрения считают эзотерику синонимом гнозиса, рассматривая ее как опыт познания духовного измерения мира, как внутреннее озарение, «вхождение внутрь себя и нахождение там спасительного знания-опыта, соединяющего человека и Бога»¹⁰, как экзистенциально значимое знание, связанное с внутренним изменением и приобщением к миру высших ценностей.

Эзотерический туризм часто называют таинственным, исходя из понимания термина «эзотерика», маршруты для этого вида туризма ассоциируются с «местами силы», которые обозначаются как просветляющие, вдохновляющие, мистические, особенные, сказочные, волшебные и т.д., они разбросаны почти по всей планете. Это и природные локации (горы, пещеры, озера, водопады, ущелья и др.) и культурно-исторические объекты (пирамиды, дольмены, мегаликтические постройки, курганы и т.д.), причем появлению последних могли служить геологические особенности данного места, например, тектонические разломы. Барышников А.Б., Кошельник Е.И., исследуя урочище Три Дуба (Большой Сочи), пишут, что подобные объекты «строили там, где обостряется восприятие, все чувства напряжены и где более эффективное воздействие на психику человека», например «дольмены строились в основном в местах геологических разломов», а рассматриваемый ими ритуальный комплекс расположился в месте, где «колебания интенсивности геофизических полей, сопровождающиеся выбросами глубинного токсичного газа радона, что характерно для мест

геологических разломов, провоцировали обострение восприятия и других психологических проявлений»¹¹. Во многих этно-национальных традициях, например, шаманских, есть такие «сакральные» места, где принято общаться с духами, собираясь для определенных мистических практик. Эзотерические путешествия позволяют туристу погрузиться в эти таинства и познакомиться с духовными практиками: тибетскими, йогическими, тантристскими и др.

Рассмотрим для примера развития подобных туров Республику Крым, которая показала за первые 9 месяцев 2021 года увеличение туристского потока на 25 % — 8,3 млн. тур. посещений¹². Одной из характеристик развития программ для путешественников на полуострове является уход с вектора развития традиционно в сторону диверсификации продуктов, поиска новых культурных маршрутов, что связано с актуальностью решения проблем сезонности, для этого на полуострове имеется большой потенциал: лечебно-природные ресурсы, разнообразие ландшафтов, богатейшее культурно-историческое наследие и концентрация «мест силы»:

1. Организаторы авторских эзотерических туров называют Крым «одним сплошным местом силы» — горы, потухшие вулканы, прибрежная полоса, руины каменных городов, храмов, святилищ, пещерных городов и т.д., множество подобных объектов позволяют разрабатывать разнообразные программы круглогодично. Со времен среднего каменного (мезолит) и нового каменного веков (неолит) на полуострове сохранились мегалитические сооружения из обработанных каменных блоков: менгиры — одиночные вертикально стоящие камни (одни из самых известных — Скульские менгиры в Байдарской долине, на въезде в село Родниковское Симферопольского района, III — нач. II тыс. до н.э.), дольмены — сооружения из огромных камней: одна плита лежит на нескольких стоящих (подобные погребальные сооружения, принадлежа-

10 Носачев П. Нет ничего нового под Солнцем: «гнозис» как категория в исследовании западного эзотеризма // Государство, религия, церковь. – 2017. - №4 (35). – С. 187 – 208. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/net-nichego-novogo-pod-solntsem-gnozis-kak-kategoriya-v-issledovanii-zapadnogo-езотеризма/viewer> (дата обращения 01.10.2021 г.)

11 Барышников А.Б., Кошельник Е.И. Места силы // Новые исследования в разработке техники и технологий. – 2014. – № 2. – С. 46-51. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <file:///C:/Users/lili/Downloads/mestasily.pdf> (дата обращения 15.09.2021 г.)

12 Майя Ломидзе, АТОР: Реалии тревел-рынка 2021/2022. Электр. ресурс. – URL: <https://blog.travel payouts.com/tras2021-ator/> / (дата обращения 09.11.2021 г.)

щие таврам, датируемые X в. до н.э — III век н.э., находятся у села Новобобровское в Байдарской долине, близ Алушты — у горы Малбанын-Хыры, в Алимовой балке в Бахчисарайском районе и др.), кромлехи — группы менгиров, образующих круг или полукруг (например, кромлех, датируемый III тыс. до н.э., над западной окраиной Алушты). В программы по «местам силы» включают посещения пещерных городов: «Эски-Кермен» (VI в.), «Мангуп-Кале» (V—VI вв.), «Чуфут-Кале» (V—XV вв.), являющиеся объектами культурного наследия федерального значения¹³; пешие походы на Мыс Меганом, по горным массивам Кара-Даг, Демерджи, Чатыр-Даг и Аю-Даг, к Храму Солнца (г. Ильяс-Кая), к урочищу Кизил-Коба и др.

2. Аттрактивные для построения эзотерических маршрутов объекты сосредоточены в большей степени на Южном берегу Крыма, что решает задачу сезонности, т.е. привлечения туристов с сентября по май, актуальными при этом остаются задачи:

— инфраструктурного развития сел, поселков городского типа, а не только крупных курортных городов;

— соответствующего сервиса на предприятиях туристического обслуживания;

— адекватного соотношения цена-качество гостиничными предприятиями и предприятиями общественного питания.

3. Эзотерические туристские программы в Крым в силу индивидуализации и уникальности предложения, рассчитанного не на массовую потребительскую аудиторию, предлагаются в большей степени как авторские туры, организация которых требует со стороны организаторов компетентных знаний о «местах силы». Для создателей подобных туров сегодня простор для творчества, смешиваются разные виды практик, выходящие за рамки обыденности: уникальные места, уникальное время (лунные, солнечные затмения, парады планет, полнолуние, северное сияние и др.), интересная программа, интегри-

рующая в себе рекреационную, культурно-образовательную и духовную составляющие. Это маршруты с экскурсионным акцентом (увидеть своими глазами «места силы» и послушать экскурсовода), туры с уклоном на практику (ритуальные обряды, семинары, интенсивы, асаны йоги, пранаямы — дыхательные практики, медитации, ретриты молчания и др.). Эзотерические туры в Крыму часто проходят как пешеходные переходы по горным тропам и перевалам, водные путешествия, спуски в наземные и подводные пещеры, купание в горных реках и озерах, целебных, термальных источниках и т.д., то есть и спортивно-оздоровительная функция данных туров неоспорима.

Итак, с культурологической точки зрения эзотерический туризм играет важную роль в аксиологическом и образовательном значении, решая задачи:

— расширения кругозора туриста, приобщения к сокровищам древних культур, традиций, обрядов, культов, знакомства с историей «священных мест»;

— очищения, исцеления, гармонизации личности благодаря изучению и использованию практик древних целительских искусств;

— раскрытия истинной цели и ценности существования человека, умения быть счастливым не «вчера» или «завтра», а «здесь и сейчас» и получать наслаждение от каждой секунды, вдоха, мгновенья;

— духовного роста (самосовершенствование и самореализация, пробуждение своих скрытых резервов, способствующих разрешению жизненных вопросов, расширению сознания, процветанию и успеху), погружения человека в мир природы и мир собственного «Я» (ощущение максимального количества свободы), раскрытия скрытого творческого потенциала, формирования нового взгляда на мир, на окружающую реальность, на самого себя.

Историко-культурное наследие и в целом рекреационный потенциал Республики Крым позволяет рассматривать эзотерические туры в аксиологическом, образовательном, социально-экономическом значениях и прогнозировать увеличение подобных всесезонных туристских программ.

Список литературы

1. Майя Ломидзе, АТОР: Реалии тревел-рынка 2021/2022. Электр. ресурс. - URL: <https://blog>.

13 Муниципальное образование городской округ Алушта: Официальный сайт. Перечень выявленных объектов культурного наследия (археология), расположенных на территории муниципального образования городской округ Алушта Республики Крым. - URL: <https://alushta-adm.ru/uploads/images/Перечень-ОКН.pdf>/ (дата обращения 01.02.2021 г.)

travelpayouts.com/tpas2021-ator/ / (дата обращения 09.11.2021 г.)

2. Волков С.Н. Философские аспекты эзотерического туризма как формы сельской туристической индустрии // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2018. – № 2 (55). – С. 107-113. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskie-aspekty-ezotericheskogo-turizma-kak-formy-selskoy-turisticheskoy-industrii/viewer> (дата обращения 09.10.2021 г.)

3. Носачев П.Г. Эзотерика: основные моменты истории термина // Вестник ПСТГУ, I: Богословие. Философия. – 2011. – Вып. 2 (34). – С. 49–60. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: [file:///C:/Users/lili/Downloads/ezoterika-osnovnye-momenty-istorii-termina%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/lili/Downloads/ezoterika-osnovnye-momenty-istorii-termina%20(1).pdf) (дата обращения 05.10.2021 г.)

4. Культура.РФ. Мода на мистику. Спиритические сеансы в салонах русского высшего света. Электр. ресурс. - URL: <https://www.culture.ru/materials/171910/moda-na-mistiku-spiriticheskie-seansy-v-salonakh-russkogo-vysshego-sveta> (дата обращения 05.10.2021 г.)

5. Бернюкевич Т.В. Буддизм в теософии Е.П. Блаватской: к проблеме «философского изобретения» // Вестник РУДН. – 2009. – № 1. – С.46-56. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <file:///C:/Users/lili/Downloads/buddizm-v-teosofii-e-p-blavatskoy-k-probleme-filosofskogo-izobreteniya.pdf> (дата обращения 05.10.2021 г.)

6. Колмаков В.Б. Несколько штрихов к «портрету» антропософии // Вестник ВГУ. Серия: Философия. – 2015. – №2. – С. 119-123. [Электронный

ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylosophy/2015/02/2015-02-10.pdf> (дата обращения 01.10.2021 г.)

7. Крючкова Е.В. Нью Эйдж как культурная парадигма современного общества. Автореф. дисс...канд.философ.н. Астрахань, 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://dissers.ru/1kulturologiya/nyu-eydzh-kak-kulturnaya-paradigmasovremennogo-obschestva-specialnost-24-00-01-teoriya-istoriya-kulturi-avtoreferat.php> (дата обращения 05.10.2021 г.)

8. Носачев П.Г. Нет ничего нового под Солнцем: «гнозис» как категория в исследовании западного эзотеризма // Государство, религия, церковь. – 2017. – №4 (35). – С. 187 – 208. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/net-nichego-novogo-pod-solntsem-gnozis-kak-kategoriya-v-issledovanii-zapadnogo-ezoterizma/viewer> (дата обращения 01.10.2021 г.)

9. Барышников А.Б., Кошельник Е.И. Места силы // Новые исследования в разработке техники и технологий». – 2014. – № 2. – С. 46-51. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <file:///C:/Users/lili/Downloads/mesta-sily.pdf> (дата обращения 15.09.2021 г.)

10. Муниципальное образование городской округ Алушта: Официальный сайт. Перечень выявленных объектов культурного наследия (археология), расположенных на территории муниципального образования городской округ Алушта Республики Крым. - URL: <https://alushta-adm.ru/uploads/images/Перечень-ОКН.pdf> / (дата обращения 01.02.2021 г.)

CULTURAL ASPECT OF ESOTERIC TOURISM (ON THE EXAMPLE OF TOURS TO THE REPUBLIC OF CRIMEA)

Ivanova Lilia Fatykhovna,

Ph.D of Pedagogic,

Associate Professor

at the Department of Tourism and Hotel Business,

Moscow University for the Humanities,

Moscow, Yunosti str., 5, 111395,

lili.ivan@yandex.ru

Abstract

In Russian tourism, one of the characteristic features at present is the departure from the vector of development of traditional directions towards the diversification of the tourist product, the search for new routes and programs. Some of the tours are increasingly using esoteric elements included in the natural landscape features of destinations, the uniqueness of historical and ethno-national traditions. Esoteric tourism today in the Republic of Crimea has taken its own niche, formed out of the interest of travelers to the so-called "places of power".

Keywords

Tourist programs, cultural routes, esoteric tourism, "places of power", the Republic of Crimea.

ПУБЛИКАЦИЯ В НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННОМ ЖУРНАЛЕ «КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ»

Основные рубрики: «Методология и методы исследования культурных процессов»; «Искусство, образование, наука»; «Духовное наследие и культура»; «Культура регионов»; «Культура повседневности»; «Этнокультуры в прошлом и настоящем»; «Имена и события прошлого»; «Культурное наследие мира»; «Музееведение и охрана культурного наследия» и др.

С 1 декабря 2015 г. журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидатов и докторов наук.

Требования к статьям, присылаемым в журнал «Культурное наследие России»

- К рассмотрению принимаются не опубликованные ранее статьи общим объёмом до 10—12 страниц (не более 0,5 п. л. — 20 000 знаков).
- Публикация безгонорарная, автору высылается электронная версия журнала.
- Авторы несут ответственность за содержание статей и за сам факт публикации. Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
- Автор представляет рукопись по электронной почте: knaros@yandex.ru.
- Формат текстовых файлов — DOC, DOCX.
- Все элементы статьи выполняются шрифтом Times New Roman, размер (кегель) — 14 пт (основной текст), 11 пт (сноски); расстояние между строк (межстрочный интервал) — 1,5; абзацный отступ — 1 см., шрифт — обычный; выравнивание — по ширине (кроме указанного особо).
- Формат страницы — А4. Поля — 2 см.

Статья должна быть оформлена строго в соответствии с изложенными ниже требованиями и включать все перечисленные пункты:

1. 1. Тип статьи (выбрать из списка на следующей странице).
2. 2. УДК (определить самостоятельно в соответствии с темой статьи).
3. 3. ББК (определить самостоятельно в соответствии с темой статьи).
4. 4. Название статьи — выравнивание по центру, жирный шрифт, прописные буквы.
5. 5. ФИО автора полностью — выравнивание по правому краю.
6. 6. Сведения об авторе: ученая степень, звание; почетные звания; должность и место работы; контактный телефон; адрес электронной почты — выравнивание по правому краю.
7. 7. Аннотация на русском языке (5–8 строк).
8. 8. Ключевые слова на русском языке (8–10).
9. 9. Основной текст: шрифт — Times New Roman, кегель — 14 пт., межстрочный интервал — 1,5, абзацный отступ — 1 см.; выравнивание текста по ширине. Сноски — постраничные (внизу страницы).
10. 10. Список использованной литературы.
11. 11. Название статьи на английском языке — выравнивание по центру, жирный шрифт, прописные буквы.
12. 12. ФИО автора полностью на английском языке — выравнивание по правому краю.
13. 13. Сведения об авторе на английском языке: ученая степень, звание; почетные звания; должность и место работы; контактный телефон; адрес электронной почты — выравнивание по правому краю.
14. 14. Аннотация на английском языке (5–8 строк).
15. 15. Ключевые слова на английском языке (8–10).

Иллюстрации представляются отдельными файлами с указанием названия иллюстрации и места ее вставки в тексте. Формат файлов — TIFF, JPG, JPEG.

Редакция может не разделять мнения авторов и не несёт ответственности за недостоверность публикуемых данных.

Редакция журнала не несёт ответственности перед авторами и / или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ ДЛЯ ЖУРНАЛА «КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ»

RAR
УДК 008
ББК 63.3

СУБЪЕКТ, ЛИЧНОСТЬ, ДУХ И ДУХОВНОЕ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

Иванов Иван Иванович,
доктор философских наук,
профессор кафедры гуманитарных наук,
Академия переподготовки работников искусства, культуры и туризма,
ул. 5-я Магистральная, д. 5, г. Москва, Россия, 123007,
e-mail: ivanov@yandex.ru

Аннотация

Постмодернизм изменяет существующее в науке понятие личности. С позиций постмодернизма личность — это мозаика множественных идентичностей, социальных ролей, масок, которые человек волен выбирать и изобретать по своему желанию.

Ключевые слова

Субъект, личность, индивид, дух, духовное, фрагментация.

Как замечает М. Мамардашвили, мировые религии «отличаются от этнических религий прежде всего тем, что они обращены к личности и предполагают наличие в самом человеке начала и корня, который задан в нём как некоторый внутренний образ, или голос. <...> Он поможет только идущему»¹.

.....

Когда цитируют слова Фуко о том, что «человек исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке»², то обычно это высказывание трактуют буквально...

-
- 1 Мамардашвили М. К. Философия и религия // Человек. 1997. № 4. С. 81.
 - 2 Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977. С. 404.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула, 2013. С. 199.
2. Там же стр. 89.....
3. Мамардашвили М. К. Философия и религия // Человек. 1997. № 4. С. 81.
4.

.....

SUBJECT, PERSONALITY, SPIRIT AND SPIRITUALITY IN THE POSTMODERN ERA

Ivanov Ivan Ivanovich,
DSc in Philosophy,
Professor of the Department of Humanities,
Academy of Retraining Arts, Culture and Tourism,
5-ia Magistralnaia Str. 5, 123007 Moscow, Russia,
ivanov@yandex.ru

Abstract

Postmodernism modifies an existing concept in the science of personality. From the standpoint of postmodern identity — a mosaic of multiple identities, social roles, masks that man is free to choose and invent as you wish.

Keywords

Subject, person, individual, spirit, spiritual, schizoid fragmentation.

Тип статьи:

RAR — научная статья;
EDI — редакционная заметка;
BRV- рецензия;
CNF — материалы конференции;

SCO — краткое сообщение;
REV- обзорная статья;
ABS- аннотация;
REP- научный отчет;

COR- переписка;
PER — персоналии;
MIS — разное;
UNK — неопределен.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77–69550 от 02.05.2017 г.

Подписной индекс в каталоге «Пресса России»: Э93581.
Издатель: «Институт Наследия».

Подписано в печать: : 15.02.2022. Формат 60x90 1 / 8. Тираж 500 экз.
Адрес редакции: 117321, г. Москва, ул. Профсоюзная, д. 136, корп. 1, кв. 309.
Сайт: <http://www.kultnasledie.ru/>
<http://ркцентр.рф/> / культурное-наследие-россии /
E-mail: knaros@yandex.ru